ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА
В ЕЕ РАЗВИТИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. УДАЛЬЦОВА

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

ЛАССАЛЬ И РОДБЕРТУС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА
В ЕЕ РАЗВИТИИ

Вып. VI

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
проф. И. Д. УДАЛЬЦОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА
В ЕЕ РАЗВИТИИ

ЛАССАЛЬ и РОДБЕРТУС

В ИЗБРАННЫХ ОТРЫВКАХ

СОСТАВИЛИ
В. РОЗОВ и В. СЕМЕНОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1925 * ЛЕНИНГРАД

Главлит № 40558. Гиз № 9539. Тираж 7.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 1/16.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемый вниманию читателя сборник является одним из выпусков подготовляемой нами к печати «Библиотеки-Хрестоматии», которая должна охватить все этапы развития социализма, как экономического учения. Она должна быть распространенным пособием по политической экономии и социализму, пригодным как для преподавателей и студенчества, так и в качестве материала для самообразования. В наше время—исключительного и особенного изучения социализма—такое пособие, повидимому, отвечает назревшей потребности.

В соответствии с этим «Библиотека-Хрестоматия» ставит своей задачей ознакомить читателя с общим ходом развития экономической теории социализма, проследить истоки марксистской экономии и дать, наконец, представление о современных течениях в социализме. В понятие экономической системы социализма мы включаем три группы проблем: познание существующего строя экономических взаимоотношений, критику его и теоретическую конструкцию нового хозяйственного строя. Указанному плану должно отвечать содержание как всей «Библиотеки-Хрестоматии» в целом, так и каждого отдельного выпуска. Каждый выпуск охватывает одно из направлений в истории социалистической мысли в лице наиболее видных представителей этого направления, при чем объединяющим центром для всей «Библиотеки» является экономическая система марксизма, как фокус, в котором отражаются все лучи раннего социализма и откуда исходят все виды современной социалистической теории и практики.

Общий план и последовательность изложения предопределяются действительной историей развития экономической системы социализма. Она выросла из экономического учения революционной буржуазии, нашла впервые социалистическое преломление у ранних социальных критиков в Англии, сочеталась с конструктивными планами утопического социализма и проектами конкретных социальных реформ мелкобуржуазного и государственного социализма и, наконец, в учении Маркса нашла свое высшее завершение. В соответствии с этим «Библиотека-Хрестоматия» раньше всего дает представление о буржуазных предшественниках социалистической экономии, затем последовательно переходит к ранним социалистическим критикам (в Англии), великим утопистам, мелкобуржуазному и государственному социализму, Марксу и Энгельсу, их школе и кончает современными течениями в социализме.

Всего предполагается одиннадцать выпусков, расположенных в этой последовательности, при чем каждый из них будет иметь совершенно законченный характер и в то же время представлять неразрывную часть целого.

Составители сознают все недостатки своей работы, но надеются, что опыт первых выпусков, указания критики и их собственные усилия дадут возможность устранить эти недостатки в дальнейшем.

В заключение несколько слов об употребляемой терминологии. Мы предпочитаем везде употреблять термин «стоимость» вместо «ценность»; последний оставляется только в тех цитатах, где автор или цитируемый переводчик придерживаются этого термина. Вместо ставшего употребительным в русской экономической литературе термина «экономика», мы говорим везде «экономия», употребляя последний почти всегда, как сокращение от термина «политическая или теоретическая экономия».

Б. РОЗОВ.
В. СЕМЕНОВ.

К VI ВЫПУСКУ «БИБЛИОТЕКИ - ХРЕСТОМАТИИ»

Мы сверяли существующие русские переводы Лассаля и Родбертуса с немецкими оригиналами и пришли к выводу, что в отношении цитируемых нами «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian» и «Offenes Antwortschreiben» u s. w. Лассаля можно пользоваться русским переводом 1906 г., сделанным с немецкого трехтомного издания сочинений Лассаля под ред. Бернштейна. Равным образом, не потребовал значительных исправлений и перевод проф. Соболева 1905 г. «II и III социальных писем к фон Кирхману» («Zur Beleuchtung der sozialen Frage», Teil I) Родбертуса. Перевод Давыдова (1906 г.) «I и IV социальных писем», по сверке с посмертными изданиями (1885 г.) под ред. Ад. Вагнера и Ф. Козака, был значительно переработан нами как по форме изложения, так и по существу, в смысле более точной и полной передачи текста подлинника. Перевод из «Zur Erkenntnis unserer Staatswirtschaftlichen Zustände» Родбертуса сделан нами с первого немецкого издания 1842 г. Впервые также на русском языке появляется перевод III отдела II части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», сделанный нами с упомянутого посмертного издания 1885 г. Помещая в приложении статью Родбертуса «Нормальный рабочий день», мы пользовались русским переводом Герценштейна («Юридич. Вестн.», 1891 г.), сверив его с оригиналом по изданию 1871 г.

СОСТАВИТЕЛИ.

ВВЕДЕНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАРЛА РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА

Лассаль и Родбертус очень близки друг к другу в области экономической теории. Лассаль сам часто признавал свою теоретическую зависимость от Родбертуса и, по существу, он, как политико-эконом, совсем не оригинален и не нов; у него нет в этой области ни одной новой мысли, самостоятельно разработанной. Его главное экономическое сочинение «Капитал и Труд», направленное против Шульце-Делича, содержит довольно сильную критику последнего, как немецкой разновидности фритредерства и поклонника «гармоний», но бледно в тех частях, где Лассаль развивает положительные экономические теории; его объяснение капитала и происхождения последнего—слабо, теория стоимости представляет собой популяризацию теории стоимости Маркса по «К критике политической экономии», правда, изложенную с недостаточным пониманием оригинала и поэтому существенно отличающуюся от него. Основное расхождение кроется в различном понимании характера труда, создающего стоимость [1]). Теория прибыли Лассаля также не нова, а железный закон заработной платы, развиваемый им в «Капитале и Труде», блестящую формулировку которого он дал также в своем знаменитом «Гласном ответе», представляет, по его собствен-

[1]) Мы не можем входить в детальный разбор этого понятия у Маркса и Лассаля и всех, интересующихся вопросом, отсылаем к работе Т. Григоровичи, посвященной этому вопросу: „Теория стоимости у Маркса и Лассаля", переведенной недавно на русский язык.

ному заявлению, общее место политической экономии; он сам несколько раз приводил колоссальное количество цитат из длиннейшего ряда экономистов от Смита до Рау и Рошера, в которых этот закон излагается. Этот закон Лассаль непосредственно взял у Родбертуса на-ряду с основными чертами экономической концепции последнего.

Значение Лассаля для рабочего класса и социализма меньше всего следует искать в области экономической теории: здесь оно ничтожно. Он был больше всего политиком и организатором пролетарского движения, и именно как политик, организатор и агитатор, Лассаль вошел в Пантеон великих людей рабочего Интернационала. Лассаль понимал необходимость организации рабочего класса в самостоятельную партию, которая должна вести независимую политическую линию и которая единственно и в полной мере будет бороться за подлинную свободу. Эта партия должна завладеть политической властью для того, чтобы с ее помощью решить экономическую проблему пролетарского движения. Путь завоевания политической власти Лассаль видел в осуществлении всеобщего избирательного права. Последние годы своей бурной и героической жизни Лассаль посвятил этой великой задаче. Здесь пламенный трибун и блестящий организатор развернул во всю мощь свой великий талант, и в эти годы было заложено начало самого мощного в мире—германского—рабочего движения.

Померанский помещик Родбертус-Ягецов, искренне симпатизировавший рабочему движению и видевший иногда в рабочем классе—класс, который должен решить сложнейшую проблему человечества, до конца своих дней остался в политическом отношении чуждым основным предпосылкам и требованиям освободительной борьбы пролетариата и верным своему собственному классу. Он до конца своих дней остался, если сравнить далеко идущий характер его реформаторских планов в области организации хозяйства с мизерными потугами его конкретно-политической платформы, самым никчемным и неуклюжим политиком, какой только когда-либо был.

Но Лассаль и Родбертус сходятся в своих конечных социальных идеалах: оба они представители так называемого

государственного социализма, оба стремятся осуществить строй будущего при помощи государства и представляют последнее строго централизованным, концентрирующим в своих руках всю совокупность политической и экономической власти [1]). Лассаль при этом государственную власть мыслит в ее изменении и развитии, он выдвигает активную цель—изменить современную государственную машину, передав ее в руки другого класса. Родбертус же, несмотря на весь свой исторический метод, представляет себе государство и государственную организацию вечными и неизменными. В обществе будущего у него господствует правительственная бюрократия, во всем напоминающая прусскую государственную машину его времени и наделенная еще большими правами и централизмом. Основную задачу будущего общественного порядка (и это цель, к которой он стремится) Лассаль видит в организации при помощи государства производительных рабочих ассоциаций; его занимает по преимуществу вопрос организации труда и производства; Родбертус же—в установлении справедливого масштаба измерения затрачиваемого труда и справедливой оплаты последнего; его занимает, главным образом, организация обмена, и реформированный обмен он думает превратить в рычаг, при помощи которого может быть изменена вся совокупность современных хозяйственных отношений.

По своим идеалам, следовательно, оба мыслителя чрезвычайно близки к авторам «Организации Труда» и «Системы экономических противоречий», они оба—новое немецкое издание типичного мелкобуржуазного социализма, классической родиной которого явилась Франция; они оба—мелкие буржуа не по своему положению, а по воззрениям, как выражался Энгельс. Но социализм Родбертуса и Лассаля, в

[1]) Необходимы некоторые оговорки: указанные моменты у Лассаля выражены гораздо слабее, чем у Родбертуса, поэтому только последний может быть отнесен в полной мере к основоположникам государственного социализма; Лассаль же вообще может быть лишь с некоторой натяжкой назван сторонником централизации в отношении общества будущего, и с натяжкой можно говорить и об его эволюционном понимании государства; много мест из его речей, посвященных роли государства, и практические предложения кн. Бисмарку свидетельствуют как раз о противоположном; у него нет такой строгой последовательности в разработке этих вопросов, как у Родбертуса.

полном смысле этого слова, новое и далеко улучшенное издание французского мелкобуржуазного социализма, в нем отразилось уже новое, много нового видевшее и пережившее, поколение, одно из тех безусловно редких поколений, которое по интенсивности своих переживаний и развития может сравниться с рядом поколений органического роста. Оба мыслителя, каждый в своей области, выше своих предшественников. Родбертус настолько выше Прудона в экономической теории, насколько Лассаль выше Луи-Блана в области политики, и оба они, в особенности Лассаль, неизмеримо больше обогатили социалистическую мысль и практику положительным содержанием, чем их французские предшественники.

Ограничиваясь в предлагаемом сборнике исключительно экономической стороной учения Лассаля и Родбертуса, мы в дальнейшем изложении все свое внимание должны уделить Родбертусу, поскольку экономическое учение Лассаля особой ценности и особого этапа в развитии социалистической экономии не представляет.

* *
*

Экономическое учение Родбертуса представляет собой вполне самостоятельное и законченное целое; к нему, больше чем к какому бы то ни было другому учению, подходит название—система, ибо характерным для всякой экономической системы является ее законченная замкнутость и цельность в объяснении мира хозяйственных явлений; социальная система прибавляет сюда конструкцию нового хозяйственного порядка—мира социальных устремлений. Учение Родбертуса является оригинальным образцом переплетения экономической и социальной систем. Порядок развития отдельных частей в нем таков: критика существующего строя, объяснение его основных хозяйственных дефектов, принципы нового строя, план реформирования. «Социальные письма» именно в таком порядке и излагают эту систему, и, хотя Родбертус не успел в них довести до конца свою систему, придать ей логически-стройный и завершенный вид, она все-таки кажется безусловно законченной: все ее части поразительно ясны, планы понятны и характерны.

Последуем плану «Социальных писем» и попытаемся кратко обрисовать это гордое Родбертусовское здание.

Нам придется начать с того, что Родбертус понимает под социальной проблемой. Все его писания вызваны этим сфинксом, потребностью разрешить его загадку. Он знает, что эту загадку можно открыть в той области, которой право коснулось лишь слегка, поверхностно, не вникнув в ее сущность,— в области распределения продукта общественного производства. Право определило титул различных долей общественного продукта, но мера их определяется слепой силой обращения. Общество увлечено в настоящее время борьбой за определение доли участия различных классов в продукте, в нем постоянно господствует состояние войны, bellum omnium contra omnes. Такой характер распределения и обусловливает два величайших бедствия, господствующих в современном обществе и составляющих бич современности—социальную проблему. Он является причиной пауперизма и торговых кризисов, причиной все возрастающего обеднения, которое в отдельных странах обгоняет даже рост населения при одновременном увеличении национального имущества. Чем же объяснить такое парадоксальное явление: постоянный рост национального богатства и обеднение широких слоев населения? Очевидно тем, что только одна часть общества пользуется плодами увеличения национального богатства, другая же—исключается. А эта другая часть общества — большинство народа, трудами которого богатство производится, она и включает в себя рабочий класс—наемных пролетариев и тех производителей, которые ныне образуют «сословие мелких ремесленников», живущих точно так же «трудом своих собственных рук». Этот рост массового обеднения, нищеты и несчастий среди увеличивающегося богатства и роскоши язык обозначил словом пауперизм, и этот новый термин одним уже своим словообразованием указывает на то, что факт этот—варварство среди цивилизации. Но не меньше страданий, чем пауперизм, приносят обществу повторяющиеся через все менее продолжительные промежутки времени и все более увеличивающие силу своего разрушительного действия торговые кризисы.

Они стали периодически повторяться приблизительно с того самого времени, когда пауперизм привлек к себе общее внимание. Они падают на голову общества как раз тогда, когда расцвет и богатство его достигают высшей точки, и сопровождаются всегда однородными явлениями, что дает основание предположить какую-то одну глубокую причину, вызывающую их. Она кроется именно в бедности рабочих классов, составляющих пять шестых всей нации, в несоответствии движения их дохода с возрастанием национального производства. Доля рабочих в национальном продукте, их заработная плата составляет, при возрастающей производительности труда, все меньшую и меньшую часть этого продукта. Отсюда постоянное уменьшение той части продуктов общественного производства, которая может быть приобретена рабочими из общей суммы продуктов этого производства, неизменно увеличивающейся; отсюда постоянные задержки в сбыте, отсюда периодические торговые кризисы, начинающие все чаще и чаще повторяться, отсюда и постоянный пауперизм. Ибо малейшее улучшение в положении рабочего класса систематически уничтожается торговыми кризисами, всей своей тяжестью обрушивающимися на рабочих, ввергающими их в глубокую нужду и тем самым подготовляющими для себя путь возвращения.

Отмеченные аномалии органически присущи современному способу производства, они обусловливаются законами этого последнего. В обществе с частной собственностью на землю и капитал, с «предоставленным самому себе разделением труда» распределение национального продукта происходит в условиях менового оборота. В единичных актах обмена обмениваются друг на друга в определенных количествах потребительные стоимости. То значение, которое, благодаря этому акту, получают продукты один по отношению к другому и благодаря чему каждый определяется количеством другого, называется меновой стоимостью, которая, таким образом, отражает уже общий акт обмена и является по существу общественной потребительной стоимостью. В условиях, когда меновой оборот становится правилом, когда каждый—производитель потребительной стоимости для других и получает продукты производства дру-

гих, когда один работает для всех и все для одного, меновая стоимость становится рыночной стоимостью. Рыночная стоимость, несмотря на то, что она находится под изменчивым влиянием спроса и предложения, тяготеет к «затраченной на создание продукта производственной силе, к издержкам производственной силы». Отклонения от этого противоречат эгоизму и при наличии свободной конкуренции не могут долго сохраняться. Хозяйственные блага вообще являются только продуктом труда, стоят только труда, и именно труда, выполняющего материальные действия, необходимые для создания благ. Рыночная стоимость должна была бы определяться именно этим принципом, и это имело бы место в действительности, если бы разделение труда давало возможность каждому участнику производства производить собственными силами весь продукт, который он должен был бы получить тогда в свою полную собственность. На самом же деле, на-ряду с непосредственными производителями, существуют собственники средств производства—земли и капитала, и характерной особенностью современного строя является как раз то, что непосредственные производители продукта—рабочие—обладают одной только рабочей силой, земля же и капитал находятся в чужих руках. В силу этого продукт труда не может уже поступить целиком в руки его производителей, он делится между ними и собственниками земли и капитала. Дележ этот «не регулируется, однако, какой-либо социальной предусмотрительностью, р а з у м н ы м общественным порядком, но подчиняется влиянию предоставленного самому себе менового оборота, так называемым «е с т е с т в е н н ы м» общественным законам». Доля каждого класса в национальном продукте зависит от шансов рынка. Труд сделался тоже предметом менового оборота. Труд рабочих продается по всем правилам менового оборота, и стоимость его определяется как и рыночная стоимость других товаров; его «естественная цена» определяется суммой благ, необходимых для поддержания жизни рабочих, необходимых для того, чтобы «постоянно доставлять труд на рынок». Такое распределение национального продукта ведет к тому, что, при возрастающей производительности труда, заработная плата рабочих становится все меньшей

долей в продукте. Другая же, все возрастающая часть национального продукта, поступает в распоряжение класса собственников земли и капитала. Она называется рентой, т.-е. «доходом, который получается без личного труда, исключительно в силу владения», и является также продуктом труда, но продуктом труда не тех, кто ею владеет, а других, у которых она отбирается. Существованию ренты способствуют два обстоятельства—одно экономического, другое юридического характера. Первое заключается в том, что труд, со времени разделения его, производит больше, чем необходимо для поддержания жизни самих трудящихся. На известной стадии развития становится возможным присвоение излишка, создаваемого трудом сверх необходимых средств существования, лицами, не принимающими никакого участия в производстве. Это присвоение становится возможным благодаря второму обстоятельству — институту собственности на средства производства. Институт этот—частная собственность на землю и капитал—появился уже с разделением труда, с того именно момента, когда создалась возможность неработающим жить продуктом труда работающих. Продукт труда никогда не принадлежал рабочим, а всегда другим «частным лицам», и теперь на протяжении всего процесса производства он принадлежит не им, а опять-таки лицам, никогда не обрабатывавшим землю и не производившим капитала. Первоначально же собственность обнимала не только землю и капитал, но и самих рабочих, и первоначальная система эксплоатации была тяжелее современной настолько, насколько рабство суровее собственности на землю и капитал. Таков исторический факт. Рабочие и теперь не собственники продукта их труда, этими собственниками попрежнему являются «частные» лица, и от них уже рабочие получают свою долю в продукте. Остающаяся у собственников часть продукта—их рента—разделяется на поземельную ренту и на прибыль на капитал. Обе эти части одинакового происхождения, они—части ренты; и первоначально, до резкого отделения городского или промышленного производства от деревенского или сельскохозяйственного, не различались даже; они и концентрировались в руках одного владельца, объединявшего в своем владении

как производство сырья, так и его промышленную переработку. Теперь эти части отделились друг от друга. Рента разделилась на ее составные части, которые и по существу различны. Капитал это—«ранее выполненный труд». В обороте он принимает форму различного рода издержек, производимых владельцем капитала, издержек на сырье, которое должно перерабатываться, на орудия, при помощи которых производится переработка, и на заработную плату рабочих, которые должны совершить эту переработку. Рента, падающая на промышленный продукт, рассматривается, как доход на затраченное имущество. И этот доход есть не что иное, как прибыль от капитального имущества. При свободной конкуренции этот доход должен соизмеряться с величиной затраченного капитала; меновой оборот создает среднюю прибыль, обычную норму этой последней, к которой тяготеют индивидуальные нормы прибыли. Общая норма прибыли не ограничивается сферой промышленной переработки, она распространяется и на область производства сырья, но здесь она должна потерпеть некоторое изменение. В производстве сырья, как правило, сырой материал, составляющий значительную часть издержек капитала в обрабатывающей промышленности, не является капитальной издержкой: земля ничего не стоит землевладельцу. Поэтому и доход, получаемый в сельском хозяйстве, должен быть гораздо выше, чем в промышленности, ибо он вычисляется на капитал гораздо меньший, чем в последней, при одинаковом количестве затраченного труда в обеих областях, а величина этого дохода может и должна определяться только количеством труда, затраченного в производстве. Ибо мы исходим из того положения, что все продукты реализуются по количеству заключающегося в них труда. В сельском хозяйстве поэтому всегда будет оставаться излишек ренты и после исчисления прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. Эта часть ренты и называется поземельной рентой. Она будет всегда получаться в сельском хозяйстве, потому что, как бы незначительна ни была стоимость сырого материала, она всегда все-таки в продукте сельского хозяйства будет отсутствовать и, наоборот, никогда не может быть исключена в промышленности.

Рента на капитал присвоивается полностью собственником капитала, если он прилагает к своему капиталу личную деятельность; если же он право распоряжения капиталом передает другому лицу, за ним сохраняется лишь часть этой ренты—остальная часть переходит к новому капиталисту. Часть ренты, остающаяся у собственника капитала, получается им в виде регулярных взносов со стороны капиталиста, занимающего капитал, и, исчисляемая на каждые сто единиц капитала, называется процентами; остаток ренты, попадающий к занявшему капитал, носит название предпринимательской прибыли, а его получатель—предпринимателя. Аналогичное разделение происходит и в земледелии. Предприниматель, занимающий землю, получает предпринимательскую прибыль; сам он здесь называется арендатором, а та плата, которую он вносит собственнику земли, составляет поземельную ренту; ее получает один только землевладелец.

Рента и заработная плата—две составные части стоимости продукта, две части, определяющие доли рабочих и собственников земли и капитала в продукте, величины их обратно пропорциональны друг другу: чем выше рента, тем ниже заработная плата, и наоборот. Общее изменение высоты обеих этих частей зависит от производительности труда вообще и от изменения производительности труда в производстве сырья и промышленных изделий в частности, а равно от изменений в условиях распределения продукта. Высота поземельной ренты зависит также от увеличения количества населения, ибо вызываемое последним возрастание стоимости национального продукта в промышленности падает на увеличившийся капитал, в заработной плате—на увеличившееся количество рабочих, а в земледелии—на неизменные по величине земельные участки и поэтому здесь всегда вызывает заметное повышение ренты, что и наблюдается в действительности.

Таков порядок и принципы распределения общественного продукта при существующем строе, который современными экономистами рассматривается чисто-индивидуалистически, в его отдельных проявлениях, изучается на отдельных атомах его. В этом кроется величайшая ошибка. Общественное хозяйство—результат общения, результат единства, образуе-

мого разделением труда. Общением является в общественном хозяйстве и процесс распределения общественного продукта. Это распределение по существу—разделение сработанного является лишь необходимым дополнением разделения труда. Это единство создает совершенно новое явление, непохожее на отдельные элементы, из которых оно складывается, совершенно отличное от них, так как подчиняется совершенно иным законам. На отдельных единичных хозяйствах нельзя изучать общественное хозяйство и его явления, эти последние нужно рассматривать не в том виде, в каком они встречаются в хозяйствах отдельных индивидуумов, а в общественно-хозяйственном единстве, в общественно-хозяйственной совокупности. Элементы общения—элементы коммунизма в современном, лишь внешне разобщенном, анархо-индивидуалистическом порядке превалируют над всеми остальными. Мы буквально «торчим» уже в коммунизме. И только неправильное понимание и неверное толкование, данные прежними адептами этому понятию, заставляют всех пугаться, отрицать и открещиваться от него. Процесс общения не ограничивается современной ступенью развития, он стремится к высшим формам и в будущем овладеет окончательно обществом. История представляет собой картину постепенного развития этого принципа—неуклонно и непрерывно движущегося вперед коммунизма. Индивидуализм—временное и преходящее явление, он был здоровой и необходимой реакцией против того порабощающего вульгарного понимания общения и коммунизма, которое господствовало в средние века, и он должен уступить свое место новому коммунизму, коммунизму современному, основанному на свободе.

В этом новом коммунистическом строе должны будут исчезнуть все неурядицы и несправедливости, которыми переполнен современный хозяйственный уклад, ибо в новой государственно-хозяйственной системе будут отсутствовать источники современных непорядков и современного зла. В существующем хозяйственном порядке распределение общественного продукта принимает столь несовершенный характер, благодаря частной собственности на землю и капитал; коммунизм отменит эту форму собственности, он передаст

всю совокупность земли и капитала в собственность всего общества, оставляя частную собственность только в пределах личного распоряжения предметами, получаемыми каждым для удовлетворения его личных потребностей [1]). Этим собственность отнюдь не уничтожается, она только получает свое настоящее назначение и верную сущность. В таком хозяйственном строе общее распоряжение производством и распределением было бы сосредоточено в руках всего общества в лице органов, представляющих и выявляющих его общую волю; они должны были бы в силу этого принять стройный и организованный характер, ибо общество руководствовалось бы учетом своих потребностей и направляло бы свою деятельность в согласии с выявленной потребностью. Такое общество освободилось бы от анархии, господствующей в современной хозяйственной системе, когда организаторами и руководителями общества являются «наследственные чиновники» общества—собственники земли и капитала, хозяйничающие не для удовлетворения общественных потребностей, а ради собственной выгоды. В таком хозяйственном порядке должны были бы принять другой вид и принципы хозяйственной деятельности, принципы, регулирующие последнюю: именно здесь основные понятия хозяйства и должны были бы получить верное значение. В обществе с частной собственностью на землю и капитал продукты в свободном обмене и лишь благодаря ему получают свое взаимное значение, т.-е. свою стоимость, которая является лишь условной, и посредством которой определяется величина той доли, какую получает каждый продукт в качестве вознаграждения за труд, затраченный на его производство, из национального продукта; в обществе без частной собственности на землю и капитал государственно-хозяйственное учреждение установило бы принципы взаимного значения продуктов как по отношению друг к другу, так и продуктов по отношению

---

[1]) Родбертус предполагает оставить последнюю форму собственности. хотя и оговаривается, что одна из систем коммунизма рапространяет свои принципы и на область потребления; он ее не осуждает, не критикует, так что в конце-концов остается невыясненным вопросом, считает ли он набросанный им план оконченным, или он только является последней ступенью к более полному коммунистическому строю.

к доходу. Оно определяло бы это значение по количеству заключенного в продуктах труда и достигло бы этого «путем конституирования стоимости всех продуктов и путем создания денег, вполне соответствующих своей идее». Первое становится возможным, когда государственно-хозяйственное учреждение поддерживает общественное производство, соразмеряя его с общественными потребностями. Стоимость конституируется тогда по сумме воплощенного в продукте труда как непосредственно затраченного на производство, так и причисляемого к стоимости продукта вследствие изнашивания орудий. Различие характера работ при этом конституировании устраняется введением нормального рабочего дня, определенного по времени, различие работников—введением нормального рабочего дня, определенного по работе; различие естественных отношений, играющих важную роль в производстве—принятием в расчет только среднего количества труда, затрачиваемого на производство продукта определенной категории, чем совершенно уничтожаются локальные и индивидуальные производственные различия; для учета же изменения производительности труда вводится периодический пересмотр установленных нормировок.

Средством проведения конституированной стоимости должны служить новые деньги, которые ввело бы государство. Эти деньги должны представлять собой обыкновенные квитанции, на которых отмечается определенное количество нормального труда и которые выдаются государством в обмен за такое же количество труда, содержащееся в произведенном продукте, и соответствующие поэтому такой же стоимости. Их обладатель может за них всюду приобрести равную стоимость в любых продуктах из государственных магазинов. Квитанции служили бы средством обращения, насколько в нем была бы потребность; они служили бы средством ликвидации взаимных расчетов для связанных разделением труда производителей и были бы самым совершенным мерилом стоимости, ибо отражали бы в себе конституированную стоимость.

Однако это коммунистическое общество далеко от нас, и хотя мы несемся уже по коммунистическим волнам, путь

еще далек. Переход потребует столетий (в письмах к Лассалю Родбертус указывает даже определенную цифру—500 лет); из своего нынешнего состояния общество не может немедленно выйти без опасностей для своего существования, поэтому собственность на землю и капитал должна еще надолго остаться. Останутся также и многие из несовершенств, связанных с современным строем, хотя и теперь уже многое могло бы быть изменено, много отрицательных явлений могли бы быть устранены с пользой для общества, и если бы не слепота тех, кто управляет современным обществом, осуществление плана такой социальной реформы, хорошо проведенной, способствовало бы лишь оздоровлению общества, внесению в него порядка. История всегда шла вперед путем компромиссов; задача текущего момента, разрешить которую должна наука о государственном хозяйстве, заключается именно в создании компромисса между трудом и собственностью на землю и капитал.

Инициативу и проведение этой реформы должно взять на себя государство. Оно раньше всего должно приступить к детальному выяснению современного общественного состояния. Первым шагом его должна быть реформа существующей налоговой системы: отмена косвенных налогов на предметы необходимости и массового потребления, сильное обложение раньше денежного, затем движимого капитала вообще, в третью очередь земли и в четвертую—рабочей силы. В области непосредственного регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом—оно должно провести нормальный рабочий день, определив его продолжительность первоначально в 10 часов эфективного рабочего времени ежедневно, запретить воскресную и регулировать ночную работу, ввести институт фабричной инспектуры, который должен следить за правильным проведением рабочего законодательства и т. д. Согласно принципам нормального рабочего дня должна быть установлена и оплата труда, которая в определенные сроки должна ревизоваться и изменяться, в связи с изменением производительности труда. Должны быть введены основанные на количестве затраченного рабочего времени кредитные деньги, эмиссию которых государство должно оставить за собой, и кото-

рые будут розданы государством в долг предпринимателям для оплаты их рабочих. Государство, кроме того, должно приступить к самостоятельному ведению некоторых отраслей производства: современные государственные предприятия доказывают, что государство—великолепный предприниматель и легко справляется с этой задачей. Последнее мероприятие уже в современном обществе закладывает фундамент будущего и внедряет это последнее в настоящее.

Конечно, все эти мероприятия не преобразуют сразу и радикально современный строй, они оставляют основное зло—частную собственность на землю и капитал. Но хотя намеченная предварительная реформа не должна ограничивать право собственности на землю и ее наследование, стеснять распоряжение капиталом в производстве и свободу выбора занятий, она все-таки дает возможность избежать ряда отрицательных последствий современного способа распределения, гарантирует обществу полную возможность излечения от пауперизма и торговых кризисов и, вместе с тем, будет способствовать в сильнейшей степени поднятию культурного уровня рабочих масс. Но и эта, предварительная на пути к коммунизму, реформа требует продолжительного времени. Родбертус указывает для нее в своей переписке срок в двести лет.

* * *

Таков вкратце и упрощенно остов экономического учения Родбертуса. Центр этого построения составляет теория распределения—часть, лучше всего разработанная и наиболее сильная. Если же бросить общий взгляд на всю систему в целом, в ней легко можно заметить несколько основных принципов, из которых с удивительной силой логики и с большим мастерством выводится все остальное. Нужно выделить три основных принципа, на которых фактически основано все построение. Во-первых, принцип падающей доли рабочего класса в общественном продукте. Из него вытекает критика существующего строя в его грознейших проявлениях—пауперизме и торговых кризисах. Затем, конституированная стоимость: на ней основана вся положи-

тельная часть учения—реформа хозяйственного порядка, и она же является краеугольным камнем будущего коммунистического строя. И, наконец, принцип общения. Из него вытекает историческая необходимость и неизбежность коммунизма. Всякая критика учения Родбертуса должна быть направлена на эти три основные начала: несостоятельность их разрушает всю систему, не оставляя в ней почти ничего, и даже несостоятельность какого-либо одного из них, в особенности из первых двух, наносит смертельный удар системе в целом, оставляя в ней только ряд более или менее ценных, более или менее верных мыслей, отдельных теорий и только. Система потеряла бы тогда ту связность, которая поражает в ней сильнее всего, или лишилась бы своей логической последовательности, составляющей основу ее связности. Социальная реформа понятна и доказана, когда она направлена на перерождение основы социального неустройства, когда же последняя сама по себе не доказана и непонятна—социальная реформа бьет мимо цели, и, наоборот, если даже социальное неустройство верно понято и схвачено, а принцип социальной реформы ложен и несостоятелен, социальное неустройство остается в неприкосновенности.

Бросим критический взгляд на все учение, придерживаясь в разборе его указанных здесь основных принципов этого учения. Первый вопрос, который при этом следовало бы себе задать, это—верно ли положение о падающей доле?

Само собой понятно, что в этом вопросе последнее слово может принадлежать только статистике,—никакие обще-теоретические положения здесь не могут быть достаточно доказательными. Родбертус в последние годы своей жизни именно к этому пути и обратился, он обработал статистику английского национального дохода по Boxter'y и Colquhoun'y за 1767 и 1812 г.г. Эта работа является как бы статистическим доказательством того положения, которое Родбертус теоретически выводил, начиная с своей самой ранней работы, и неизменно на все лады повторял почти во всех своих дальнейших писаниях. Родбертус понимает под падающей долей, как мы видели, относительное уменьшение части общественного продукта, приходящейся на долю рабочего клас-

са; такое уменьшение может одновременно сопровождаться, и чаще всего сопровождается, абсолютным увеличением получаемой рабочими заработной платы. Цифры, приводимые Родбертусом, однако, не указывают безусловного относительного уменьшения доли английского пролетариата в национальном продукте за 65-летний промежуток, а указывают лишь на уменьшение в национальном доходе доли средних классов, сильно сократившихся и численно, а главное, необычайно выпукло иллюстрируют концентрацию богатства в руках верхних «десяти тысяч». Так: цифры эти, например, показывают увеличение рабочего населения с 50 до 77% всего населения и увеличение их части в доходе с 24, 6 до 40%. Относительно здесь никакого уменьшения нельзя заметить, можно только констатировать, как незначительна доля рабочих в национальном продукте в сравнении с их численностью вообще. Нагляден неимоверный рост богатства в руках крупно-состоятельной группы населения, совершенно ничтожной по своей численности (их доход, составлявший раньше 10%, составляет теперь 25% всего национального дохода), что логически должно вытекать из факта увеличения рабочего класса. Рабочие получают в общественном продукте незначительную долю; чем больше их число, тем меньшую относительно часть общественного дохода они получают, тем большая, наоборот, часть падает на долю богатого класса. Остальные части сводки показывают механизм численного роста рабочего класса, и весьма показательной является в этом отношении фигура, построенная на основании отмеченного распределения общественного дохода. Внизу широкое основание, представляющее поле деятельности многочисленного класса, выполняющего в обществе роль муравьев, нижняя часть этого класса состоит из совершенно обездоленных и нищих; это широкое основание постепенно суживается, принимая в средней части форму узкой шейки, из которой выдвигается большой, туго наполненный денежный мешок, расширяющийся кверху. Последнее—символ увеличения богатства самого высшего класса.

Явление уменьшения доли рабочего класса в общественном продукте не отрицается обработанной Родбертусом английской статистикой, и оно подтверждается данными новей-

шей статистики английского дохода, но формулировка этого явления в таком виде, в каком ее усиленно подчеркивает и единственно принимает Родбертус, неверна и не соответствует выводам его собственных цифр. Ошибка Родбертуса вытекает, главным образом, из того, что он явления распределения рассматривает, хотя и динамически, но без связи с динамикой общественных группировок и изменений: он последнюю стремится вывести из установленного a priori закона распределения, в то время как установленный Родбертусом закон сам зависит от закона роста населения при существующем способе производства, от изменений группировок и распределения населения по классам. И именно только в этой связи закон уменьшающейся доли имеет значение постоянного фактора. Но это не исключает возможности существования в отдельные эпохи, по преимуществу крайне критического характера, явления уменьшения относительной доли рабочих в том виде, как это понимал Родбертус. Блестящим подтверждением такой возможности могла бы служить наша эпоха с характерным для нее резким ухудшением положения рабочего класса, массовым обнищанием «нового среднего сословия» и сказочным ростом богатства небольшой группы магнатов крупной промышленности, князей и герцогов современности. Однако это явление происходит на фоне непредусмотренных Родбертусом фактов, его сопровождает не рост производительности, не увеличение общественного богатства, а, наоборот, уменьшение производительности, растрата общественного богатства; и уменьшение доли происходит не путем уменьшения доли трудящихся во вновь произведенном, а путем уменьшения ее в уже распределенном, путем открытого грабительского присвоения уже присвоенного. Явление уменьшения доли, как его понимал Родбертус, может быть принято лишь с большой натяжкой и оговорками; но если бы даже удалось доказать его абсолютную достоверность (и не так, как это пытался сделать экономист на анализе общественного дохода только двух далеко отстоящих друг от друга моментов времени, что всегда должно быть связано с учетом определенных, присущих только этим двум моментам особенностей, а единственно верным путем,—детальным статистическим

анализом большого периода, разбитого на одинаковые и небольшие, лучше всего годовые, промежутки), то и тогда из него нельзя было бы вывести объяснение пауперизма и в особенности торговых кризисов.

Родбертус объясняет кризисы уменьшающейся покупательной способностью рабочего класса, возникающей на почве постепенного уменьшения доли последнего в общественном продукте. Это объяснение имеет логически всю видимость достоверности в объяснении факта возникновения торгового кризиса, но с точки зрения этой теории нельзя себе представить причины исчезновения кризиса и абсолютно немыслим подъем, всегда имеющий место вслед за вялым состоянием послекризисного периода. Фактически явления, наблюдаемые в предкризисный период (высокая денежная заработная плата, ничтожное количество безработных), противоречат тому, что логически должно было бы иметь место по теории Родбертуса. Объясняя изживание катастрофы 1818—1819 г.г., Родбертус пишет: «Краткое ограничение производства дало время потреблению проглотить громаднейшие запасы, и деятельность и энергия Англии снова привели в движение все производительные средства» («I Соц. Письмо»).

Но, конечно, это объяснение не может быть возведено в значение общего объяснения движения конъюнктуры. Поглощение громадного количества товаров происходит при товарном хозяйстве, но может оно происходить только в форме товарного обмена, когда непременно предполагается на-ряду с наличием товаров на одной стороне наличие платежеспособного спроса на другой, иначе это поглощение невозможно. Излагая историю кризисов первой половины XIX столетия, Родбертус красочно описывает, как искусственно европейцами создавался такой платежеспособный спрос в колониях [1]), когда на европейские займы производилась уси-

[1]) Описания Родбертуса в некоторой степени напоминают здесь блестящие страницы „Накопления Капитала“ Розы Люксембург. Мимоходом Родбертус развивает теорию, в значительной степени напоминающую построения Люксембург, но он не делает из нее не только тех конечных выводов, которые имеют главное значение в „Накоплении Капитала“, но и в отношении теории кризисов бессознательно набрасывает картину, органически враждебную его основной идее, и сознательно поэтому не задумывается над ней. Для современной постановки вопроса интересна не эта, а другая часть разбирае-

ленная закупка колониями европейских товаров и благодаря этому лихорадочно работала промышленность в Европе. Но, излагая этот факт и рассказывая, как при помощи этого промышленность выходила из кризиса и развивала неодно-

мой проблемы — вопрос о пределах накопления капитала внутри самодовлеющего капиталистического хозяйства. Для решения вопроса Люксембург, следуя Марксу, пытается представить „чистое“ буржуазное общество, состоящее из одних только пролетариев и капиталистов. Родбертус методологически проще и поверхностнее рассматривает вопрос, он не ставит себе задачу, которую имела в виду Люксембург, абстрагируясь от всего не относящегося к ней. Родбертус указывает на невозможность увеличения производства без наличия накопленного „капитального имущества“: в обществе может быть много натуральных капитальных предметов или материалов (дерево, железо для постройки машин, камень, известь для зданий, шерсть для переработки), но если в то же время не будет на руках у некоторых лиц капитального имущества, все материалы будут принуждены находиться в бездействии, никаких работ, никаких построек не может быть. Такая затруднительная форма увеличения национального производства объясняется исключительно наличием частной собственности на землю и капитал, и в обществе без таковых наличие натуральных материалов было бы уже достаточно для увеличения производства. Но и в капиталистическом обществе это препятствие стремятся устранить эмиссионные банки; они измышляют капитальное имущество, которое не было накоплено, и создают, ссужая его предпринимателям, возможность увеличения производства. С этой точки зрения Родбертус справедливо нападает на Пилевский банковый закон 1844 года. Родбертус, следовательно, указывает путь увеличения национального производства, — реализации накопленных капиталов (фигурирующих у него в виде его натуральных капиталов) без помощи внешних рынков. Средством для этого должен служить кредит. Пример Родбертуса может быть отнесен как раз к случаю „чистого“ буржуазного общества в построениях Люксембург. В данном случае Родбертус развивает противоположную Люксембург точку зрения. И это рассуждение (по существу совершенно справедливое) так же чуждо его собственной теории кризисов, как и теории Р. Люксембург о невозможности реализации накопленного капитала без участия внешнего рынка. Но тем большее значение оно должно получить (хотя и является в стройной концепции Родбертуса случайным и неуместным), что та же мысль несколько раз проскальзывает у Маркса там именно, где он пытался разрешить проблему накопления капитала в буржуазном обществе, и не находит у последнего твердого и окончательного ответа, что и придает незаконченный характер всей проблеме в его постановке. Ответ Родбертуса же, наоборот, обладает исключительной ясностью и законченностью и по существу является единственно возможным ответом, единственно возможным решением этой важнейшей проблемы, которая, по его выражению, принадлежит к тем многим частям государственного хозяйства, которые еще до сих пор покрыты мраком.

кратно горячечную деятельность, Родбертус явным образом дает отставку своей теории. Ибо ясно, что если в объяснении перехода от кризиса к подъему приходится апеллировать к явлениям внешнего рынка, то и в возникновении самого кризиса эти явления должны тоже играть кое-какую роль; если подъем создается во вне, то и ограничения этого «вне» должны всегда болезненно отзываться на хозяйственном организме и расстраивать его. Мы не хотим этим сказать, что объяснение кризисов лежит исключительно в области явлений внешнего рынка, и что, в частности, уменьшение покупательной способности рабочего населения (а мы видели уже, что такое уменьшение должно наступить и в том случае, если и не признавать закона об уменьшающейся доле в формулировке Ротбертуса) не имеет для кризиса никакого значения.

Наоборот, это уменьшение всегда играет большую роль в возникновении кризиса, но оно—одна из второстепенных причин, и если приходится возражать в этом пункте Родбертусу, то только потому, что он отводит этому вторстепенному явлению место главной и даже исключительной причины.

Под углом зрения теории Родбертуса должно быть совершенно необъяснимо и другое явление—характернейшее и как раз больше всего вызывавшее недоумений своей загадочностью, именно—явление периодичности торговых кризисов, их регулярного повторения через одинаковые приблизительно промежутки времени, прохождение промышленностью в эти промежутки одинаковых этапов развития, постоянные смены подъема, упадка и замедленного развития. Теория Родбертуса не в состоянии объяснить эти явления, она нигде и не пытается их разрешить, хотя они и известны Родбертусу, и он их называет настоящим именем уже в работе 1850 г.

Принцип падающей доли вытекает из теории распределения Родбертуса. Теория эта, как мы видели уже, стремится определить единый источник, из которого вытекают все виды дохода, кроме заработной платы—прибыль, поземельная рента, процент. Все эти виды доходов Родбертус обнимает одним термином—рента. Право на этот доход не основано

на труде, оно основано на эксплоатации труда, на ограничении доли работающих в стоимости продукта их труда незначительной, необходимой лишь для поддержания жизни, частью и на присвоении всей остальной части собственниками земли и капитала и предпринимателями. Лишь затем рента распадается на ее составные части. Родбертус полагает, что такой ход развития соответствует и историческому возникновению отраслей дохода: они сначала были едины и лишь позже разделились. И в его схеме действительно много исторически верного, но, оставляя даже в стороне ее заслуги в этом отношении, ее все же следует признать очень сильной и ценной. Она с необычайной ясностью вскрывает характер нетрудового дохода, зарождение эксплоатации труда, природу прибавочной стоимости. Никто из ранних социалистов не осветил таким ярким светом эту последнюю проблему; Родбертус сделал это до Маркса, ибо во всех своих нюансах она им была разработана уже в 1842 году, а в зачатке имелась и еще раньше. В этом большая заслуга Родбертусовской теории распределения и ее сильная сторона; весьма сомнительную ценность имеют его дальнейшие рассуждения, попытка разделения доходов и, в частности, теория поземельной ренты.

Особый доход, получаемый в земледелии, Родбертус объяснял отсутствием в этой отрасли стоимости сырого материала, вследствие чего равная с промышленностью прибыль здесь приходится на меньший капитал. Но это абсолютно неверно, ибо в земледелии, как и в промышленности, имеется сырой материал (семена и пр.), и было бы смешно, если бы арендатор, обрабатывающий землю на общих в капиталистическом обществе основаниях, не принимал в расчет стоимость этого материала, хотя последний и производится в том же самом хозяйстве, где применяется для дальнейшего производства, где он служит сырым материалом. Маркс, посвятивший теории поземельной ренты Родбертуса детальнейшую критику, называет ее чистейшей нелепостью [1]); он полагает,

---

[1]) В этом с ним соглашается и М. И. Туган-Барановский, полагающий, что „легко доказать, что теория земельной ренты Родбертуса—экономическая нелепость“. „Очерки из новейшей истории полит. экон. и социализма“, стр. 209.

что такие расчеты могли бы иметь место там, где нет вообще никакого представления о расчете, что их может производить прусский крестьянин, вообще не умеющий считать, но никогда—английский арендатор, и приходит в дальнейшем к тому выводу, что: «Даже для крестьянина было бы странно, если бы он считал квартер пшеницы, который он продает, доходом, а квартер пшеницы, который он вкладывает в землю, не считал бы «затратой». Для капиталистической промышленности всякий продукт, имеющий стоимость, сталобыть, представляющий по своей сущности товар,—принимается в расчет, как товар» [1]). Из положения Родбертуса логически вытекает, что и капиталист не должен был бы считать издержками стоимость тех машин собственного производства, которые он сам употребляет, но одно допущение такого предположения доказывает всю его нелепость. Маркс полагает, что основная ошибка Родбертуса, закрывшая ему доступ к построению верной теории поземельной ренты, заключается в смешении цен производства товаров с их стоимостями. Допуская, что товары в общем продаются по своей стоимости, и зная, что в товарном обороте создается средняя норма прибыли, Родбертус и земледелие втягивает в этот оборот и затем выводит добавочную прибыль в земледелии из меньшего значения в этой отрасли производства постоянного капитала по сравнению с промышленностью. Но это имело бы место только в том случае, если бы продукты продавались по их стоимости, а стоимость была бы выше цен производства, что возможно лишь в том случае, когда данная отрасль производства не подвергается действию общей нормы прибыли, и, в силу особых условий, цены в этой отрасли превышают цены производства. Именно в земледелии такое особое условие существует, и объясняется оно тем, что: «Попросту—частная собственность определенных лиц на землю, копи, воды и т. д. дает им возможность захватывать, подхватывать, перехватывать содержащийся в товарах этой особой формы производства, этого особого приложения капитала, излишек прибавочной стоимости над прибылью, средней прибылью, над нормой прибыли,

---

[1]) „Теории прибавочной стоимости“, стр. 156, 161.

определяемой всеобщей нормой прибыли, дает возможность помешать излишку войти во всеобщий процесс, при посредстве которого образуется всеобщая норма прибыли»[1]).

Обратимся теперь ко второму принципу системы, к идее конституированной стоимости — рычагу всех социально-реформаторских планов Родбертуса. При посредстве конституированной стоимости, по его мнению, может быть преобразован существующий строй несправедливых хозяйственных взаимоотношений, она же — основа той справедливости, на которой зиждется идеальное общество будущего — социальное государство. Маркс основательно раскритиковал аналогичное стремление у другого апостола конституированной стоимости — Прудона; его критика, направленная против этого последнего, в основном может быть применена и к Родбертусу. «Рикардо,—говорит там Маркс,— берет за точку отправления современное общество, чтобы показать нам, каким образом оно устанавливает (конституирует) стоимость; г. Прудон берет за точку отправления «установленную» (конституированную) стоимость, чтобы установить новый социальный мир при посредстве этой стоимости. По мнению г. Прудона, установленная стоимость должна сделать круг и превратиться в устанавливающую по отношению к миру, уже целиком установленному именно по этому способу оценки». И характеризуя в конце главы самую конституированную стоимость на основе изучения одного из первых провозвестников этой идеи, Маркс заканчивает: «Г. Брэй не подозревает, что то уравнительное отношение, тот совершенствующий идеал, который он желал бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира, и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более, как его собственная разукрашенная тень. По мере того как эта тень облекается плотью, оказывается, что, вместо рисовавшегося в воображении светлого образа, плоть эта является лишь современным общественным телом»[2]).

Идея конституированной стоимости не является оригинальным изобретением Родбертуса: задолго до него она не-

[1]) „Теории...", стр. 142.
[2]) „Нищета философии", стр. 11—20 и 48—49.

однократно формулировалась ранними английскими социалистами и представляла у них такой же уравнительный вывод из теории стоимости классиков, как и у него. Если труд является единственным источником стоимости, то стоимость должна определяться количеством воплощенного в продукте труда и справедливость в обмене может восторжествовать только тогда, когда вся стоимость продукта будет принадлежать труду. Средство к этому—установление стоимости по количеству затраченного на производство продукта труда, фиксирование ее в определенных долях рабочего времени; превращение квитанций, содержащих указания этих долей, в орудия обмена, выдаваемые трудящимися за их работу, и за которые им из общественных или государственных магазинов должны выдаваться различнейшие продукты, имеющие такую же стоимость, таким же точно образом установленную. Все попытки установления конституированной стоимости исходят из этой основной идеи и намечают, в общем, одинаковый план преобразования обмена, различаясь лишь в способах установления или, вернее, исчисления самой стоимости. Способ Родбертуса—самый совершенный из всех таких планов исчисления: он принимает во внимание и различие квалификации трудящихся, и трудность работы, и различие естественных условий производства, и изменения, обусловливаемые развитием техники; отчего, впрочем, этот план превращается в самый трудный по выполнению, хотя и самый совершенный по замыслу. Но и этот совершеннейший план установления стоимости абсолютно не в состоянии оказать какое-либо влияние на преобразование современного хозяйственного строя.

Легко заметить, что осуществление идеи конституированной стоимости предполагает прежде всего существование отдельных товаро-производителей, между которыми происходит обмен продуктами их производства; ничего, ведь, не изменяется от того, что этот обмен принимает отличающиеся от современных формы, что деньги в нем принимают другой образ и что сам процесс обмена представляет собой более длинную и сложную процедуру. Одним словом, по существу, предполагается и остается современная форма хозяйства, т.-е. меновое товарное хозяйство, из которого устра-

няется будто бы несправедливость, т.-е. неэквивалентность по стоимости обмениваемых продуктов. Но, ведь, именно в этой «несправедливости» кроется ключ к пониманию и проявляется закономерность современного хозяйственного порядка, именно благодаря этой несправедливости, воплощающейся в отклонении рыночных цен от стоимости, возможен тот своеобразный механизм, благодаря которому общество отдельных, разбросанных, друг с другом враждующих товаропроизводителей связывается в одно целое; именно благодаря этой несправедливости неорганизованное общество, разрозненное и разбросанное, умеет учитывать свои потребности и с некоторой приблизительной точностью их удовлетворять. Родбертус слишком хорошо знает эту сильную сторону современного менового хозяйства, и поэтому он принужден оговориться, что идея конституированной стоимости, как он ее понимает, может быть осуществлена только тогда, когда предварительно учтены общественные потребности. Но он нигде не показал нам, каким образом должен быть осуществлен учет этих общественных потребностей, хотя не только набросал план преобразования существующего строя, не только разработал принципы реформ и методы их осуществления, но и обрисовал, правда, лишь в контурах, само будущее общество, как оно рисовалось в его воображении, и неоднократно говорил об общественных потребностях и необходимости их учета. И это не случайно. Ибо учет общественных потребностей, для того чтобы не остаться пустым звуком, предполагает и организацию удовлетворения этих потребностей; он имеет смысл только для общественного производства, основанного на этих учтенных потребностях. А такой строй теряет уже все характерные черты свободных меновых отношений, его принципы уже совершенно иного порядка, ему чужды категории товара, стоимости и цены, поэтому и конституированная стоимость не может играть в нем роль панацеи от всех зол и несправедливостей.

Меновой строй хозяйства предполагает свободный обмен отдельных товаро-производителей продуктами своего производства, и поскольку он, нуждаясь в механизме стихийного регулирования, неизбежно должен систематически нарушать принцип «справедливой», конституированной стоимости; а

поскольку он предполагает наличие частной собственности на средства производства, он систематически воспроизводит экономические отношения зависимости и подчинения, рабства и эксплоатации, короче, осуществленная конституированная стоимость в развивающемся хозяйственном организме постепенно превращается в рыночную стоимость. Но именно в тех условиях, когда в обществе сохраняется еще частная собственность на землю и капитал, Родбертус ограничивает задачу конституирования стоимости более узкими пределами; при ее помощи он думает достигнуть фиксации доли трудящихся классов в общественном доходе и этим самым обеспечить возрастание этой доли пропорционально росту общественного дохода. По его предположениям доля рабочих может быть приблизительно установлена в размере одной трети общей стоимости продукта общественного производства, остальные две трети поступают в распоряжение собственников средств производства и в распоряжение государства для покрытия его расходов по удовлетворению общественных потребностей. Родбертус придает решающее значение такой фиксации доли рабочих в общественном доходе, поскольку он уверен, что таким путем можно преодолеть закон падающей доли, уничтожить пауперизм и торговые кризисы. Недоказанность этого положения ясна уже из тех критических замечаний, которые были выше приведены против закона о падающей доле. Нетрудно, кроме того, предвидеть, что для разрешения социального вопроса эта основная реформа Ягецовского мыслителя должна оказаться совершенно бесполезной, ибо она ни в малейшей степени не могла бы удовлетворить рабочих, а как раз, напротив, сознание того, что они получают только треть продукта своего труда, а все остальное присваивается ничего неделающими собственниками, способствовало бы их революционизированию, усилило бы их протест против существующего строя и борьбу за немедленное преобразование этого строя. Подобная реформа не содействовала бы, как полагает Родбертус, смягчению социальной борьбы, а внесла бы в нее еще больше страсти, она усилила бы только состояние bellum omnium contra omnes.

Теория конституированной стоимости органически свя-

зана с теорией стоимости Родбертуса, она является простым логическим выводом из последней. А теория стоимости представляет собой как раз самое слабое и наиболее уязвимое место в системе Родбертуса; он по существу не идет дальше теории стоимости классической школы, а принимает ее основной постулат, ограничивая его более узкими пределами и крайне односторонне, но зато и чрезвычайно последовательно развивая его. Основное положение его гласит, что «хозяйственные блага стоят труда и только труда». Затем он оговаривается, что под хозяйственными благами он понимает только материальные блага, следовательно, в понятие стоимости включает только потребительные стоимости, меновой же стоимости придает только условное значение.

Эти соображения Родбертуса представляют собой шаг назад по сравнению с учением Рикардо, всегда под стоимостью понимавшего относительную, меновую стоимость и главное внимание уделявшего именно этой последней. Ошибка Родбертуса вытекает, главным образом, из его непонимания конкретных условий образования стоимости в товарном хозяйстве. Разгадка стоимости и дальнейшее развитие теории стоимости классиков стали возможны лишь тогда, когда удалось открыть ее социальный характер, когда была понята специфическая общественная форма труда, создающего стоимость, и различие между конкретным и абстрактным трудом, когда была формулирована теория товарного фетишизма. Родбертус очень много сделал для анализа характера и форм труда, производящего стоимость, в его работах разбросан ряд чрезвычайно удачных мыслей, посвященных этой проблеме, но он нигде почти не применяет их для уяснения проблемы стоимости.

Строго говоря, у него нет теории стоимости, как ее не было и у Прудона. Оба видят в стоимости *свойство* вещи, а не воплощенное в вещи производственное отношение, оба стремятся определить не качественное содержание стоимости, а ее величину, пропорции обмена, их интересует только *масштаб* стоимости, и все их рассуждения на тему о стоимости представляют собой лишь поиски этого масштаба. Если стоимость благ определяется трудовыми затратами, то труд, естественно, лучший мас-

штаб стоимости и доли времени, — лучшая мера, посредством которой могут быть сравнены друг с другом различные блага и определена или конституирована их стоимость.

Беглые замечания к критике основных экономических идей Родбертуса мы ограничим вышеприведенным. Мы изложили его систему по «Социальным письмам», заключающим в себе много верных и ценных экономических идей, из которых мы затронули лишь основные, и уже это основное убеждает в силе мысли Родбертуса, строго логичной и цельной. Он всегда отыскивает основной принцип явления и в этом отыскании проявляет чрезвычайную силу абстракции. К таким абстрактным построениям нужно отнести его учение о падающей доле рабочих в продукте их труда, его теорию ренты и собственности, последнюю, правда, лишь намеченную[1]). На-ряду с этим у Родбертуса часто встречаются отдельные, случайные, вскользь брошенные мысли, поражающие своей глубиной и верностью. Мы отметили уже его замечания об эмиссии и кредите, о внешнем рынке и колониальной торговле; сюда же нужно отнести его рассуждение об акционерных обществах, опровержение закона падающей производительности сельского хозяйства, превратившееся у него в основной пункт критики земельной ренты Рикардо и т. п.

В истории развития теоретической экономии Родбертус ставит безусловно новую веху; он выступил на сцену, когда политическая экономия стояла на распутьи, когда ее старое содержание перестало удовлетворять, когда наружу выплыла вся изнанка социальной действительности и волей-неволей требовала внимания к себе, новых решений и ответов. Маркс говорит об этом, критическом для экономической науки, периоде, что «достигнувши в учении Рикардо последних своих выводов, она (экономия) нашла в Сисмонди выразителя ее отчаяния в самой себе». И сам Родбертус ярко характеризует это состояние экономической науки в «IV Социальном письме». «После того, как господствующая система политической экономии, в бессознательной наивности, но вполне под влиянием истины, признала голодную смерть и потерю имущества

---

[1]) Теории собственности Родбертус собирался посвятить V социальное письмо к фон-Кирхману, которого он, однако, не написал.

своими необходимыми регуляторами и провозгласила осуждение рабочих классов на вечную рабскую работу и вечное рабское пропитание, она пришла в ужас, очутившись перед тем зеркалом, какое поставил перед ней социализм, и неожиданно, отрицая все факты, не приводя никаких имеющих цену новых научных оснований, она перескочила к положению о вечной хозяйственной гармонии, о распространяющемся на все более и более отдаленные круги участии в возрастающих сокровищах производства, как бы проявляя последние судорожные движения перед своей кончиной»[1]).

Этот кризис раньше всего нашел свое проявление, конечно, не в науке, а на широком поле социальной действительности и только оттуда проник на страницы печати, в ученые кабинеты, в социально-реформаторские построения. И это проявление было, действительно, внушительно и грозно. Оно вылилось в открытое возмущение против общественного порядка, которое в течение двух десятилетий жгло своим огненным дыханием Европу, бурно вздымаясь в июльские дни 1830 года, давая в чартистском движении в течение десятилетия невиданную до тех пор картину непримиримой и обнаженной классовой борьбы с остроотточенным оружием и ясным пониманием целей борьбы, достигнув, наконец, своей высшей точки развития в «безумный год», когда вся Европа дрожала в страстных объятиях Революции, когда покой буржуазного мира, оглушенного криком социальной беспомощности и нищеты, был навсегда нарушен. Было, действительно, от чего притти в смущение, перед чем остановиться и глубоко задуматься.

Родбертус заложил свою систему и законченно обработал ее в предреволюционное десятилетие и в 3—4 после-революционных года, когда дыхание Революции еще не успело остынуть. Все, что он писал после этого, носит уже иной, умеренный и более «благоразумный» характер. Однако эта умеренность составляет неотъемлемую часть его учения и, может быть, в конце концов, имеющую большее значение для будущности его автора, ибо без нее нельзя иметь правильного представления о мыслителе из Ягецова.

---

[1]) К. Родбертус, „Капитал“, стр. 148—149.

Исходным пунктом той критико-теоретической работы, которая была вызвана социальной бурей первой половины прошлого столетия, послужила экономическая теория классической школы и в особенности ее теория стоимости, из которой социалистическая школа, уличая классиков в непоследовательности, стала делать уравнительные выводы и класть их в основу своих социально-реформаторских планов. Родбертус проделывает такую же работу, его идеи, как уже отмечалось, в данном случае совпадают с идеями и планами ранних английских социалистов. Англия—передовая страна в хозяйственном отношении—была родиной как чисто-буржуазной, так и социалистической экономии. Работа Родбертуса, таким образом, не отличается ни особой новизной, ни особой оригинальностью; его теория стоимости повторяет с незначительными изменениями теорию классиков; он вносит в последнюю, как мы видели уже, лишь несколько ограничений и изменений, благодаря которым его уравнительные выводы принимают характер более строгого и более логического следствия из этой теории, чем это имело место у его английских предшественников, но тем самым в значительной степени затемняется первоначальный характер теории.

Большое значение имеют и действительный шаг вперед составляют Родбертусовская теория прибавочной стоимости, его учение о преходящем характере всякого экономического строя и его метод. Однако и в этой области Родбертус имеет предшественников: и учение о прибавочной стоимости, и учение о смене хозяйственных форм развили уже в ясной форме английские социалисты первой четверти XIX столетия, опередившие Родбертуса на несколько десятилетий, что не мешает ему быть в своих построениях безусловно оригинальным и совершенно самостоятельным. Родбертус приходит к заключению, что существующий порядок имеет критический переломный характер, он напоминает собой период упадка натурального хозяйства в древнем мире, и он должен совершенно изменить свой вид, радикально перестроиться. Исходя из этого сравнения, он набрасывает величественную картину хозяйственного развития, в которой исходным пунктом является натуральное хозяйство—простое домоводство, самостоятельно удовлетворяющее все свои нужды, а конеч-

ным—будущее, охватывающее весь мир коммунистическое общество. Наш современный хозяйственный порядок представляет собой лишь отдельное звено в этой цепи развития. Не меньшей заслугой Родбертуса является и его метод. Он нападает на современную ему политическую экономию за ее индивидуалистический характер и убедительно доказывает, что лишь изучение всего народного хозяйства в его связной цельности, в его совокупности должно и может быть предметом политической экономии. И эту связность он переносит через национальные границы, конструируя весь мир как связное хозяйственное целое, для которого отдельные национальные хозяйства являются такими же единицами, как отдельные единичные хозяйства в национальном хозяйственном организме. Поэтому изучение национальных хозяйств вне их связности, вне всемирного хозяйства является таким же индивидуалистическим предрассудком, как и изучение отдельных единичных хозяйств вместо национально-хозяйственной системы. Индивидуализм, господствующий в современной экономии, отвергается Родбертусом не только в области метода, еще более разительные удары он наносит ему в своих конструктивных экономических идеях, в области излюбленной буржуазными экономистами теории услуг и пресловутых гармоний. Здесь Родбертус не знал пощады; школа свободы торговли не имела более сильного и метко бьющего врага, чем он. Родбертус в этом смысле был более умелым защитником классической теории стоимости и более сильным критиком противоположных воззрений, чем все многочисленные реформаторы, новаторы и преобразователи этой теории.

Родбертуса иногда ставят рядом с Марксом, иногда даже выше; его считают на-ряду с автором «Капитала» одним из основателей научного социализма; он сам неоднократно писал о том, что Маркс взял у него очень много, тщательно скрывая источник своих заимствований. Вот, например, как оценивает обоих экономистов М. И. Туган-Барановский: «Если сравнить Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и логически стройное выражение, чем у Маркса: Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс

излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора «Социальных писем» глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще в области отвлеченной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса, далеко уступая последнему в более широкой сфере социологических обобщений» [1]).

Нет ничего более ошибочного, чем эта оценка, ибо именно в области «отвлеченной экономической теории» и, в частности, в обосновании «теории нетрудового дохода» Маркс несравненно выше Родбертуса, и приравнивание их, а в особенности, предпочтение второго первому основано на грубейшем непонимании. Ибо от теории ренты автора «Социальных писем» до теории прибавочной стоимости автора «Капитала»— дистанция огромнейших размеров. Обе они, правда, являются теориями нетрудового дохода, но в то время как первая явилась лишь более ясным, удачным и талантливым выражением общего положения о том, что рента обязана своим происхождением эксплоатации труда, положения, ставшего ко времени Родбертуса общим местом ранней социалистической экономии и в основном намеченного уже в теории прибыли Адама Смита, вторая превратилась в исходный пункт величайшей революции в политической экономии. Теория прибавочной стоимости Маркса представляет собой не только объяснение нетрудового дохода, она есть вывод из глубочайшего анализа труда в его материально-техническом и социальном значении, основана на теории стоимости, далеко опередившей теорию классиков, поскольку в поле зрения исследователя было всегда то, что признавал и подчеркивал часто Родбертус, но сам не применял в своей разработке теории, а именно—общественный характер производственного процесса и общественный характер труда, производящего стоимость. Из этой теории Маркс затем с редкой последовательностью выводит свою теорию накопления и расширенного воспроизводства общественного капитала, теорию хозяйственной трансформации и борьбы общественных классов; исходя из нее, Маркс осветил весь хозяйственный меха-

1) „Очерки...“ стр. 217.

низм капиталистического способа производства, дал ключ к его истинному пониманию и указал, на основе исследования его имманентных противоречий, путь к его преодолению. Этим самым он не только закончил здание буржуазной экономии, но и заложил прочный фундамент новой, основанной на отрицании капиталистического способа производства, системы социалистической экономии, которая должна стать руководящей нитью великой революции хозяйства, руководящей нитью социалистической практики современности.

Именно в области «отвлеченной экономической теории» Маркс не только может выдержать сравнение с Родбертусом, но неизменно и неизмеримо превосходит его. Маркс революционизировал теоретическую экономию, придав ей совершенно новый характер, и эта последняя знает поэтому только два периода в своем развитии—до-марксовский и марксовский. Родбертус ограничился отдельными исправлениями старой экономической теории, и то, действительно новое и оригинальное, что было им внесено в науку, тонет поэтому в груде старого. Однако значение Родбертуса для социализма заключается не в области одной только экономической теории, гораздо чаще, чем как экономист, Ягецовский философ выступает как социальный реформатор. Он набрасывает план идеального государственного строя, разрабатывает самым основательным образом систему мероприятий переходного порядка и своей практической деятельностью стремится расположить государство и общество в пользу намеченной реформы. Вся система мыслителя в совокупности всех ее экономических, правовых и нравственных принципов переполнена чаянием и обоснованием этой реформы. Ее фундаментом являются разобранные выше основные принципы экономической теории, которая имеет, следовательно, по преимуществу утилитарный характер. Родбертус никогда не занимался наукой ради нее самой.

Мы видели уже выше, что на ближайший период реформа ограничивается задачей нормализации рабочего дня и заработной платы, целью которой должно быть преодоление пагубной тенденции современного хозяйственного развития, в силу которой доля рабочих в стоимости общественного продукта все понижается. Вслед затем государство должно по-

степенно приступить к овладению хозяйственным аппаратом, находящимся сейчас в руках частных предпринимателей. Частичное осуществление такого завладения и преодоления частно-хозяйственной организации Родбертус видел в акционерных обществах, представляющих государство в государстве, для преобразования которых из частно-хозяйственных в общественные предприятия было бы достаточно превращения чиновников этих организаций из частных служащих в публично-правовых, без всякой ломки внутренней организации самих обществ. Доказательство же возможности такого полного завладения со стороны государства хозяйственным аппаратом Родбертус видел в практике современных государственно-хозяйственных предприятий. И, наконец, венцом всей реформы, после того как отдельные подготовительные этапы ее будут пройдены в течение длинного переходного периода, должна быть организация коммунистического строя, которая кладет начало «третьему царству», открывает новую эпоху всемирно-исторического развития [1]). Это будет государственное хозяйство, объединяющее распыленное современное общество в централизованный общественный организм с всемогущей центральной властью, концентрирующей в своих руках полное руководство общественным производством и распределением, без частной собственности на землю и капитал и с индивидуальной собственностью и свободой в области потребления. Но здесь у реформатора возникает новый вопрос, которому он придает чрезвычайно важное значение. Если бесспорно, что только коммунистическое общество может положить конец социальной несправедливости, то необходимо знать, кто же обеспечит обществу самый переход в «третье царство», кто сумеет сильной рукой осуществить великую социальную роформу, освобо-

[1]) Первым этапом в этом всемирно-историческом развитии государственной жизни было античное общество, достигшее в полисе последней стадии своего развития. Хозяйственным отражением его был ойкос—замкнутое домашнее хозяйство. Вторым этапом—„католическо-германское" общество, его хозяйственным отражением явилось современное капиталистическое народное хозяйство; последняя ступень развития этого государственно-хозяйственного порядка, которое, наконец, вступает в свой третий этап, есть—„христианско-германское" общество. Это — система будущего, хозяйственным отражением этого порядка будет государственное хозяйство будущего.

дить общество из тисков социальной проблемы? Ясно, что это абсолютно не в состоянии сделать какой-либо из существующих классов, ибо они руководствуются лишь собственными эгоистическими интересами. Поэтому такая задача по плечу лишь государственной власти, стоящей над всеми общественными классами и группами.

Античное хозяйство при своем разложении выдвинуло цезарей, смело совершавших переход к новому хозяйственному порядку, и современное общество нуждается также в цезаре, который взялся бы за осуществление великой реформы железной рукой. «Цезари больше дети, чем господа своего времени. Поэтому в них никогда не будет недостатка, хотя они и редки. Редки, ибо и эти времена редки, ибо они возникают только при переходе к новым государственным порядкам. Никакой бог не создает цезарей в органические эпохи истории, не создал бы его перед Катоном Старшим или в немецком средневековье. И редки, потому что редко соединение столь великих качеств, потому что чудесная проницательность и твердый, как скала, характер, гений и величие неотделимы от страстей и эгоизма, использовывающих в собственных целях то, что предназначено для пользы общества: никакая бескорыстная добродетель не может перейти через Рубикон или совершить 18-е Брюмера. Человечество должно быть поэтому счастливо, что времена цезарей редко приходят, но, когда они уже приходят, оно должно быть опять-таки счастливо тем, что может броситься в объятия человека, обладающего такими качествами».

Со страстным нетерпением ждал Родбертус цезаря, для него он готовил проект своей великой реформы. Были моменты, когда ему казалось, что поиски увенчались успехом, были моменты, когда ему казалось—сегодня начнется великая работа. И как реформатор, слепо преданный и верующий в свою догму, Родбертус беспринципно относился к политике; ему было безразлично, откуда появится цезарь, лишь бы он явился. И именно этим объясняются его чрезвычайно резкие перемены в политических симпатиях в разные периоды его жизни. В бурные годы революции Родбертус еще непосредственно занимался политикой, он был вождем левого центра в революционном парламенте, разделяя всю

нерешительность и колебания буржуазии в это замечательное время, ее борьбу за словесные формулировки и позорнейшую капитуляцию на деле перед гогенцоллерновским сапогом. Скоро он разочаровывается в политике, в прежних симпатиях и друзьях и делает своим кумиром своего прежнего врага, с которым ему не раз приходилось в «безумные дни» скрещивать шпаги,—князя Бисмарка. Родбертус преклоняется перед внешней политикой железного канцлера и хочет склонить его к столь же великой внутренней—к осуществлению социальной реформы; он деятельно готовится к этому, пытается даже непосредственно вступить с канцлером в переговоры. План этот, конечно, рухнул благодаря Бисмарку. Реформатор разочаровывается в железном канцлере и переносит свои симпатии на... социал-демократию, выросшую к тому времени во внушительную силу; он думает при ее помощи найти путь к осуществлению реформы и мечтает даже представлять ее в парламенте, ввести ее в салоны. И этот план остается одной только мечтой. Родбертус возвращается опять к надежде на единственную власть, которая в силах осуществить реформу—Германскую монархию, объединение которой—его давнишняя мечта—стало на склоне его лет реальностью.

И безусловно лучше, ярче, чем где-либо, с полной ясностью и четкостью, Родбертус выразил свое окончательное политическое credo в одном письме к Рудольфу Мейеру: «Monarchisch, national, sozial»,—эти три слова могут одни характеризовать ту партию, которая имеет лучшие шансы на будущее, и они образуют столь великую и плодотворную программу, что, опираясь на нее, прежние противники могут в величайшем и продолжительном единодушии подать друг-другу руки».

Это—завещание реформатора, его последнее и самое продуманное слово, и из него нужно исходить, когда речь идет о социальной политике Родбертуса. Дитцель—автор лучшей монографии о Родбертусе [1])—считает условным родбертусовский национализм и монархизм. Он признает в Родбертусе

[1]) Dietzel. „K. Rodbertus Iagezow. Darstellung seines Lebens und Sozial-Philosophie", II B., Iena, 1889.

даже интернационалиста. Но своеобразен интернационализм Ягецовского мыслителя. Это не интернационализм современного рабочего движения, одной из неотъемлемых черт которого является стремление к солидарности всех наций, к их высшему объединению на основе свободного самоопределения, а интернационализм, заключающийся в признании верховной миссии своего народа к покорению и объединению мира. Родбертус мечтал о миссии Европы в распространении высшей цивилизации на весь мир и пророчески видел в этом великом походе цивилизации Германскую империю во главе народов и германского монарха во главе германского народа. Не напоминает ли этот своеобразный интернационализм идеологию современного империализма в более туманной одежде?

Дитцель признает условным и монархизм Родбертуса; Родбертус лишь сторонник крайней централизации. Его государство—полный и всемогущий властитель в хозяйственной и политической области, и строгое проведение идеи централизации приводит его, в конце-концов, к последовательному монархизму, к полному порабощению личности в обществе, к отрицанию корпораций. Акционерные общества Родбертус приветствует лишь потому, что они приводят частный капитал к самоуничтожению, к поглощению мелких капиталов крупными.

Корни этой социальной философии Родбертус взял из античной истории, от античной философии он унаследовал натур-философскую основу своего миросозерцания; идею единства и общности он взял у немецкой идеалистической философии (в частности у Шеллинга, от которого он перенял идею единства мира в боге); в лице Планта на него оказала чрезвычайно сильное влияние органическая теория государства; у С.-Симона и Базара он берет идею деления исторических периодов на органические и критические, но он углубляет и реформирует философию истории С.-Симона, придавая первостепенное значение, в отличие от учителя, не духовному прогрессу, а экономическому фактору, и, наконец, Фихте и Адам Мюллер сильно повлияли на него своими социальными планами. Дитцель прав поэтому, утверждая, что Родбертус прямой наследник немецкой философии

и немецкой государственной идеи, что его «социализм» последовательное выражение «органической идеи государства», переработанной на экономической основе, и что этот «социализм» насквозь народен [1]). «Родбертус, носитель немецкой идеи в прусском парламенте, стал творцом немецкой социальной философии, из которой к нам доносится не пение сирен французского коммунизма о Свободе, Счастье и Наслаждении, а истинный хорал долга». Ему остается упрекнуть мыслителя только в том, что, хотя последний стоял в принципе на почве исторического метода, «его конкретная социальная политика все же проникнута спекулятивным, доктринерским духом, который он приобрел в годы своего учения». Но на этот счет можно было бы успокоить строгого последователя исторического метода, ибо, хотя «черная экономическая душа» из Ягецова и придавала значение сознательному социальному творчеству и неуклонно и настойчиво звала к социальной реформе, она для реформы в целом оставляет истинно-«исторический» период,—те пятьсот лет, в течение которых всегда в истории происходят великие и глубокие переломы [2]),—так что в этом отношении Родбертус следует «принципу» исторического метода.

Истинно-немецкий и «истинно-исторический» характер Родбертусовского учения и способствовали, главным образом, его популярности в последней четверти прошлого столетия. После его смерти начинается настоящее поклонение ему, ибо его учение казалось самым подходящим противоядием против истинно-интернационального и истинно-революционного характера учения К. Маркса, которое стало боевым знаменем и символом веры, смело организовавшей тогда свои боевые ряды, одерживавшей блестящие победы и бросавшей смелый вызов существующему строю,—партии германского пролетариата—социал-демократии.

Восторженные поклонники Ягецовского «социализма» понимали его социально-политические идеи просто, без всяких оговорок и околичностей: monarchisch и national стали для них главными постулатами социальной реформы. И может

---

1) Dietzel, loc. cit., стр. 240.

2) „Исследования в области национальной экономии классической древности“, III вып., начало.

быть, в самой яркой и самой глупой форме выразил это один из самых восторженных и самых нелепых последователей и поклонников Родбертуса—Морис Вирт:

«Не во всякой европейской стране предпосылки цезаризма так благоприятны, как в Германии. Мы, во-первых, обладаем уже, как своей собственностью, необходимым для этого новым экономическим учением: учением Родбертуса; мы находим, во-вторых, также ту власть, которой мы должны пожелать необходимые уменье, силу и длительность существования для взятия на себя и осуществления столь великого задания: немецкое королевство.

«Единственно и исключительно совокупность объединенных под предводительством немецкого государя, как их верховного суверена, немецких князей может осуществить решение социального вопроса путем мирных реформ»[1]).

Эта юнкерская княжеско-гогенцоллерновская утопия, которую хотят вывести из учения Родбертуса, была и в действительности присуща последнему, как дань тому классу, из которого вышел и с которым никогда не расставался Ягецовский философ. Эта утопия должна была постепенно сама изжить себя, по мере того как гогенцоллерновская империя делала все более блестящие успехи на поприще промышленного развития, по мере того как промышленность заняла первое место в стране, и сами Гогенцоллерны, на которых возлагалась великая миссия социальной реформы, превращались в вождей, предводителей и рабов промышленной буржуазии и по мере того как столь прославленное социальное законодательство прусской монархии оказалось совершенно бессильным разрешить социальную проблему.

Ныне Родбертусу приписывают новые заслуги. Полагают, что его «предложения к разрешению социального вопроса означают полный и последовательно построенный план социализации». Полагают, что намеченная им программа реформ уже в значительной части осуществлена, «ибо не находится ли социальный вопрос, вопрос о взаимоотношениях между трудом и капиталом в деле же общественного продукта, на

---

1) Moritz Wirth—„Bismark, Wagner, Rodbertus—drei deutsche Meister", Leipzig, 1883, стр. 175.

пути к своему разрешению и в капиталистической системе? И не были ли как раз профессиональные союзы теми силами, благодаря упорной борьбе которых за отдельные позиции сломлен железный закон заработной платы, как и закон о падающей доле? Не была ли заработная плата, а с ней и уровень жизни, так постоянно в повышении, что рабочие в значительной степени приобщались к более высоким культурным благам? Не должны ли были кризисы и пауперизм—детские болезни раннего капитализма—смягчиться во время расцвета высших форм капитализма? И не вмешалось ли, наконец, государство своим социальным законодательством в пользу рабочих во взаимоотношения труда и капитала?» [1]).

Вряд ли, однако, беспристрастие оправдает такое суждение. Вряд ли современная теория социализации, идеалом которой является свободное обобществленное хозяйство, может считать в числе своих вдохновителей Робертуса. С его именем лучше вяжутся та «социализация», которая была проведена во время войны, и та «социализация», которую прусская монархия проводила в последней четверти прошлого века в своем финансовом хозяйстве. Именно тогда была осуществлена значительная часть планов Родбертуса—величайшего и последовательнейшего теоретика государственного социализма. Нельзя отрицать, конечно, великих завоеваний, добытых уже в капиталистическом обществе рабочими, благодаря профессиональным союзам; эти завоевания стали в особенности значительны после войны, когда почти во всех передовых странах был осуществлен восьмичасовой рабочий день и проведены далеко идущие социальные реформы; благодаря отдельным завоеваниям подымался действительно уровень жизни значительной прослойки рабочего класса, повысилась ее культурность. Но кто решится на основании этого утверждать, что сломлен окончательно «железный» закон заработной платы, что разрешен окончательно вопрос о доле рабочих в общественном продукте и что доля рабочих, действительно, поднялась и стоит выше, чем в прежние десятилетия

[1]) Elisabeth von Bradke—„Die Gesellschaftslehre von Karl Rodbertus-Iagezow“, „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, 50 B., 1922.

и что все улучшения, наконец, не результат гигантского повышения производительности труда, сказочного развития производительных сил? Современное профессиональное движение представляет собой **классовое** рабочее движение, его основной закон—классовая борьба, а такой характер борьбы, как и вообще всякая борьба, происходящая внутри государства, и само существование самостоятельных рабочих организаций чужды Родбертусу, как и сам социальный реформатор из Ягецова чужд современному пролетарскому движению, питающемуся совершенно иной духовной пищей. И вряд ли новую легенду о кризисах можно примирить с современной действительностью. Кризисы последних двух десятилетий, величайшее военное потрясение и послевоенные кризисы и катастрофы—лучшее доказательство против этой легенды о смягчении характера кризисов.

Заслуга Елизаветы фон-Брадке в том, что она попыталась найти Родбертуса в современной действительности. В усердных поисках он ей померещился там, где его никогда не было, но он не умер еще, он жив и в наши бурные, полные величайшего драматизма и величия дни, он воскрес к новой, о которой ему в тихом Ягецове никогда и не снилось, жизни. Дух Родбертуса вновь выступил сегодня на сцену со своими старыми реформами, правда, немного перекрашенными и измененными, со старыми социальными идеалами. Великие противоречия современности, неимовернейший рост нищеты и отчаяния на одном полюсе общества, охватывающем всю подставку, основание и тело социальной пирамиды, и сказочное увеличение богатства на другом, на узкой верхушке этой пирамиды,—укрепили реформатора в правоте его требования и со все большей и большей силой толкают его к социальной активности. Дух реформатора стремится урезать власть денежного мешка, обезвредить ее, оставив, однако, те основания, на которых эта власть покоится. В орудие своей реформы он намечает, как и когда-то, более полувека тому назад, сильную власть, стоящую над всеми общественными классами, и всеми силами он эту власть ищет в современной обстановке, изменившей когда-то чрезвычайно простую и ясную картину социальных градаций; он ищет героя, который повел бы твердой рукой массы в землю

обетованную, героя, которому он мог бы без боязни броситься в крепкие обътия и покойно поручить свою утлую ладью, не знающую покоя в бурных волнах разбушевавшегося моря социальной борьбы. И в сладких мечтах ему мерещится его родной народ во главе народов; народы у ног его народа, дарующего твердой рукой счастье человечеству. Этот дух Родбертусовского учения воплощен в современном национал-социализме. Он потерпел в нем существенные изменения, он в бурной обстановке выбросил за борт конечную цель, мерещившуюся, хотя и в отдаленной дали, Ягецовскому философу. И как было ее не выбросить, когда суровая действительность грозила поставить в порядок дня вопрос о немедленной ликвидации существующего хозяйственного порядка и в напряженной социальной борьбе хотела осуществить еще в более радикальной форме тот великий идеал, который мерещился Родбертусу в глубокой дали, как результат долгого мирного органического развития общества? У национал-социализма осталась одна только практика текущего момента, одни только лозунги социальной конкретности, изменившие мирному духу Ягецовского учения, ибо теперь основная задача заключалась уже не в пропаганде идеи социальной реформы, а в сохранении самого хозяйственного порядка, в котором реформа должна была проводиться, в защите его от тех сил, которые хотели разрушить его, чтобы на его развалинах возвести немедленно царство свободы. И здесь именно Родбертус в своей современной метаморфозе приобрел, наконец, плоть и кровь, переменив оружие критики на критику оружия. И вовсе неважно, конечно, что современные последователи Родбертуса не всегда упоминают имя учителя, не непосредственно им воодушевляются в своей борьбе. И неопытный глаз легко откроет в их программе, в их идеалах наследство истинно-немецкого, национального «социалиста» из Ягецова. И этот вновь воскресший Родбертус, выйдя на улицу, столкнулся уже на первом шагу со старым знакомым, который, как когда-то ему казалось, бессовестно «ограбил» его, и у которого, действительно, много мыслей, сходных с Родбертусом в области теоретической экономии и философии истории, но который на практике в области действительного и реального осуществления со-

циальных идеалов так бесконечно чужд и далек ему, так бесконечно враждебен, что, не задумываясь долго, мирный социальный реформатор из тихого Ягецова в военном облачении решил скрестить с ним шпаги, решил радикальным образом покончить старые счеты, старый спор, только теперь ставший ясным в своих конечных выводах.

«Социализм» Карла Родбертуса-Ягецова и социализм Карла Маркса представляют собой на деле два совершенно различных социализма, с совершенно различными конечными целями и без единой точки соприкосновения в области практики осуществления и борьбы за эти цели; только один из этих двух мыслителей может считаться основателем современного научного социализма—оружия классовой борьбы современного пролетариата. Вопрос о том, кто именно из них, решил сам пролетариат своим выбором, и его легко было решить—сама практика классовой борьбы—этой реальнейшей действительности капиталистического способа производства—указала путь.

В. СЕМЕНОВ.
Б. РОЗОВ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

Глава первая

ТЕОРИЯ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ [1])

а) Изложение теории трудовой стоимости

Труд есть деятельность и, стало-быть, движение. Но всякое количество движения—время. Это знал уже Платон (в Тимее), это знала еще раньше ионическая философия. Не будучи метафизиком и не достигнув этого познания метафизическим путем, Рикардо пришел к нему по-своему.

Сведение всех стоимостей к количествам труда, а количеств труда к рабочему времени, это—блестящая и последняя заслуга, оказанная буржуазной экономией при посредстве Рикардо.

Между прочим, вы видите, господин Шульце [2]), что бывают противники, перед которыми охотно и с удовольствием снимаешь шапку. Рикардо—глава и увенчание буржуазной экономии, которая после него не сделала никаких успехов. Он довел буржуазную экономию до ее высшего пункта, т.-е. до самого края той пропасти, где ей в силу ее собственного теоретического развития остается только превратиться в социальную экономию. Социальная экономия есть не что иное, как борьба против Рикардо, борьба, которая вместе с тем является необходимым дальнейшим развитием его учения. Достигнув этой вершины, наука буржуазной экономии, вместо

[1]) Из „Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch u s. w.“, русский перевод Энгельгардта 1906 г.

[2]) Эта работа написана Лассалем в форме полемического ответа Шульце-Деличу на сочинение последнего — „Arbeiter Katechismus“, Leipzig, 1863 J. Шульце-Делич развивает в этом сочинении взгляды, заимствованные из „Экономических гармоний“ Бастиа, поэтому полемика Лассаля часто обращается и против последнего. (От составителей.)

того, чтобы с научным мужеством спуститься в эту пропасть, предпочла повернуть обратно с вершины.

Уже то обстоятельство, что в настоящее время социальная экономия должна бороться с вами и Бастиа, а не с Рикардо, показывает, в какую безобразную карикатуру превратилась с тех пор европейская буржуазия.

Итак, всякая стоимость сводится к рабочему времени, которое потребовалось для изготовления продукта[1]).

Но теперь дальше.

Следует ли под этим рабочим временем понимать индивидуальное рабочее время?

Я работаю,—если исходить от субъекта этого предложения, всякий труд кажется индивидуальным трудом. Он был бы таковым и по объекту предложения, по предмету, который является результатом этого движения работника, тоесть по количеству движения (время), которое фиксировалось в продукте, если бы я производил реальные полезные объекты, предметы моего личного потребления. Но теперь, и уже давно, я этого больше не делаю. Я работаю для удовлетворения потребностей всех других людей, только не своих; я произвожу столько-то миллионов булавок в год; я создаю меновые стоимости, и все другие «я» делают то же самое, удовлетворяют посредством создаваемых ими меновых стоимостей потребностям всех других людей, только не своим собственным.

Но меновая стоимость, которую я произвожу, только в том случае бывает меновой стоимостью, когда она превращается в потребительную стоимость, в полезный объект для кого-нибудь другого.

Мои булавки становятся только тогда меновыми стоимостями, когда они, как раз наоборот, становятся потребительными стоимостями для всего мира, когда они переходят в нежные руки дам, для которых и предназначались с самого начала.

Значит, то, что я действительно осуществил в своей работе, есть реальный (т.-е. создающий потребительные стои-

---

[1]) При чем, следовательно, день квалифицированного, сложного труда в свою очередь сводится к большему количеству неквалифицированного, простого труда, который служит единицей меры. (От автора.)

мости) индивидуальный труд всех индивидуумов, то-есть: всеобщий, общественный труд. То, что действительно фиксировано в продукте и внесено с моей стороны для этой фиксации,—не мое индивидуальное рабочее время, а всеобщее, общественное рабочее время, и оно-то представляет единицу для измерения фиксированного в продукте количества труда [1]).

Но всеобщее общественное рабочее время имеет свое самостоятельное существование—в форме денег. Деньги—овеществленное общественное рабочее время, очищенное от всякой индивидуальной определенности отдельного вида труда (труд в булавках, дереве, полотне и проч.). Только посредством «salto mortale товара в золото» товар становится тем, чем он должен быть,—осуществлением общественного рабочего времени.

То, что я вам сейчас изложил, насчет денег и общественного значения рабочего времени как единицы меры стоимости,—все это в своей духовной сути целиком заимствовано, представляет только краткий экстракт мыслей из высшей степени важного и мастерского произведения, откуда взяты и приведенные выше слова, из произведения, появившегося еще в 1859 г., то-есть за пять лет до вашего «Катехизиса», так что вы обязательно должны бы были знать о нем! Должны бы были знать тем более, что оно издано вашим другом Дункером. Я говорю о превосходном и составившем эпоху произведении Карла Маркса: «К критике политической экономии».

Но какое вам дело до всего этого? Вы так же мало читали Карла Маркса, как Родбертуса, Родбертуса так же мало, как Мальтуса и Рикардо, этих так же мало, как Адама Смита, Смита так же мало, как Джэмса Стюарта, Стюарта, как Петти, Петти, как Буагильбера и Сисмонди; все это до очевидности ясно из вашей книги каждому знакомому с делом.

[1]) В этом месте с особенной отчетливостью сказывается непонимание Лассалем теории стоимости Маркса, терминологию которого он употребляет. Труд, создающий стоимость, в одном случае определяется, как „реальный труд всех индивидуумов" (т.-е. как конкретный труд, создающий потребит. стоимость); в другом—как „всеобщий, общественный труд" (т.-е. как абстрактный труд, создающий меновую стоимость). (От составителей).

Но все это ничего не значит, так как вы—человек, облюбованный «Народной Газетой» и «Национальной Газетой,—а это все, что требуется!

Вы видите также, господин Шульце, каким образом устраняются мнимые трудности, которые, как я излагал выше, повидимому противоречат теории Рикардо, усматривающей в труде единственное мерило стоимости, в стоимостях—только определенные количества рабочего времени.

Я сказал: если кто-нибудь употребил на изготовление предмета только нормально-необходимые издержки производства, которые все сводятся к рабочему времени (не к заработной плате, господин Шульце!), и по милости появившегося в одно прекрасное утро нового изобретения, удешевляющего производство, оказался вынужденным сбыть свой продукт за половину стоимости производства,—то можно ли в таком случае говорить, что труд является мерилом стоимости?

Да разумеется, господин Шульце: ведь вы же видите, что хотя индивидуальный труд, который фиксировался в продукте и в свое время необходимо должен был в нем фиксироваться, остался тем же самым, но общественное рабочее время, сгущение которого представляет вещь, концентрируется, сгущается еще больше.

Или, если вследствие изменения вкуса или под влиянием перепроизводства продукты должны быть выброшены на рынок по цене гораздо низшей необходимых издержек производства, а то и совсем не находят сбыта,—то вы видите теперь, как все это гармонирует с теорией рабочего времени. Эти товары не могут проделать «salto mortale» превращения в деньги, так как теперь в них—в случае изменения вкуса—вообще уже не представлено общественное рабочее время; они не могут быть меновыми стоимостями, так как перестали быть потребительными стоимостями. В случае перепроизводства то же можно сказать об излишнем количестве вещей. Если, напр., для человеческого общества требуется 1 миллион аршин шелка, а предприниматели произвели 5 миллионов аршин, то, хотя они поглотили много индивидуальной работы, общественное рабочее время, фиксированное в шелковых товарах, от этого не возросло, так как действительная потребность всех индивидуумов в работе, фиксированной в

шелковых товарах, не возросла. Стало быть, теперь в пяти миллионах аршин шелка заключается то же самое количество общественного рабочего времени, которое раньше заключалось в одном миллионе, и следствием этого должно явиться то, что эти пять миллионов специального труда, противопоставленные своей совести, овеществлению общественного труда—деньгам,—весят не более, чем весил раньше один миллион аршин.

Следовательно, то же самое количество общественного труда растягивается теперь на пять миллионов вместо одного. В силу этого, конечно, пять миллионов аршин шелка должны бы были обмениваться теперь на такое же количество денег, как раньше один миллион, и, следовательно, цена одного аршина шелковой материи должна бы была понизиться только до одной пятой прежней цены, тогда как в большинстве случаев при перепроизводстве—всего резче обнаруживается это на хлебе—общая цена всего количества продуктов, созданного перепроизводством, далеко не достигает прежней общей цены потребного количества, так что в данном случае цена одного аршина шелка упадет не до одной пятой, а до одной восьмой или одной десятой его прежней цены.

Но хотя подробное объяснение этого уклонения можно представить только при изложении законов свободной конкуренции и рыночной цены, однако, возможно и здесь указать вкратце его основание. Раз грозит опасность, что из 5 миллионов аршин шелка 4 не найдут сбыта,—неизбежно, вследствие конкуренции между продавцами, начинается взаимное сбивание цен, и каждый, вместо того, чтобы держаться за $^1/_5$ прежней цены, соответственно общественному труду в его товаре, готов продавать за одну восьмую, одну десятую и еще дешевле, лишь бы избежать опасности, грозящей отбросить его товар к «приобщенной к делу» части буржуазного процесса производства, при чем ему пришлось бы прясть еще меньше шелка.

б) Стоимость и цена

Стоимость продуктов выступает прежде всего как рыночная цена, т.-е. она в каждую данную минуту находится

в зависимости от отношения предложения этих продуктов к спросу на них.

В этом обнаруживается всеобщий закон, который определяет все цены при свободной конкуренции.

Но, как мы уже видели, этот закон, в свою очередь, разрешается в другой закон, лежащий в его основе и определяющий это отношение,—закон, в силу которого цена продуктов, в конце концов, равна издержкам их производства. Так как если предложение каких-нибудь продуктов превысит спрос настолько, что их цена упадет ниже издержек производства, то производство прекратится или замедлится, пока не восстановится нормальное отношение.

Если же, наоборот, вследствие значительного спроса рыночная цена продуктов в течение продолжительного времени будет настолько высокой, что барыши в этом производстве окажутся выше, чем в остальных, то капиталы в силу свободной конкуренции будут устремляться в это производство и увеличивать предложение продукта до тех пор, пока цена его не понизится снова до уровня необходимых издержек производства.

Итак, необходимые издержки производства, определяя в последней инстанции снабжение рынка и отношение предложения к спросу, являются при свободной конкуренции действительным внутренним законом, определяющим цену продукта.

Но издержки производства, как мы опять-таки уже не раз объясняли, только практическое выражение требующихся для изготовления продукта количеств рабочего времени, к которому свел их Рикардо, что и является его блестящим научным подвигом.

Количество рабочего времени, требующееся для изготовления продукта,—вот истинное мерило и масштаб стоимости, совесть буржуазного производства, хотя эта совесть обнаруживается всегда только в ее оскорблениях. Стоимость проявляется лишь в постоянных отступлениях от нее, в колебаниях, на подобие маятника, рыночных цен.

Этот вечный обман рыночной цены (вспомните то, что я говорил вам в самом начале относительно азартной игры, в которую превратилось современное производство) может

сопровождаться неприятными и разорительными последствиями для отдельных предпринимателей и капиталистов. Отдельным предприниматель или капиталист может оказаться со своим товаром на рынке и быть вынужденным сбывать его в тот момент, когда маятник идет вниз, и может не оказаться на рынке в тот момент, когда маятник идет вверх. Но это касается отдельных предпринимателей или капиталистов, а не всего класса предпринимателей или капитала, который именно в этих маятникообразных колебаниях, уничтожающих мелких предпринимателей и капиталистов и устраняющих их конкуренцию, развивает игру своих свободных сил и способность крупного капитала притягивать мелкие.

Стало быть, для «капитала» эти колебания, в среднем результате выравниваются в их определяющем законе,—рабочем времени.

Итак, ни единый час рабочего времени, ни одна капля пота рабочего не пропадают для класса предпринимателей или капитала в цене продуктов. Потребитель оплатит ему все, каждую каплю.

Глава вторая

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАКОН ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ [1]

При теперешних отношениях, под господством спроса и предложения труда, рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная поденная плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не спускаясь ниже. Она не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки

[1] Из „Гласного ответа". Написан Лассалем в форме ответа Лейпцигскому Комитету по созыву рабочего съезда, обратившемуся к нему с предложением принять участие и высказаться по программным вопросам.

между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение, рабочее население умножилось бы и, таким образом, увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или еще ниже.

Но заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования, потому что тогда наступают выселения, безбрачие, воздержание от деторождения и, наконец, уменьшение числа рабочих посредством нищеты, что ослабляет предложение рабочих рук и потому повышает заработную плату до прежнего размера.

Следовательно, действительный средний размер заработной платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, при чем она то возвышается (период благоденствия во всех или некоторых отраслях труда), то падает (период более или менее общей нужды и кризисов).

Ограничение среднего размера заработной платы пределами по привычкам народа, безусловно необходимыми для существования и размножения,—таков, повторяю, железный и жестокий закон, управляющий при нынешних обстоятельствах заработною платою.

Никто не может оспаривать этот закон. Я могу привести за него столько авторитетов, сколько есть в экономической науке великих и знаменитых имен, притом из либеральной же школы, потому что закон этот открыт и доказан именно либеральной экономической школой...

Взглянем поближе на сущность и значение этого закона. Его можно другими словами выразить так:

Из продукта труда берется и раздается рабочим столько, сколько безусловно необходимо для поддержания их существования (заработная плата).

Весь остальной продукт труда достается предпринимателям.

Вот почему, вследствие этого железного и жестокого закона, вы не можете воспользоваться выгодами, какие представляет усиление производительности с прогрессом цивилизации, т.-е. усиление продуктивности вашего собственного труда, умножение его продуктов. И вот почему я назвал вас

в моей брошюре для рабочих, о которой вы упоминаете в вашем письме, классом обездоленных. Вам всегда достается лишь безусловно необходимое для существования, а предпринимателям всегда все, что труд производит сверх этого.

Но при очень больших успехах продуктивности (производительности труда) многие продукты промышленности доходят до крайней дешевизны; таким образом, может случиться, что усиление производительности труда доставит вам, вследствие этого удешевления, известную косвенную выгоду не как производителям, а как потребителям. В вашей производительной деятельности эта выгода вас не касается, она не касается достающейся вам доли продукта труда, она нисколько не изменяет величины этой доли; она касается вас только как потребителей, точно так же как поправляет и положение предпринимателей в качестве потребителей и даже положение лиц, вовсе не участвовавших в труде, но которые тоже потребляют, притом для них эта выгода гораздо больше, чем для вас.

Однако даже и эта выгода, достающаяся вам уже не как работникам, а просто как людям вообще, уничтожается тем железным и жестоким законом, который вскоре опять низводит заработную плату к размеру потребления, безусловно необходимому для существования.

Может, наконец, еще случиться, что производительность труда усиливается вдруг и с нею так же внезапно наступает удешевление продуктов; во-вторых, это может случиться как раз в довольно продолжительный период усиленного спроса на рабочие руки; при таком благоприятном стечении обстоятельств эти несоразмерно подешевевшие продукты могут войти в круг предметов, безусловно необходимых, в силу народных привычек, для существования.

Итак, следовательно, эта пляска работника и заработной платы на крайнем пределе содержания, необходимейшего по данным потребностям для поддержания жизни, пляска, то немного отступающая от этого предела, то перескакивающая за него, не прекращается никогда.

Этот крайний предел в разные времена может сам отдаляться и отступать, вследствие указанного стечения об-

стоятельств; поэтому может случиться, что, сравнивая разные эпохи, мы найдем, что положение рабочего сословия позднейшего столетия или позднейшего поколения несколько улучшилось против положения его в прошлом столетии или поколении, потому что минимум необходимых жизненных потребностей несколько повысился.

Я был вынужден сделать это небольшое отступление, господа, хотя оно вовсе не идет к моей цели, потому что с легкой руки Бастиа все, желающие пускать нам пыль в глаза, постоянно избирают это ничтожное улучшение, совершающееся целыми веками и поколениями, темой грошовых пустых декламаций.

Прошу вас, господа, обратить внимание на точный смысл моих слов. Я говорю: по указанным причинам может статься, что необходимый минимум средств, а с ним и общее положение рабочего сословия окажутся при сравнении разных поколений, возвысившимися в позднейших. Действительно ли так и есть, действительно ли общее положение рабочего сословия постоянно улучшается с течением веков—это, господа, вопрос очень трудный, очень запутанный, требующий слишком ученого исследования, чтобы за разрешение его хоть сколько-нибудь, хоть приблизительно, могли браться те лица, которые беспрестанно забавляют вас рассуждениями о цене миткаля в прошлом столетии, о количестве потребляемого вами миткалевого платья теперь и тому подобными пошлостями, списываемыми из любого учебника.

Я не имею намерения пускаться здесь в подобное исследование, потому что здесь я должен ограничиться сообщением вам лишь того, что не только бесспорно, но кроме того удобопонятно. Допустим, стало быть, что минимум жизненных потребностей повышается и что, следовательно, положение рабочего сословия постоянно улучшается с течением веков и поколений.

Но все-таки надо показать вам, что этими общими местами передергивают вопрос, о котором собственно идет речь, и подставляют совершенно другой.

Вас надувают, вас обходят, господа!

Говоря о положении рабочих и его улучшении, вы раз-

умеете ваше положение в сравнении с положением ваших современных сограждан, в сравнении, стало быть, с размером современных жизненных потребностей.

А вас утешают лживым сравнением вашего положения с положением рабочих в прежние века.

Допустив, что минимум жизненных потребностей, определяемый привычками, повысился, и что, поэтому, положение ваше лучше положения рабочих, живших 80, 200, 300 лет тому назад—спрашивается,—какое значение может это иметь для вас и какое удовлетворение может оно дать вам? Точно такое же как тот уже совершенно беспорный факт, что нынешнее положение ваше лучше положения ботокудов и диких людоедов.

Ведь удовлетворение человека всегда зависит только от отношения имеющихся у него средств удовлетворения к его потребностям, определяемым привычкою, или—что то же—от излишка средств удовлетворения над определяемым привычкою низшим пределом его жизненных потребностей в данное время. Повышение минимума жизненных потребностей также влечет за собой и новые страдания и лишения, прежде неизвестные. Какое лишение ботокуду, что он не может купить мыла? Какое лишение дикому людоеду, что у него нет приличного платья? Какое лишение было работникам до открытия Америки, если у них не было табаку? Какое лишение было для работника, до открытия книгопечатания, в невозможности приобрести полезную книгу?

Итак, все человеческие страдания и лишения зависят от отношения средств удовлетворения к существующим в то же время потребностям и привычкам. Стало быть, все человеческие страдания и лишения и все человеческие удовлетворения,—следовательно, все вообще положение человека измеряется лишь сравнением с положением других современных ему людей относительно жизненных потребностей, определяемых привычкой. Стало быть, положение одного класса всегда измеряется только сравнением с положением другого в то же время.

Следовательно, если бы и было доказано, что уровень абсолютно необходимых условий жизни в разные времена

повысился, что неизвестные прежде удовлетворения сделались в силу привычки необходимыми потребностями и именно через это наступили новые, прежде неизвестные лишения и страдания,—то все-таки все это не имеет никакого отношения к вашему *человеческому* положению, которое всегда остается одинаково, всегда состоит в пляске на крайнем пределе безусловно необходимого по привычкам данного времени содержания, то немного не доходя до него, то немного перескакивая за него. Ваше человеческое положение осталось, следовательно, одинаково, потому что оно измеряется сравнением не с положением зверя в первобытном лесу, или негра в Африке, или крепостного средних веков, или работника 200 или 80 лет тому назад, а с положением современников сограждан, с положением прочих классов в ту же эпоху.

Но вместо того, чтобы поразмыслить об этом и посудить, как поправить это отношение, как изменить его жестокий закон, который постоянно удерживает вас на минимуме жизненных потребностей каждой эпохи,—забавляются искусным передергиванием вопроса у вас под носом и развлекают вас крайне сомнительными культурно-историческими соображениями о положении рабочих в древние времена. До чего сомнительны эти соображения, видно из того, что крайне подешевели только *продукты промышленности*, которые входят в потребление работника в несравненно ограниченнейшем размере, тогда как *съестные припасы*, составляющие главный предмет его потребления, вовсе не обладают стремлением к постоянному удешевлению. Вообще подобные соображения только тогда могли бы иметь значение, если бы подвергли исследованию общее положение работника в разные времена *со всех сторон*. Но такое исследование крайне трудно и требует величайшей добросовестности, а между тем толкующие вам об этом не имеют в руках даже материалов для подобного исследования и потому должны были бы предоставить его настоящим ученым.

Глава третья

О ПРИБЫЛИ [1])

Но если заработная плата, в среднем, всегда ограничена необходимыми средствами существования, то отсюда само собою следует, что всякий, полученный от продажи продуктов, избыток дохода производства над средствами к существованию, необходимыми в течение производства, остается в руках предпринимателя. Этот избыток он делит на основании дальнейших законов, которые мы здесь не можем исследовать, между собою и чистым капиталистом (процент—денежному капиталисту, землевладельцу—земельная рента, специальные законы которых мы тем менее можем излагать здесь).

Всякий избыток продуктов труда над установленным народными привычками минимумом средств существования рабочего достается, таким образом, капиталу в его различных формах,—есть премия капитала.

Вы знаете—простите, господин Шульце, что я для проформы должен иногда относиться к вам, как к человеку, который что-нибудь смыслит в экономических вопросах,—вы знаете интересную экономическую категорию физиократов: избыток производства. Физиократы называли производительным только такой труд, который создает больше средств, чем нужно для того, чтобы просуществовать самому рабочему в течение работы. Всякий же труд, создающий только такие средства, они называли бесплодным. Физиократы выводили из этого основного положения ложное заключение, что только земледельческий труд производителен, а всякий промышленный труд стерилен, бесплоден. Но само по себе это основное положение в достаточной мере оправдывается существующими отношениями. Кто постоянно должен отдавать остающийся, за удовлетворением необходимейших жизненных потребностей, доход своего труда—доход, который все растет, растет и растет,—в чужие руки, в которых он приносит новые и новые барыши, между тем как сам

[1]) Из „Бастиа-Шульце фон-Делич“... или „Капитал и Труд“.

трудящийся устранен от участия в этом непрерывно растущем доходе производства и принужден довольствоваться необходимейшими средствами существования,—для того, конечно, его труд оказывается непроизводительным. Этими необходимыми средствами должен был, конечно, пользоваться и античный раб, и раб пользовался ими в большем изобилии, чем современный, плохо питающийся рабочий. Но противоречие именно теперь тем больше и невыносимее, что этот современный фактический раб юридически объявлен свободным человеком.

В непроизводительности труда лежит, стало быть, тайна производительности капитала, и наоборот. В разнице между количествами труда, которые оплачиваются в цене продуктов, и заработной платой,—разнице, которую вы так наивно просмотрели,—заключается как прибыль, падающая на капитал, премия капитала, так и сама собою умножающаяся, непрерывно производящая деятельная сила капитала, или его производительность, прорвавшаяся, наконец, на волю благодаря свободной конкуренции.

Каждая капля пота рабочего, сказали мы выше, оплачивается для капитала в цене продукта, тогда как сам рабочий принужден ограничиваться установленным народными привычками минимумом необходимых средств существования. Каждый талер в руках предпринимателя, как мы уже раньше показали, приносит завтра новый талер, вследствие нового помещения в производство. Два эти положения соединяются теперь, в своем последнем анализе, в одно: каждый талер, т.-е. каждая капля пота рабочего, приносит завтра рабочему новую бесплодную каплю пота, а капиталу новый талер! И чем более удешевляются цены продуктов, а, стало быть, и необходимые средства существования рабочего, тем более—вместо возрастания дохода рабочих соответственно этой растущей производительности труда—возрастает капитализирующая сила нашего производства. Рей может теперь то, чего не мог никакой феодальный сеньор. Он может капитализировать каждую каплю пота рабочего, т.-е. превратить ее в источник новой капли пота для рабочего и нового талера для себя.

Разница между заработной платой или ценою труда и

количеством работы, которое оплачивается в цене вещей капиталу, необходимо приводит к тому, что все работники, способствовавшие изготовлению продукта интеллектуальным или физическим трудом, не могут купить на свою соединенную заработную плату продукт своего собственного труда,—это только другое выражение того, что уже развито выше. Не говорите мне о машинах, господин Шульце, которые должны приводить к этому результату своей увеличившейся производительностью и проч., и проч. Это возражение было бы бессмыслицей. Машины—такие же продукты труда, как и все остальное, и я понимаю под соединенными работниками всех, кто участвовал в изготовлении продукта, в том числе и машиностроителей, рабочих, добывающих сырой материал, горнорабочих и проч. Мало того (и это следствие еще яснее выступает при такой форме выражения), чем продуктивнее труд рабочих при неизменяющихся издержках их содержания, тем менее они могут снова купить продукт своей собственной работы, тем больше разница между продуктом труда и заработной платой, тем беднее они становятся,—так как богатство и бедность только относительные понятия, только выражают отношение к доходу производства.

И не пытайтесь, господин Шульце, — хотя вы, конечно, попытаетесь,—убеждать рабочих, что прибыль, достающаяся капиталу, есть вознаграждение за умственный труд предпринимателя, плата за интеллектуальное руководство делом. Только, относительно, очень и очень ничтожная часть дохода предпринимателей данной нации составляет заработную плату предпринимателям за их интеллектуальное руководство, и я никогда не вводил ее в ту часть, которую называю прибылью на капитал. Что эта заработная плата за интеллектуальный труд предпринимателей составляет лишь незначительную часть их дохода,—давно известно науке, и либеральные экономисты сами довольно часто признавались в этом. Английские экономисты с самого начала, с достойной уважения откровенностью, рассматривали предпринимательскую прибыль только как премию капитала, а ту часть предпринимательской прибыли, которую можно назвать «платой за умственный труд», совершенно игнорировали ввиду ее

незначительности. Только так называемое гуманное направление французских экономистов создало эту ложь: попытку выдавать предпринимательскую прибыль за «плату за умственный труд».

Впрочем, если вы хотите на практике убедиться, какую поразительно малую часть предпринимательского дохода составляет эта плата за интеллектуальное руководство, то вам стоит только оглянуться вокруг себя. Сколько землевладельцев предоставляют заведывание всеми своими имениями управляющим, сколько крупных фабрикантов и купцов поручают ведение дела заведующим, директорам и проч., тогда как сами путешествуют по Италии, Востоку и другим странам или, во всяком случае, не руководят своими делами. Жалованье руководителей дела, столь незначительное сравнительно с доходами предпринимателей,—вот все, что эти последние могли бы отчислить себе за свою интеллектуальную деятельность, если бы сами вели дело.

В больших акционерных предприятиях нашего времени, каковы железные дороги, банки и проч., это разъединение происходит даже по необходимости. Капиталист или предприниматель, являющийся в виде множества лиц, уже вследствие этой множественности не может сам вести дела, для чего назначается директор на жалованьи. Если бы прибыль предпринимателя состояла из вознаграждения за интеллектуальную деятельность по ведению дела, то откуда взялись бы 13 процентов дивиденда, приносимых Кельн-Минденскими железнодорожными акциями предпринимателям (акционерам), которые пальцем не пошевелят для ведения дела? Откуда 17 процентов дивиденда Магдебург-Лейпцигских акций? Откуда $25^1/_2$ процентов дивиденда Магдебург-Гальберштадтских?

В предприятиях этого рода директорам часто даже выплачиваются, по различным соображениям, жалования, совершенно исключительные по размерам. Тем не менее, чтоб получить понятие о поразительно малой, относительно, величине вознаграждения за ведение дела, содержащегося в национальном доходе предпринимателей, сравните содержание директоров или членов правления этих железных дорог с суммой прибыли на капитал, доставляемой дорогами...

Наконец, как вытекает из нашего предыдущего изложения, все, кто из кожи лезет, стараясь приурочить предпринимательскую прибыль к личности предпринимателя, исходят из смешного недосмотра.

Личность предпринимателя, его трудолюбие, его леность, его предприимчивость и его грубость и проч.,—все эти свойства имеют, конечно, большое влияние на то, сколько удается захватить на свою долю предпринимателю Петру сравнительно с предпринимателями Павлом, Вильгельмом и т. п. из предпринимательской прибыли, ежегодно достающейся классу предпринимателей. Иными словами: это вопрос, который касается конкуренции предпринимателей между собой и определения участия отдельных предпринимателей в доле, приходящейся из всего годового дохода производства классу предпринимателей. Но на эту долю, достающуюся всему классу предпринимателей нации, он, как неизбежно следует из вышеизложенного, не влияет.

Общая сумма годового дохода труда равна A. Сумма, требующаяся для удовлетворения средних жизненных потребностей рабочего класса, равна Z. В таком случае, будут ли все предприниматели ленивы или прилежны, умны или глупы, классу предпринимателей достанется A—Z, и только вопрос о распределении A — Z между отдельными предпринимателями может находиться в зависимости от их личных свойств.

Далее, предприимчивость предпринимателей может увеличить общую сумму годового дохода производства, то-есть превратить ее из A в A+B; и если данные предприятия основаны не за границей,—это достигается посредством увеличения суммы труда, производимого нацией. Но если даже увеличение суммы труда повлечет за собой увеличение общей суммы заработных плат (что вовсе не необходимо бывает в таких случаях), то причиной или следствием этого является соответственное возрастание массы рабочих, уже происшедшее или вызванное повышением заработной платы. (Это и есть внутренняя причина роста европейского населения.)

Итак, общая сумма заработных плат нации увеличилась, но эта увеличившаяся общая сумма распределяется теперь,

как следует из вышеуказанного, между соответственно (а часто и в еще большей степени) возросшим числом рабочих. Стало быть, плата, достающаяся отдельному рабочему, доля продуктов, которую он получает, в конце концов, не увеличилась.

Даже для класса рабочих в целом доля в продукте его труда, получаемая в форме заработной платы, может уменьшиться, хотя бы даже количество продуктов, приходящееся на всех работников, увеличилось, если производительность труда, как это и бывает обыкновенно, возрастает в еще большей степени! Англия именно такая страна, которая посредством несомненного духа предприимчивости своих предпринимателей создала пауперизм своих рабочих.

Но предметом исследования экономической науки, естественно, может быть только вопрос об участии рабочих и предпринимателей в доходе производства, и в связи с ним вопрос: какое количество продуктов достается отдельному рабочему, и какая доля дохода, создаваемого трудом, достается всему рабочему классу. Исследование, какие личные свойства помогают предпринимателю урвать возможно большую долю этого достающегося всему классу предпринимателей дохода, принадлежит частью практическим коммерческим школам, частью входит в область конторских тайн; а славословие этим личным свойствам уместно только на званных обедах богатых коммерции советников, но отнюдь не в политической экономии. Это именно смешение разных областей, возникающее вследствие общего всей нашей либеральной экономии смешения частной и национальной экономии, влечет за собой путаницу в данном случае, как и во многих других, и приводит подобные исследования к двусмысленным результатам, потому что вопрос уже с самого начала ставится двусмысленно.

Вы узнали из этого длинного изложения, господин Шульце, как велика общая ошибка всех буржуазных экономистов, постоянно принимающих капитал и все другие экономические категории за логические, вечные категории. Экономические категории не логические, а исторические категории. Продуктивность капитала не «естественный закон»; при других исторических условиях она может и должна исчезнуть.

Следовательно, как здесь, так и в дальнейшем изложении мы доказали собственно то, что экономическая категория «капитал» и юридическая категория «собственность» только исторические категории, как я подробно доказал это относительно всех юридических категорий в моей «Системе приобретенных прав»...

Глава четвертая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАПИТАЛА [1]

а) Понятие капитала

Остается еще развить в возможно краткой форме объективное понятие капитала...

Если мы сказали: капитал есть историческая категория,— то хотя этим все было сказано в самой краткой форме, но поняли бы нас только очень немногие.

Мы должны, следовательно, приступать к делу более постепенно.

Рассмотрите, господин Шульце, приведенные нами до сих пор определения капитала; только, конечно, не то излюбленное вами определение капитала как «сбереженной части дохода», которое вы заимствуете у Бастиа, так как оно слишком уже бессмысленно и достаточно разобрано нами. Но рассмотрите другие определения, которые вы также приводите, и суть которых сводится к положению: капитал есть орудие труда. Или то, которое я вам рекомендовал: капитал — это продукты, непрерывно употребляемые для производства.

Теперь бросьте еще раз взгляд на индийца в девственных лесах Америки, с луком в руке добывающего себе средства к жизни охотой.

Капиталист ли этот человек? Можно ли назвать его лук капиталом?

Вы видите, господин Шульце, что сюда подходят все три определения. Лук есть действительно орудие труда. Равным образом он представляет из себя накопленный труд.

[1] Из „Бастиа-Шульце фон-Делич"...

Он также продукт, который постоянно употребляется для производства.

И тем не менее, господин Шульце, ваше собственное чувство не позволит вам назвать индейца капиталистом!

Вы видите, стало быть, что все эти определения надо признать неверными, так как ни в одном из них не содержится отличительного и правильного признака.

Но, может быть, от вас, ведь, всего можно ждать,—вы, наперекор своему собственному чувству, скажете: «Да, лук есть капитал, и, следовательно, индеец—мелкий капиталист».

В таком случае нетрудно будет доказать вам, что лук не капитал и индеец не капиталист.

Перенеситесь на мгновенье,—чтоб лучше уяснить себе дело,—с этим самым луком в эти самые леса. Лук дал бы вам возможность стрелять дичь, т.-е. оказал бы вам поддержку (на то он и орудие труда) в вашей личной, направленной на добывание средств к существованию работе; но, если бы—чего можно ожидать—вы устали гоняться по лесам за дичью в легких мокассинах, вам не было бы никакой возможности пустить в оборот ваш лук, как деятельное, приносящее доход, средство. А так как безусловный признак капитала, поскольку он не употребляется для покупки другого капитала,—способность быть деятельным, то вы видите: этот лук—орудие труда, но не капитал.

Допустим, что вы, предполагая, что только форма лука не позволяет вам утилизировать накопленную в нем работу, как капитал, вздумали обменять его на какую-нибудь другую стоимость и предлагаете эту сделку вышеупомянутому индейцу.

Вполне возможно, что этот индеец, если лук ему годится, согласится на ваше предложение. Он даст вам в обмен убитую дичь или шкуру, или, быть может, в богатой золотом местности большой слиток золота.

Но все эти предметы вам тоже нет никакой возможности пустить в оборот. Чтобы сделать эти стоимости продуктивными, приносящими ренту, вы должны отправиться в совершенно другие, с европейскими порядками, страны. А при тех определенных исторических условиях, в которые вы переселились, у вас нет к этому никакой возможности.

Мало того, теперь, обладая стоимостями, полученными в обмен за лук — дичью, шкурой, золотым слитком — вы оказались в еще худшем положении, чем раньше, так как лук, по крайней мере, помогал вам в вашей охотничьей практике.

Запомните же твердо, господин Шульце, то решающее и отличительное, что мы заметили при рассмотрении этого случая: есть исторические состояния, при которых имеются орудия труда, при которых существует даже обмен, но при которых, тем не менее, еще нет капитала. Но, может быть, ввиду наших предыдущих рассуждений вы сами скажете: здесь хотя и есть орудия труда, еще нет капитала, так как нет разделения труда; поэтому орудие труда может быть продуктивным только в руках самого рабочего.

Отсюда уже вытекает положение: самостоятельная продуктивность капитала, его продуктивность при разъединении с трудом возможна только при системе разделения труда и является ее последствием.

Но теперь бросьте взгляд на цивилизованные государства древности. Здесь уже господствует, как бы ни было оно ничтожно в сравнении с современным, известное разделение труда и большое богатство. Но вы видите, что античный собственник соединяет в своем владении: земельную собственность, рабов и все продукты и орудия их труда.

«Капиталист» ли этот человек? Нет, господин Шульце! Скажете ли вы о древнем персидском шахе, которому принадлежала вся земля, ему подвластная, со всеми ее богатствами и людьми: этот человек был крупный «капиталист»?

Конечно, нет! Вы этого не скажете, так как чувствуете, что он был чем-то бо̀льшим.

Так обстоит дело и с античным собственником. Тот, кому принадлежит, на правах собственности, не только орудие труда, но и сам рабочий, не может быть «капиталистом», так как его участие в доходе общественного производства основывается не на обладании орудием труда, а на обладании самим работником. Раб, посредством которого он осуществляет труд, для него только орудие, а орудие — только другой раб.

Это отсутствие разграничения и различия является при-

чиной того, что здесь существуют господа, но не капиталисты, стоимости и богатства, но не капиталы.

Вы можете проследить это дальше, если примете во внимание реальные характерные черты античного хозяйства. Античный земле- и рабовладелец производит прежде всего преимущественно потребительные стоимости для нужд собственного хозяйства. Избыток их или весь продукт, если он фабрикует его при помощи рабов только для продажи,— что, однако, составляет исключение и встречается только среди граждан низкого состояния,—он продает. На вырученные за них деньги покупает он продукты роскоши всех доступных ему поясов, пурпур и янтарь, для собственного потребления. Обмен и торговля уже развиты и распространены. Но золото, остающееся у него за удовлетворением его потребностей в роскоши, он если не употребляет на покупку земельной собственности и рабов, т.-е. опять-таки на расширение своего натурального хозяйства, в котором он является «господином», а не «капиталистом», то сберегает для позднейшего употребления на предметы роскоши. Он копит казну, хотя бы в виде золотой и серебряной утвари. Пустить золото в оборот, вложив его в чужое производство, для него даже не представляется случая.

Дело в том, что это чужое производство в свою очередь, естественно, выросло из избытка собственного натурального хозяйства этого другого производителя, и потому еще не нуждается в современной системе кредита, которая может образоваться только в обществе, производящем исключительно меновые стоимости...

В первобытном состоянии индивидуального, изолированного труда, от которого мы исходили, орудие труда—лук индейца—было продуктивным только в руках самого рабочего, то-есть только труд был продуктивным.

Разделение труда (не забывайте, что с разделением труда, в отличие от труда индивидуального, является уже общий труд, общее ведение производства, хотя бы еще при индивидуальных запасах для производства и вследствие того при индивидуальном распределении дохода с труда теми, кто делает эти запасы), итак, разделение труда, постепенно и необходимо развивающееся из разделения труда преобра-

зование производства в систему меновых стоимостей, и, наконец, свободная конкуренция, к которой должно привести это производство меновых стоимостей при индивидуальных запасах,—все это приводит к результату, противоположному исходному пункту: орудие труда, отделившись от рабочего, становится самостоятельным, всасывает в себя всю производительность труда, а труду оставляет лишь то, что необходимо для возмещения жизненных сил, потраченных во время работы, то-есть делает его непроизводительным.

Если раньше был производителен только труд, то теперь производительно только отделенное от работника орудие труда.

Орудие труда, сделавшееся самостоятельным и поменявшееся ролью с рабочим, низвело живого рабочего до мертвого орудия труда, а себя, мертвое орудие труда, развило до живого органа воспроизведения—это и есть капитал!

Кому не нравится это определение, тому придется, чтобы дать правильное определение, пригодное для учебника, формулировать его приблизительно так: капитал есть созданный при разделении труда, при производстве, представляющем систему меновых стоимостей, и при свободной конкуренции запас предварительно осуществленного труда, необходимый для поддержания жизни производителей до продажи продукта окончательному потребителю и приводящий к тому, что избыток дохода производства над этими необходимыми для поддержания жизни средствами достается тому или распределяется между теми, кто доставил запас. Это определение прежде всего упрекнут в том, что оно упускает из виду заготовление «сырых материалов», которые также необходимы для производства. Но это несправедливо. Сырые материалы и проч., также и при подобных же условиях, производятся рабочими при помощи запаса, принадлежащего производителю сырого материала, вместо которого выступает затем промышленный производитель, подвергающий его продукты дальнейшей переработке. Весь ряд капиталистов, выступающих один за другим в процессе изготовления продукта, доставляет только средства, необходимые для поддержания жизни всего ряда работников (работники, изготовляющие сырые материалы, чернорабочие и проч.), участвующих

в производстве продукта. Всякое другое определение, опускающее хоть один из содержащихся в этом определении признаков, является, как показывает наш анализ, неполным и ложным.

Разделение труда—источник всех богатств. Только благодаря разделению труда производство становится все продуктивнее и все дешевле: этот закон, вытекающий из сущности труда, есть единственный экономический закон, который, ради сравнения, можно назвать «законом природы». Он не закон природы, так как относится не к царству природы, а к царству духа, но он обладает той же необходимостью, как и электричество, сила тяжести, упругость пара и проч. Это социальный закон природы!

И вот, у всех народов выдвинулась горсть индивидуумов, захватила в свое личное пользование этот социальный закон природы, существующий только благодаря духовной природе всех, а изумленным и бедствующим народам, скованным невидимыми цепями, выбрасывает из все более обильного, постоянно и мощно растущего дохода, создаваемого трудом этих народов, по существу все те же крохи, которые при благоприятных условиях добывает индеец раньше всякой культуры: средства, необходимые для поддержания жизни! Это все равно, как если бы несколько индивидуумов объявили своей собственностью силу тяжести, упругость пара, теплоту солнечных лучей! Они кормят народ, как смазывают и топят машины, чтобы поддержать его в работоспособном состоянии: его питание принимается в расчет только как необходимые издержки производства.

б) Происхождение капитала

Определение «капитал есть накопленный труд»—вполне объективное и именно потому внешне правильное выражение. В нем нет ни слова о том, что этот накопленный труд есть труд того, кому накопленное принадлежит [1]).

---

[1]) Конечно, у Адама Смита и у всей либеральной экономии есть эта наивная предпосылка, и она-то именно характеризует либеральную экономию. Но у нея это было именно наивной, простодушной, лежащей в основе, предпосылкой. Смит и Рикардо еще не беспокоились насчет социализма. А у

Можно себе представить, напр., что в какой-нибудь стране производство основано на труде рабов, так что хотя в силу положительного юридического установления накопленный труд принадлежит капиталистам, но сам труд производится рабами. Упомянутое общеупотребительное определение экономистов не решает, стало быть, вопроса, соединяются ли накопление и труд в одном и том же лице...

Итак, от начала цивилизации до водворения христианства господствовал труд рабов. Сами работники, со всем, что они производили, были собственностью господина. Но при господстве рабского труда может быть речь только о «накоплении», а не о «сбережении». Хотя всякий, обладавший, напр., сотней рабов, промотав продукты труда 60 человек (что, вероятно, не называется «сбережением»), все-таки может накопить продукты труда остальных 40, это накопление не будет «сбережением»: сбережением в вашем смысле, так как оно не будет сбережением собственного заработка. Сбережение чужого заработка называют в настоящее время грабежом, или, по меньшей мере, хищением.

Но с водворением христианства это, как известно, не изменилось. Вместо рабства явилось крепостное состояние и подневольная работа, то-есть попрежнему труд людей, остававшихся, в различной степени, юридической собственностью своих господ, то-есть попрежнему накопление чужого заработка. Это было не только в области сельскохозяйственного труда, нет,—вам известно, господин Шульце, да и всякому ребенку известно, что в течение многих столетий, в средние века, промышленный труд в городах также совершался сначала крепостными, потом обязанными работой слугами городского дворянства и патрициата. Когда это прекратилось в городах (в деревнях крепостное

господ Бастиа и Шульце это молчаливое предположение выступает ныне в полемической форме. Если у великих основателей буржуазной экономии этот пункт остался неисследованным и предполагался как нечто очевидное и само собою подразумевающееся, то в настоящее время, у эпигонов, — как оно, впрочем, бывает с закономерной правильностью во всех науках, — это упущение превратилось в суть дела, на которую пуще всего налегают. В этом примечании сконцентрирована вкратце суть истории либеральной экономии со времени Рикардо (примечание автора).

право и обязательный труд сохранились до французской революции), то на место подневольного труда водворились цехи, великим противником и ярым врагом которых вы являетесь (ваш «прогресс» именно в том и состоит, что вы еще раз теоретически опровергаете то, что уничтожено уже 75 лет тому назад) и относительно которых вы должны знать, что они являлись положительными юридическими учреждениями, принуждавшими в сотне форм силою закона бедных людей работать на сословие городских мастеров и отправлять в их карманы доходы своего труда.

Наконец, грянул гром французской революции 1789 г.!

Точно испепеленные молнией исчезли крепостное право, обязательный труд, цехи! Свободная конкуренция осуществилась!

Труд был объявлен юридически-свободным при бесконечном ликовании!

Но точно ли изменился старый факт вынужденного перехода заработка рабочих в карманы привилегированных, правящих классов? Точно ли устранился старый эксплоататорский общественный строй, в силу которого эти привилегированные, правящие классы накопляют чужой заработок—продукты труда рабочих—как свою, юридически закрепленную за ними собственность?

Юридически труд, как уже сказано, был объявлен свободным, и, стало быть, ничто бы не мешало каждому получать, накоплять и «сберегать» свой заработок, если б не препятствовало этому одно маленькое затруднение.

«Прежде, чем начнется какое-либо занятие, какая-либо работа с промышленными целями,—говорите вы на стр. 10 вашего «Катехизиса», — надо позаботиться о заготовлении сырого материала для обработки, необходимых орудий и, наконец, средств к существованию для себя и сотрудников во время работы».

«Эти необходимые предпосылки всякого, направленного на производство имущественных благ, труда,—продолжаете вы,—во всех без исключения случаях могут быть созданы только прежними, предшествовавшими задуманной, работами; их мы и подразумеваем под названием капитал».

Вы, стало быть, сами знаете, господин Шульце, что пре-

жде, чем приступить к какой бы то ни было работе, необходимо приложить к делу ранее совершенную работу, необходимо приложить к делу капитал.

Внезапно объявленные юридически «свободными», крепостные, обязанные, цеховые ремесленники и ученики, как и их предки в течение тысячелетий, совершили для привилегированных всякого рода эту предварительную работу, а теперь оказались юридически свободными, но фактически лишенными всяких средств, лицом к лицу с этими капиталами, скопившимися в руках имущих.

Так как у них не было того, без чего нельзя даже приступить к какой бы то ни было работе, то несмотря на «юридическую свободу», несмотря на провозглашение свободной конкуренции, что им оставалось и остается делать, как не продавать жизнь за средства, необходимые для поддержания жизни?

Иными словами: что им оставалось и остается делать, если они не хотят голодать и умирать с голода, как не искать работы у предпринимателей, вооруженных капиталами, созданными их же тысячелетним трудом, результатами их собственной предварительной работы,—и притом за плату, которая лишь в самых исключительных случаях, редко, и всегда лишь на короткое время, может превышать установленный народными привычками минимум необходимых средств существования? За плату, которая, будучи заранее низведена до этого минимума, отнимает у рабочих всякую возможность «сберегать», а с другой стороны, с неизбежной необходимостью предоставляет в карманы предпринимателя (который с своей стороны уделяет известную часть капиталисту, как таковому) весь избыток заработка этих рабочих над издержками их существования, как бы ни был он велик, как бы ни была высока производительность труда вообще или в данной специальной отрасли производства?

Итак, «свободная конкуренция» ничуть не изменила старого факта, состоящего в том, что рабочий должен весь доход от своей работы, остающийся за удовлетворением необходимых жизненных потребностей (а такую часть дохода получали и рабы, и крепостные, и обязанные, и цеховые ремесленники и ученики), отдавать «капиталу», как раньше отдавал «господину».

Да, если бы труд и ныне осуществлялся в своей первоначальной естественной форме, как у индейцев в американских лесах, где работа дня—охота—доставляет средства существования на этот день! В таком случае, без сомнения, провозглашенная в 1789 г. юридическая свобода рабочих превратила бы их в фактически свободных людей, и теперь каждый, охотясь за свой счет, получал бы только продукт своего собственного труда, свой собственный индивидуальный охотничий доход, ни более, ни менее.

Но успехи разделения труда, этой причины европейской цивилизации, придали труду совершенно другой характер! Каждый вырабатывает только отвлеченную часть продукта, а не готовые средства к жизни, которыми он мог бы существовать. Использование этого продукта отодвигается на недели, месяцы, годы, а для существования в течение этого времени необходим предварительный запас. Далее, разделение труда предполагает уже состоявшееся разделение предшествующего труда, стало быть, и наличность запаса для достижения результатов последнего, для заготовки сырых материалов, орудий труда, промышленных продуктов. Наконец, разделение труда осуществляется только путем соединения многих для достижения одного и того же результата труда, и таким образом опять-таки предполагает наличность запаса для их содержания и т. д. и т. д. Словом, каждая нота в производственном концерте ревет неумолимо: Запас! запас! запас!

Итак, объявленные «свободными» в 1789 г., рабочие не могли разойтись по своим охотничьим уделам, как гордые сыны лесов. Никаких охотничьих уделов у них не было; процесс общественного прокормления осуществляется ныне в другой, более искусственной форме.

Этот запас, этот предуготовленный труд, необходимый ныне для прокормления каждого, они накопили в руках правящих классов, до тех пор и юридически привилегированных. К этому-то, ими же предуготовленному, труду и пришлось им, несмотря на свободную конкуренцию, точнее, именно благодаря свободной конкуренции, итти в кабалу и, как прежде, отдавать своим, раньше юридическим, ныне фактическим «господам» свой избыток труда, часть заработка, остающуюся за удовлетворением необходимейших потребностей.

Предуготовленный труд, капитал в обществе, производящем при условиях разделения труда и при действии закона «свободной конкуренции» и «самопомощи», подавляет живой труд. Продукты своей же работы душат рабочего, его вчерашний труд возстает против него, валит его на земь и отнимает у него сегодняшний заработок!!

И, таким образом, чем более рабочий производит с 1789 года, чем более он, на службе у буржуазии, накопляет предуготовленную работу, капиталы, становящиеся ее собственностью, чем более он этим самым обеспечивает дальнейшие успехи разделения труда, тем более растет тяжесть цепи, приковывающей его к земле, тем печальнее становится положение его класса.

И вот почему в Англии это положение печальнее, чем во Франции и Бельгии, во Франции и Бельгии печальнее, чем в Германии.

Ну, я, кажется, достаточно убедительно доказал вам, господин Шульце, что «происхождение капиталов», и именно в отношении их частноправового распределения, решительно ничего общего с «сбережением» не имело до 1789 г., не имеет и с тех пор до сего дня, при господстве свободной конкуренции! Я доказал вам, что как до, так и после 1789 г., работники не могли и не могут накоплять, а те, кто накопляет,—накопляют не свой, а чужой заработок, и, стало быть, не «сберегают»!

Но если вы были неспособны сами сделать этот краткий очерк исторического развития отношений труда в Европе, то как у вас не хватило простого здравого смысла сообразить, что такое происхождение капитала путем индивидуального сбережения собственного заработка, как вы его себе представляете, уже a priori является совершенно невозможным?

Как вы себе представляете возникновение первых капиталов?

Обратитесь еще раз к первичной форме труда свободного дикаря-индейца, охотящегося на своих охотничьих землях. Мог ли он что-нибудь «откладывать» из своих доходов? Приносил ли его труд какой-нибудь избыток сверх средств, необходимых для поддержания жизни? История дает вам

ответ, указывая на массовое вымирание индейских племен от голода. Иными словами: только при разделении труда последний доставляет избыток сверх средств, необходимых для поддержания жизни.

Но, может-быть, вы спросите: почему же этот глупый индеец не попробовал сыграть роль капиталиста,—нанять нескольких индейцев и заставить их охотиться сообща за его счет!

Изволите видеть, господин Шульце, эти свободные люди никогда бы не согласились на такую вещь,—тем более, что и в таком случае они могли бы добывать охотой только средства, необходимые для поддержания жизни, как раньше при полной свободе.

А во-вторых: откуда взял бы тот индеец средств для содержания остальных, пока они охотились бы за его счет? Из продуктов собственной охоты, урывая кусок из своего рта? Но он превратился бы в скелет, прежде чем успел накопить запас, которого хватило бы на содержание хоть небольшого числа наемных охотников.

Вы скажете, пожалуй, что этот глупец все-таки сам виноват.

Почему он не заставил наемных охотников заняться земледелием или ремеслом, которые доставляют средства к существованию в избытке?

Но разве вы не видите, господин Шульце, что здесь только что обсуждавшееся препятствие возвращается в стократно усиленной степени?

Как мог бы он накопить из своего личного охотничьего заработка средства, достаточные для содержания этих земледельцев и ремесленников в течение года или нескольких месяцев, которые должны пройти, прежде чем земледелие или ремесло дадут доход?

Отсюда вы можете сделать два вывода, господин Шульце:

1. Производство при разделении труда, которое одно доставляет избыток сверх необходимого для насущных потребностей, в свою очередь предполагает, чтоб быть возможным, предшествующую затрату собранного капитала, следовательно, также предшествующее разделение труда, которое одно может доставить этот избыток, недостижимый для индивидуального труда.

2. Поэтому, народы, живущие при условиях полной индивидуальной свободы, как индейские охотничьи племена, никогда не могут достигнуть какого-либо накопления капиталов, а, вследствие того, и какого-либо культурного успеха.

И потому, действительно, белые, добравшись до большого соленого озера, застали ирокезов, делаваров, чироков, чикасасов и проч. на той же самой культурной ступени, какую занимали они несколько тысяч лет тому назад, да и теперь еще остатки этих племен, поскольку они сохранили прежний образ жизни и не европеизировались, остаются на той же ступени.

Итак: индивидуальный труд не может сберегать.

Но теперь бросьте взгляд на рабство, которое вы находите у колыбели всех цивилизованных народов.

Картина тотчас меняется.

Господин владеет, напр., сотней рабов. Из них 30 он может употребить на производство предметов потребления для него самого, которые и будет лично расходовать. Вы согласитесь, что потреблять заработок 30 человек не значит «сберегать». 60 других рабов он может употребить для земледелия, чтоб произвести необходимые средства к существованию для них самих, для первых 30 и для остающихся 10. Наконец 10 остающихся рабов он утилизирует для приготовления необходимых орудий, в которых нуждаются как первые 30, обязанные заботиться о предметах его личного потребления, так и 60, добывающие средства к существованию для всех 100.

Такой, по существу, характер действительно имели когда-то человеческие общества.

Вы, пожалуй, скажете, что этот человек все же «сберегает», по крайней мере, продукты труда тех 10 рабов, которые изготовляют орудия.

И если даже признать, что накопление чужого заработка нельзя назвать «сбережением», то, во всяком случае, он мог, на основании рабовладельческого права, растратить заработок и этих 10 рабов, и, стало быть, проявил известное «воздержание», отказавшись от этого и дав их заработку накопиться в форме орудий всякого рода.

Но это опять-таки глубокое заблуждение, господин Шульце.

Заставив 10 рабов готовить орудия для 60 и для 30 занятых добыванием предметов его личного потребления, этот человек приобретает, благодаря такому разделению труда, гораздо более обильное хозяйство, гораздо более обильные средства, чем если бы он заставил и этих 10, или всех 100 добывать жизненные средства непосредственно пальцами и ногтями. А продолжающаяся работа этих 10, изготовляющих орудия для 30 и 60, вскоре приводит к тому, что собственник может утилизировать для земледельческого труда только 50 рабов вместо 60, так как благодаря улучшенным орудиям труд их оказывается достаточным для содержания всей сотни. Освободившихся 10 человек он присоединяет к изготовляющим орудия, число которых достигает, таким образом, 20. Благодаря гораздо лучшим и более действительным орудиям, изготовляемым этими 20, работа как тех 30 рабов, которые изготовляют предметы роскоши для его личного потребления, так и 50 земледельцев, становится гораздо продуктивнее. Его сундуки и лари, погреба и амбары переполняются, привычки к роскоши становятся все более утонченными; пурпур, шелк и душистое полотно к его услугам; и оказывается, что, благодаря усовершенствованным земледельческим орудиям и методам, 40 рабов достаточно для добывания средств к существованию всех 100.

Освободившийся таким образом десяток рабов он может разделить: пятерых присоединить к группе 30 человек, работающих для удовлетворения его потребности в роскоши, образовав в ней отделение играющих на лютне и танцовщиц, а остальными пятью усилить группу производящих орудия и инструменты, которая теперь возросла с 10 до 25 человек. Но благодаря все более сложным и действительным орудиям, изготовляемым этой группой, умножаются предметы роскоши, производимые рабами, занятыми удовлетворением его личных надобностей, и он видит, что эти предметы роскоши могут и еще увеличиться и улучшиться, если он выделит из 35 десять человек и присоединит их к группе, изготовляющей орудия, чтобы, таким образом, косвенным путем увеличить производство предметов роскоши. Теперь эта группа, состоявшая первоначально из 10, насчитывает уже 35 рабов; владелец заставляет непрерывно сверлить, ковать,

катать, мастерить новые машины и этим самым достигает, благодаря все возрастающей производительности труда, постоянного увеличения массы как тончайших продуктов, так и необходимых жизненных средств,—не говоря уже о том, что благодаря умножению этих последних является возможность увеличить число рабов путем усиленного размножения и это увеличившееся число разделить на прежние три группы. Внутри же сотни рабов, состоявшей первоначально из 30, производивших предметы роскоши, 60—жизненные средства, 10—орудия, численные отношения изменились так: 25 рабов производят непосредственно предметы роскоши, 40—непосредственно жизненные средства и 35—орудия.

Итак, вы видите, господин Шульце, что дело этого человека является в действительности не «сбережением», а непрерывным изменением направления производства, введением все нового и нового разделения труда, постоянным отвлечением все большей доли рабочих сил от непосредственного производства предметов роскоши или необходимости к посредственному, то-есть к производству орудий, машин, короче сказать, capital fix (постоянного капитала) всякого рода, и чем больше он действует в этом смысле (это вам кажется «сбережением»), тем больше средств к наслаждению стекается в его руки.

С этим человеком случилось то, что Джульетта говорит о своей любви к Ромео: «чем больше я даю, тем более имею». Чем больше рабов присоединял он к третьей группе, предназначенной для производства постоянного капитала, тем больше получал, проживал и мог прожить средств к наслаждению.

Этот человек, господин Шульце,—реальное изображение развития европейского общества и его капиталов.

Вы видите, стало быть, что о «воздержании» и «сбережении» даже ч у ж о г о заработка тут нет и речи.

Вы видите также, господин Шульце, что, тот, кто говорит «разделение труда»,—говорит этим самым (не заметить этого было бы чересчур) «общая, соединенная работа», и что эта общая, соединенная работа и обусловленные ею культура и образование капиталов, вначале и в течение долгого времени, были возможны только в форме рабства, в форме на-

сильственного подчинения и соединения, в форме накопления чужого заработка.

Стало быть, конечно, это счастье, что у колыбели цивилизованных народов существовало рабство.

Но не находите ли вы, господин Шульце, что пришла пора положить конец рабству в его различных формах и градациях, по существу сохранившемуся и до сих пор,—пришла пора положить конец присвоению чужого заработка.

Положить конец, говорю я? Ах, нет! Путь еще долог, и развитие совершается только постепенно! Но тем более, не пора ли положить, по крайней мере, начало конца?

Во всяком случае, теперь вы видите, что «сбережение» не при чем в процессе возникновения и нарастания капиталов.

Но, может быть, вы хотите знать, как образуются новые капиталы в таком развитом обществе, как наше?

Обратимся к конкретным примерам, господин Шульце.

Я покупаю имение за 100.000 талеров. Берем такой случай: я получаю с имения 5 процентов моего капитала и затрачиваю их полностью.

Я, стало быть, ничего не «сберегаю». Мало того, я каждый год затрачиваю 2.000 талеров сверх моего дохода, стало быть, расточаю, вхожу в долги. Но спустя 10 лет я продаю имение и, вследствие выросшей тем временем густоты населения и обусловленного этим повышения цен на хлеб и земельные участки, получаю за него 200.000 талеров. Я выплачиваю 20.000 талеров долга, образовавшегося вследствие десятилетних расточительных затрат, и у меня все-таки оказывается новый капитал в 180.000 талеров. Он образовался вследствие общественных взаимоотношений.

Он образовался вследствие того, что на той же земельной площади оказалось более многочисленное и густое население. Он образовался вследствие того, что теперь, для удовлетворения потребностей нации в жизненных средствах, приходится возделывать и менее плодородные почвы, на которых получение урожая обходится дороже, при чем рыночная цена хлеба должна оплатить и эти издержки производства на неплодородных полях,—а это дает мне возможность продавать и мой хлеб по повышенной цене.

Он образовался, быть может, благодаря тому, что вы-

росшее богатство какого-нибудь другого населения дает здешнему возможность, вследствие усиленного спроса на хлеба, поднять на них цену; или благодаря тому, что отмена хлебных пошлин в какой-нибудь стране привела к такому же результату.

Короче сказать, он мог образоваться всячески—только не моим трудом и не моим «сбережением».

Или возьмем такой случай: при постройке Кельн-Минденской железной дороги я купил на 100.000 талеров акций al pari. Затем, не пошевелив пальцем для этой дороги, я в течение многих лет получал сначала 5, потом 8, потом 10, потом 12, потом 13 процентов на затраченный мною капитал, то-есть поистине исполинские дивиденды, и безжалостно истратил их до последней полушки. Я продаю теперь эти Кельн-Минденские акции по существующему курсу в 175 и, таким образом, приобретаю новый капитал в 175.000 талеров, хотя ни одной полушки я не «накопил» и не «сберег из моих доходов».

Как образовался этот новый капитал? В силу общественных взаимоотношений, господин Шульце!

Пассажирское движение возросло; товарное движение возросло; благодаря изобретению какого-нибудь английского инженера уменьшились, быть может, расходы по ведению дела; словом, вследствие всех общественных взаимоотношений—только не вследствие моего труда и моего сбережения—крупное предприятие, называемое Кельн-Минденской железной дорогой, а, стало быть, и каждая отдельная частица (акция) его, представляет теперь действительно повысившуюся капитальную стоимость [1]).

Не всякий способен выяснить разницу между народно-хозяйственным и частно-хозяйственным значением капитала и, тем менее, всегда иметь в виду эту разницу при всех дальнейших исследованиях и отдельных случаях.

---

[1]) Здесь Лассаль не только обнаруживает полное непонимание природы фиктивного капитала, но и отступает от теории трудовой стоимости. „Действительное повышение капитальной стоимости“, т.-е., по выражению Маркса, „стоимости, служащей для производства прибавочной стоимости“ может, по его мнению, быть результатом „общественных отношений“. (От составителей).

Не всякий способен выяснить еще более сложный вопрос, почему даже мелочной торговец в Деличе, откладывая из годовой выручки в 1.000 талеров 500 талеров, накопляет этим самым чужой заработок, так как *всякая* продуктивность капитала в настоящее время основана именно на том, что в собственно производительных предприятиях заработок рабочего накопляется предпринимателем, а потому, раз капитал вообще продуктивен, он и во всех других общественно-необходимых капиталистических предприятиях должен представлять ту же продуктивность, что в производительных, также должен давать прибыль, так как иначе для этих других предприятий не найдется капиталов.

Глава пятая

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ [1])

а) Выгоды производительной ассоциации

Но каким образом изменить это состояние, при котором безжизненное орудие труда меняется ролью с живым рабочим и захватывает в свою пользу результаты его труда,— раз оно, как мы сами объяснили, является необходимым следствием разделения труда?

Очень просто! Дело вовсе не в том, чтобы устранить разделение труда, этот источник всякой культуры, а в том, чтобы снова низвести капитал на степень мертвого, служебного орудия труда. Не об устранении разделения труда идет речь, а скорее о дальнейшем его развитии.

Разделение труда уже само по себе есть общий труд, общественная связь с целью производства. Это и нужно за ним закрепить. Для этого требуется только устранить индивидуальную собственность на средства производства—так как именно она приводит к вышеизложенному захвату дохода производства предпринимателем, при чем в его руках остается весь избыток над средствами, необходимыми для поддержания жизни—и вести и без того общую работу на

[1]) „Шульце фон-Делич"...

общие же средства, а доходы производства распределить между всеми его участниками, сообразно работе каждого.

Переходной мерой к этому, самой легкой и безобидной переходной мерой,—являются производительные ассоциации рабочих при поддержке государственного кредита...

Как может государство взять на себя такой риск!—восклицаете вы.

Этот риск—иллюзия, господин Шульце!

В самом деле, предприниматель Петр и предприниматель Павел подвергаются опасности потерять при производстве свой капитал, так как возможно, что предприниматели Христоф, Готлиб и Иоганн отобьют у них рынок.

Но если отдельный предприниматель подвергается этой опасности, то производство никогда не может ей подвергнуться. Производство всегда сопровождается прибылью и возрастанием. Прочтите любую статистическую книгу по этому вопросу,—вы увидите постоянное, из года в год, нарастание национального капитала, заложенного в промышленности.

Теперь вам будет ясно, что если бы государство решилось на такое освобождение труда в большом масштабе, то в каждом городе в ассоциацию соединились бы не отдельные рабочие, а все рабочие данного производства, то-есть само производство в целом, или, по крайней мере, все те рабочие, которые вообще желают присоединиться к производительной ассоциации.

Если вы хоть сколько-нибудь сомневаетесь в этом, то я обращу ваше внимание на то, что еще в Париже в 1848 г.,—когда государство после июньской революции, с целью оказать притворную справедливость победоносно расстрелянным рабочим, декретировало 5 июля 1848 года смехотворную субсидию в 3.000.000 франков на рабочие ассоциации,—отчетливо проявилось естественное стремление масс.

Так, в Париже 30.000 сапожников заявили желание образовать одну ассоциацию сапожников. Само собою разумеется, назначенный для распределения этой субсидии «Conseil d'encouragement», оказавшийся в действительности «советом обескураживания», отказал им.

Так, предполагавшаяся «братская ассоциация портных»

охватывала всех парижских портных, числом более 20.000, и уже 28 марта 1848 г. заключила с городом Парижем контракт на поставку 100.000 мундиров, для выполнения которого поместилась в зданиях тюрьмы Клиши, освободившейся вследствие отмены заключения за долги. Но, под предлогом опасности такого скопления рабочих для общественного спокойствия, они были выгнаны из зал Клиши спустя несколько недель после июньского боя, и город постыднейшим образом нарушил заключенный им контракт, уплатив неустойку в 30.000 франков. О субсидии же сначала и речи не было.

Точно так же целая корпорация жестяников уже 12 марта 1848 года решила основать ассоциацию. Но и жестяникам было отказано в государственной поддержке.

Итак, вы видите, что в самом рабочем классе живет стремление сосредоточить в одной ассоциации целую отрасль производства данного города. Кроме того, и государство помогло бы этому стремлению, если бы в каждом городе открыло кредит только одной ассоциации в каждой отдельной отрасли производства, разумеется, открывая свободный доступ в эту ассоциацию всем рабочим данного производства.

Государству, разумеется, не придет в голову вводить в мир рабочих те же явления, которые характеризуют буржуазию, и превращать рабочих, сгруппированных в мелкие ассоциации, в конкурирующих буржуа. Не стоит труда! Короче сказать, как я уже указал с достаточной ясностью в моем «Ответе», предлагая кредитный и страховой союз ассоциаций: производительная ассоциация, это—распадающаяся в каждом данном пункте на различные отрасли производства производительная ассоциация. При таких условиях целая отрасль производства в данном пункте очень скоро сосредоточится в одной единственной ассоциации, и всякая конкуренция между ассоциациями одного города окажется невозможной, вследствие чего, как видите, для ассоциации устраняется риск, которому подвергается отдельный предприниматель, и она овладевает верным, всегда прогрессирующим успехом, присущим «производству» в целом.

Кроме того, я, как уже замечено, обратил внимание в моем «Ответе» на то обстоятельство, что не только кредитный, но и страховой союз мог бы охватить или все рабочие

ассоциации вообще, или (что, может быть, на первое время было бы практичнее) все ассоциации страны в пределах одной и той же отрасли производства и, таким образом, выровнять до незаметных размеров все случайные потери. Мимоходом обращу ваше внимание и на то, что путем взаимного сообщения и просмотра балансов и деловых книг ассоциаций одной и той же отрасли производства страны легко будет переместить отрасль промышленности, которая по каким-либо специальным причинам не может процветать в данном городе, в более подходящую для нее местность.

Итак, риск, которому подвергается капитал, для рабочих ассоциаций не существует, так как он существует только для каждого из борющихся, конкурирующих производителей в силу этой самой борьбы, но не для производства в целом, представляемого ассоциацией.

Вы видите здесь также с достаточной ясностью, как у вас рушится часть за частью все сооружение, с помощью которого вы и либеральная школа хотите обосновать прибыль на капитал.

«Риск», по-вашему, справедливое и главное основание прибыли на капитал; но если бы даже так было, то теперь вы видите, что это справедливо, самое большее, для современного мира, что есть способ такой организации производства, при которой всякий риск, а с ним и всякое оправдание прибыли на капитал исчезают. Иными словами, риск—явление чисто отрицательное. Это, как я уже объяснял вам,—только месть за злоупотребление, последовательная месть за то, что вместо труда капитал сделался приобретающим. Устраните зло,—вместе с ним сама собой исчезнет и отрицательная месть за него, которую остроумное миросозерцание ваше и либеральных экономистов превращает в положительное правовое основание этого зла!

Все ваши сооружения, говорю я, распадаются, и так плачевно, что теперь это должно быть ясно даже для самых близоруких глаз. Так как то же самое происходит теперь и с «вознаграждением за интеллектуальный труд» ведения дела,—вознаграждением, которое, по-вашему, составляет причину предпринимательской прибыли. Если для господ буржуа действительно требуется только «плата за интеллектуальный

труд», которая, однако, на деле составляет лишь крошечную частицу современной предпринимательской прибыли,—то неужели вы не видите, господин Шульце, что эту плату, и в еще гораздо более щедрых размерах, они получали бы и в больших рабочих ассоциациях и, стало быть, не имели бы никакого основания восставать против этой меры. Заведующие, директора фабрик, управляющие, бухгалтера, кассиры, короче сказать, интеллектуальные руководители всякого рода потребуются и в больших рабочих ассоциациях и, стало быть, господа буржуа могут оказаться там очень полезными и получать свою «плату за умственный труд» так же успешно, как и при своих теперешних предприятиях. Мало того, эта плата за умственный труд была бы там гораздо щедрее того, что ныне выплачивается за умственный труд или что действительно может считаться такой платой в современном предпринимательском доходе. Так как я уже доказал вам в моей «Книге для чтения рабочим», что повышение оплаты неквалифицированного, простого труда должно вызвать соответственное повышение оплаты всякого квалифицированного и умственного труда.

Надо ли мне еще тратить слова по поводу вашего великолепного аргумента насчет жестокого обременения «податной кассы» такой государственной мерой? Податная касса вовсе не будет привлекаться к этой цели! Всякий капитал есть запас для ведения производства, который в производстве возвращается сам собой в выручке за продукты и распадается на две части: 1) переменный капитал; он возвращается в производстве в течение одного года, даже нескольких месяцев; в большинстве случаев он даже выплачивается предпринимателями, пользующимися кредитом у поставщиков сырья, после этого возвращения. Но этот кредит рабочие ассоциации, обеспеченные государственным кредитом, так же легко найдут у поставщиков сырого материала, как богатейшие частные предприниматели, что же касается остальных денег, то потребность в них будет с избытком удовлетворена простым предписанием Королевскому Банку учитывать векселя этих рабочих ассоциаций. 2) Постоянный капитал. Он также погашается в нашем промышленном производстве, в большинстве случаев, в течение немногих лет.

Запасти этот капитал, как я показал в «Книге для чтения рабочим», было бы также нетрудно при посредстве государственного банка, так что «податную кассу» совсем не придется трогать для этого возрождения рода человеческого.

Я вам показал, что производительная ассоциация принесла бы обществу бесконечные выгоды, устранив риск капитала и связанные с ним отчасти действительные потери. Не хотите ли бросить беглый взгляд на некоторые другие источники громадного обогащения всего общества, открывающиеся при этом способе производства?!

Мы видели, что все рабочие ассоциации в стране объединяются в один кредитный союз, и, для начала, по крайней мере, все рабочие ассоциации одной и той же отрасли производства—в один страховой союз.

Вам понятно также само собою, что во всех этих ассоциациях очень скоро появится стремление к объединяющей их всех организации, которое для начала выразится, по крайней мере, взаимным осведомлением о состоянии и условиях производства (при этих словах, господин Шульце, вы и весь ваш мещанский мир, привыкший к торгашеским секретам, имеющим основания при современном ведении дел, в бешенстве и отчаянии рвете на себе волосы!) Эта естественная потребность в солидарности всего производства немедленно обнаружилась в рабочем классе в Париже в 1848 г. В конце 1848 г. парижские рабочие ассоциации назначили для объединения в известных границах всех ассоциаций сто делегатов, составивших «рабочую камеру». Но «государственная власть очень скоро запретила им собираться».

Но потребность в солидарности была слишком жива в рабочем классе, чтобы уступить первому же полицейскому препятствию. В октябре 1849 г. эта потребность снова привела к возникновению «Братского союза ассоциации». Но 20 мая 1850 года эти делегаты, числом 49, собравшиеся в Rue Michel le Comte, в заседании общества, чтобы выслушать отчет о трудах комиссии, были арестованы и после пятимесячного предварительного заключения осуждены судом присяжных под тем предлогом, будто они образовали тайное политическое общество!

Вы видите, господин Шульце, вся ваша мещанская мразь существует только по милости полиции, которую ей доставляет государство!

Горе ей, если оно в один прекрасный день иначе посмотрит на дело!

Итак, вначале это объединение всех ассоциаций страны выразится, по меньшей мере, в взаимном осведомлении насчет состояния и условий производства. А если так, то неужели вы не видите, что в деловых книгах всех этих ассоциаций, при посредстве центральных комиссий, учрежденных для ознакомления с ними, будет дано надежное основание для научной статистики потребности в производстве, и, таким образом, очень скоро явится возможность избегать перепроизводства? А пока это будет еще не вполне достигнуто, перепроизводство превратится в простой запас для будущего, так как ассоциации, благодаря своим громадным средствам, будут избавлены от необходимости сбывать продукт ради конкуренции. Но понимаете ли вы, что это значит? каким источником благополучия и обогащения явилось бы для всего общества избавление от перепроизводства и вызываемых им кризисов?

Бросьте взгляд на другой громадный положительный источник обогащения для всего общества, связанный с этим способом производства.

Разве вы никогда не слыхали об уменьшении издержек, обусловленном крупным производством. Я должен был бы исписать целые фолианты, если б захотел привести все, что указывалось по этому поводу со времен Артура Юнга! Ограничусь поэтому, в виде примера, лишь немногими цитатами, которые случайно имеются у меня под рукой. Румфорд показал, что хлебная печь, которая при первой топке требует 366 фунтов дерева, при непрерывной топке требует, начиная с шестой, уже только 74 фунта каждый раз. А тайный советник Энгель показал, что в одном только королевстве Саксонии, благодаря сосредоточению хлебопечения на фабриках с непрерывным производством, ежегодно сберегался бы только на топливе, по меньшей мере, миллион талеров. Тот жет тайный советник Энгель вычисляет, между прочим, производительность талера основного капитала в саксонских

бумагопрядильнях. Она достигает в бумагопрядильнях, имеющих:

до 1.000	веретен,	ежегодно	17	кгр.,	0,9	пфенн.
от 1.001 до 2.000	„	„	28	„	4,8	„
„ 5.001 „ 6.000	„	„	31	„	4,7	„
более 12.000	„	„	36	„	4,6	„

Имеете ли вы также представление о громадном положительном обогащении (оставляя даже в стороне распределение) всего общества, которое явилось бы результатом этой концентрации производства в больших ассоциациях, благодаря сокращению издержек и повышению дохода производства?

Вы видите, эта концентрация не только преобразовала бы распределение, но и вызвала бы, устранив современное раздробление производства, совершенно негаданный подъем самого производства. (Насчет обогащения, которое дает концентрация производства, устраняя издержки пересылки, перевозки и проч., можно прочесть уже у сэра Вильяма Петти, там, где он говорит о выгодах больших городов для промышленности и торговли. «Several Essays in Political Arithmetic», 4 изд., Лондон 1754. Стр. 29.)

Теперь бросьте взгляд на мировой рынок! Той нации будет принадлежать мировой рынок, которая первая решится произвести это социальное преобразование в грандиозном масштабе. Он будет заслуженной наградой ее энергии и решимости. Нация, которая в этом отношении опередит остальные, займет, благодаря дешевизне концентрированного производства, по отношению к капиталистам других наций, еще гораздо более выгодное положение, чем то, которое так долго занимала Англия по отношению к континентальным нациям, благодаря большей концентрации своих капиталов.

Я указал вам уже три великих причины умножения богатства всего общества, благодаря производительным ассоциациям.

Перейдем к четвертой, пятой и шестой.

С удовольствием можем мы здесь заметить, что и новейший политико-экономический писатель Англии, мистер Генри Фаусетт, с особенной настойчивостью высказался в пользу

рабочих ассоциаций именно в земледельческом производстве, в отношении которого их возможность подвергалась особенным сомнениям.

Здесь уместно сначала указать вкратце причину, в силу которой только посредством производительных ассоциаций на большую ногу земледелие может развить всю свою доходность. Большинство земельных улучшений представляет покупку ренты, затрату капитала, который возмещается в этих улучшениях только в течение длинного ряда лет в форме ренты, но не может быть снова разом извлечен из них, как капитал. Поэтому, при настоятельной необходимости в короткое время вернуть заимодавцу занятый под закладную и превращенный посредством земельного улучшения в ренту капитал, важнейшие и доходнейшие улучшения оказываются просто невозможными для землевладельца, если случайно он не является в то же время крупным капиталистом, что, как известно, бывает лишь в очень редких исключительных случаях.

Только для производительной ассоциации, при ее грандиозных средствах, это окажется доступным.

Входить в рассмотрение другого, вытекающего из крупного производства, повышения производительности, особенно натурального дохода земледелия, здесь не место,—и мы ограничимся лишь этим замечанием.

Но остановимся на минуту на вопросе, почему мистер Фаусетт считает производительную ассоциацию еще более уместной в земледельческом производстве, чем в промышленном.

Вот его собственные слова: «отрасль производства, в которой будет применен принцип кооперации, не должна быть спекулятивной природы».

Рассмотрите внимательно, и вы увидите, что здесь содержится очень верный момент, который обращается в дальнейшее большое преимущество производительной ассоциации.

В самом деле, буржуазии вполне присущ один талант: специфический талант спекуляции. Этот специфический талант спекуляции разрешается по своему содержанию всегда в один вопрос: какою хитростью отобью я всего вернее сбыт или доход у моего коллеги-производителя? Это—талант, вы-

текающий из свободной конкуренции, следствием которого является не рост и умножение общего дохода производства, а распределение его, перемещение из одних рук в другие. Это талант обирания. В этом отношении буржуазный период, надо отдать ему справедливость, недосягаем! Эта жизненная стихия свободной конкуренции становится прирожденным элементом господ буржуа, воспитывающихся в ней с юности. Как индеец в лесу выслеживает дичь по признакам, которые совершенно непостижимы для европейца, так и они обладают особым чутьем, помогающим выслеживать всякую возможность обирания.

Рабочий продуктивен, продуктивный талант буржуазии он разделяет вполне. Но ее спекулятивным талантом он, конечно, не обладает и, надо надеяться, никогда не будет обладать.

Лишняя причина, облегчающая буржуазии возможность раздавить мелкие рабочие ассоциации, как их представляет себе господин Фаусетт.

Но как хитрости и извороты лисы не помогут против удара львиной лапы, как изощренные чувства индейца пасуют перед ружейным огнем европейца, так этот спекулятивный гений обирания не может иметь сколько-нибудь серьезного значения в борьбе с большими армиями ассоциаций отраслей производства и обусловленной ими дешевизной. А благодаря счастливому устранению этого спекулятивного таланта получилась бы и другая огромная выгода как в нравственном, так и в экономическом отношениях, так как, разумеется, этот спекулятивный талант обирания влечет за собою массу бесполезных издержек, анонсы, рекламы, назойливых комми-вояжеров, обманные этикетки, фальсификацию, плату газетным сотрудникам, подкуп и проч., и проч., и проч.,—короче, обманы всякого рода, к которым теперь каждый более или менее вынужден прибегать, потому что ими пользуется его конкурент, и которые, окупаясь в отдельных случаях, значительно удорожают производство в целом.

Другое и значительное обогащение общества, благодаря производительным ассоциациям, заключается в изменении направления производства и также может быть здесь указано лишь в самых коротких словах. Предметы производства со-

образуются, главным образом, с числом имеющихся для них потребителей и им определяются. Потребители без платежных средств,—а таков ныне рабочий класс в отношении всего, что выходит за пределы необходимейших средств существования,—вовсе не потребители.

Так как изменившееся распределение дохода производства превратит рабочих в платежеспособных потребителей, то и предметы потребления будут сообразовываться, главным образом, с потребностями и вкусом рабочих, т.-е. произойдет в существенных чертах следующее превращение: соответственно вкусу этого класса будет производиться полезное и красивое, а не дорогое, как ныне соответственно вкусу буржуазии, требующей дорогого, потому что оно дорого и, следовательно, в нем, хотя бы оно было бесполезно и некрасиво, выступает на показ богатство владельца. Умножение общественного богатства, обусловленное этим изменением в направлении производства, отнюдь нельзя считать незначительным.

Наконец, только тесная связь государства с производством, вызванная производительной ассоциацией, сделает возможным оборудование массы предприятий, которые будут сопровождаться неисчислимыми последствиями для народного благосостояния и богатства и, тем не менее, в настоящее время никем не могут быть оборудованы. Мнение, будто свободная конкуренция способствует развитию общественного богатства как такового, само по себе, независимо от всех наших предыдущих объяснений, есть мнение слишком общее и потому совершенно неверное; оно верно лишь постольку, поскольку вновь открывающийся источник богатства может быть тут же, целиком или отчасти, захвачен для эксплоатации в свою пользу частными предпринимателями. Только при этом условии индивидуум или отдельный капитал, при наличии свободной конкуренции, имеют повод или только возможность содействовать умножению общественного богатства. Но великие предприятия, хотя бы их последствием явилось величайшее обогащение наций, раз они не удовлетворяют этому условию, т.-е. не приспособлены к тому, чтобы пересыпать свой доход, целиком или частью, на более или менее продолжительное время, в карманы индивидуума—не могут быть осуществлены при свободной конкуренции. Чтобы

пояснить это, приведем несколько примеров: уже много лет тому назад наш знаменитый физиолог Бурмейстер доказал, что бесчисленные стада буйволов в Техасе и других штатах центральной и южной Америки, до самых берегов моря, на которых туземцы охотятся ради развлечения и бросают за ненадобностью, без всяких затруднений могли бы быть использованы для питания европейского рабочего населения, кормящегося картофелем. Мясо буйволов можно было бы на месте превращать в сгущенный бульон, который, сохраняя все свои питательные свойства, прессуется в такой ничтожный объем, что расходы на перевозку громадных масс не стоят и упоминания. Или: более ста лет тому назад мореплаватель Кук объявил, что тот, кто посадит одно хлебное дерево, сделает для человечества столько же и даже больше, чем европейский рабочий, который мучился всю жизнь. Питательное вещество плодов хлебного дерева тоже можно прессовать на островах Товарищества в массу, занимающую ничтожный объем. Во время Крымской войны возможность подобной прессовки, которая практиковалась в то время для армий, была вполне доказана. Наш бедствующий и голодающий народ, силезские ткачи, саксонские рудокопы, рейнские фабричные пролетарии, часто едва вырабатывающие на разрушительное для организма картофельное питание, имели бы хлеб и мясо почти за бесценок!

Но открывается ли в настоящее время хотя бы только возможность для таких предприятий? Какой капиталист согласится на огромные затраты, требуемые такими предприятиями, раз, даже в случае блестящего успеха, на них не сделаешь никакого «гешефта», так как тогда и другие капиталисты или общества капиталистов устремятся в эту отрасль производства и, благодаря свободной конкуренции, отнимут у первого предпринимателя, преодолевшего все хлопоты, опасности и затруднения первого опыта, прибыль предприятия, так что окажется, что он работал только в пользу преемников? Для такой роли капиталы не годятся, вследствие чего то, что не может попасть, по крайней мере на время, в исключительное владение индивидуума, по необходимости остается не предпринятым, особенно, если оно связано с более или менее значительными издержками.

б) Путь к производительной ассоциации[1])

Сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем—вот единственное, как вы сейчас сами увидите, средство устранить железный и жестокий закон, определяющий заработную плату.

Если бы рабочее сословие сделалось своим собственным предпринимателем, тогда уничтожилось бы различие между заработной платой и барышем предпринимателя, и вознаграждением труда стал бы продукт труда.

Самое мирное, законнейшее, простейшее уничтожение предпринимательского барыша превращением рабочего сословия посредством добровольных ассоциаций в положение своего собственного предпринимателя, устранение этим единственным способом того закона, который при нынешнем производстве дает работникам лишь необходимое для жизни как наемную плату, а все остальное предоставляет предпринимателю—вот единственно истинное, единственно реальное, единственно соответствующее справедливым притязаниям рабочего сословия средство улучшить его положение.

Но как? Взгляните на железные дороги, на машинные заводы, на корабельные верфи, на хлопчато-бумажные фабрики и пр. и пр., подумайте о миллионах, которых все это требует, вспомните о пустоте своих карманов и спросите себя, где возьмете вы когда-либо гигантские капиталы, нужные на эти предприятия, и, следовательно, возможно ли вам будет когда-либо приняться за крупную промышленность на свой счет?

Разумеется, нет ничего несомненнее, достовернее, как то, что вам это всегда будет невозможно, пока вы исключительно предоставлены своим изолированным индивидуальным усилиям.

Но вот потому-то и обязано государство доставить вам эту возможность, взять в свои руки для поощрения и развития великое дело свободных добровольных ассоциаций рабочего сословия и положить себе в священнейшую обя-

[1]) Из „Гласного ответа“.

занность дать вам средства и способы для вашей самоорганизации и самоассоциации.

Не давайте сбивать себя с толку криками, будто такое вмешательство государства уничтожает общественную самопомощь.

Неправда, будто, давая человеку лестницу или веревку, я этим мешаю ему собственными силами взобраться на башню. Неправда, будто, содержа для молодежи учителей, школы и библиотеки, государство мешает ей этим образовывать себя собственными силами. Неправда, будто я мешаю человеку собственными силами обрабатывать поле, если даю ему плуг. Неправда, будто, давая человеку оружие, я этим мешаю ему собственными силами разбить неприятельское войско.

Правда, бывало, что люди влезали на башни без лестниц и веревок; правда, случается, что человек образовывает себя без помощи учителей, школ и публичных библиотек; правда, в революционные войны вандейские крестьяне иногда без оружия поражали неприятеля,—но эти исключения не опровергают, а подтверждают правило. И то правда, что в Англии при известных исключительных обстоятельствах несколько рабочих кружков несколько улучшили свое положение в некоторых мелких отраслях крупной промышленности посредством ассоциации, созданной их собственными усилиями, тем не менее, остается неопровержимым закон, что только помощь государства может произвести действительное улучшение в положении рабочих,—улучшение, которого работники могут совершенно законно требовать для всего своего сословия.

Не давайте также сбивать себя с толку криками людей, толкующих по этому поводу о социализме и коммунизме и заглушающих подобными толками ваши справедливые требования. Будьте твердо уверены ,что эти люди или хотят вас надуть, или сами не знают, что говорят. Требование это как нельзя дальше от всякого социализма и коммунизма, потому что оставляет рабочим классам всю их нынешнюю индивидуальную свободу, индивидуальный образ жизни и индивидуальное вознаграждение за труд; единственное отношение, в которое оно ставит их к государству, состоит в том,

чтобы государство помогло их ассоциации нужным капиталом, т.-е. нужным кредитом. Но в том-то и состоит задача и назначение государства, чтобы облегчать великие культурные успехи человечества и помогать им. В этом его призвание. Для этого оно и существует; этому оно всегда служило и должно служить. Я мог бы привести сотни примеров подобного вмешательства государства: в устройство каналов, шоссе, почт, транспортных сообщений, телеграфов, земледельческих банков, в сельскохозяйственные улучшения, в учреждение новых отраслей промышленности и пр.

Но я укажу только один пример, зато стоящий один целых сотен и притом особенно близкий: когда у нас строились железные дороги, то во всех немецких странах и почти во всех иностранных, за исключением самых коротких и отрывочных линий, всюду потребовалось вмешательство государства, по меньшей мере в форме гарантии процентов учредителям акционерных обществ, а во многих странах еще в больших размерах.

Гарантия процентов представляла еще следующий львиный договор предпринимателей—богатых акционеров—с государством: если новые предприятия окажутся невыгодными, то убытки должны пасть на государство, следовательно, на всех платящих налоги, следовательно, специально на вас, господа, на великий класс неимущих! Если же новые предприятия, напротив того, окажутся выгодными, то барыши—крупные дивиденды—достанутся им, богатым акционерам. Этому вовсе не помешало то, что в некоторых странах, как например в Пруссии, государству были выговорены в то время еще недостоверные выгоды в далеком, очень далеком будущем; такие выгоды могла бы доставить ему и ассоциация рабочего сословия, притом гораздо большие и ближайшие.

Без этого государственного вмешательства, слабейшей формой которого, как я сказал, была гарантия процентов, у нас, на всем континенте, быть может, и теперь не было бы еще железных дорог.

Как бы то ни было, вот факты: государство было принуждено вмешаться; гарантия процента была с его стороны очень важным вмешательством; притом, его вмешательство касалось имущего, богатого класса, который и без того рас-

полагает всем капиталом и всем кредитом и потому мог бы легче обойтись без государственного вмешательства, чем вы; наконец, вся буржуазия требовала этого вмешательства.

Отчего же не кричали тогда против гарантии процента, не называли ее «нестерпимым вмешательством государства»? Отчего не говорили тогда, что она угрожает «общественной самопомощи» богатых предпринимателей этих акционерных дел? Отчего не старались прокричать ее «социализмом и коммунизмом»?

Да в том-то и дело, что тогдашнее вмешательство государства происходило в интересах богатых классов общества, а с этим условием оно всегда допускалось и допускается. Но как скоро речь заходит о вмешательстве в пользу нуждающихся классов, в пользу бесконечного большинства — оно оказывается социализмом и коммунизмом!

Ответьте все это тем, кто болтает вам про неудобства государственного вмешательства, про нарушение этим вмешательством общественной самопомощи и про заключающийся в нем социализм и коммунизм, тогда как требование его ни к чему подобному не может подать повода. И прибавьте им, что если мы уже так долго живем в социализме и коммунизме, как доказывает гарантия процентов при постройке железных дорог и другие мимоходом упомянутые примеры, то желаем и остаться при них.

Заметим еще, что, как ни был велик прогресс, вызванный железными дорогами, он ничто в сравнении с тем великим прогрессом, который совершится ассоциацией рабочего класса. Ибо какая польза от всех богатств и плодов цивилизации, если ими всегда пользуются лишь немногие, а все неизмеримое большинство вечно пребывает в положении Тантала, тщетно хватающего плоды? Нет! хуже Тантала, потому что Тантал, по крайней мере, не сам создал плоды, по которым был осужден томиться.

Следовательно, если вмешательство государства было когда-либо допускаемо, то тем более следует оправдать его здесь, где дело идет о таком громадном прогрессе, больше всех, известных в истории.

Государство может доставить вам эту возможность легче всего посредством своих больших кредитных и оборотных

учреждений (банков), не принимая притом большей ответственности, чем брало на себя при гарантии процента железным дорогам; подробно объяснять это дело я здесь, впрочем, не могу[1]).

[1]) Я не могу подробно изложить здесь, как легко создать капитал или, вернее, кредит, нужный для ассоциации, которая постепенно, с течением времени, охватила бы собою все рабочее сословие. Этому изложению пришлось бы предпослать финансово-теоретическое объяснение социальных функций денег и кредита. Притом в настоящее время такое рассуждение о средствах осуществления было бы совершенно напрасно и излишне. Практическую цену оно может получить только тогда, когда можно будет подумать об осуществлении этого требования, а когда именно — я скажу ниже. Теперь же прибавлю следующее. Ассоциации обняли бы все рабочее сословие, конечно, лишь постепенно, с течением времени. Их следует начать с тех отраслей промышленности, которые по природе своей требуют сравнительно большого числа работников и потому больше всего годятся для ассоциаций. Кроме того, их следует начинать в тех округах и местностях, которые способнее других к ассоциациям по роду своей промышленной деятельности, по густоте населения и по добровольному расположению к ассоциациям — три условия, обыкновенно совпадающие. Как скоро образовалось бы несколько таких ассоциаций, они стали бы все легче распространяться в других отраслях и местностях, потому что все ассоциации, образующиеся с помощью государства, разумеется, должны были бы вступать между собой в кредитный союз и, без сомнения, вступали бы. Кроме кредитного союза, их мог бы соединять страховой союз для распределения между ними до незаметно ничтожной величины убытков, которые каждая из них может претерпевать. Государство, впрочем, не должно играть над ними роли директора, а лишь утверждать и одобрять уставы их и иметь за ведением их дел контроль, достаточный для обеспечения своих интересов. Каждую неделю работникам выдавалась бы заработная плата, в размерах, определяемых обычаями местности и промышленности, а в конце года им раздавались бы барыши ассоциации в виде дивиденда. Практическую удобовыполнимость и чрезвычайную прибыльность таких ассоциаций может отрицать только невежество, которому неизвестно, что в Англии и во Франции уже существуют многочисленные рабочие ассоциации, достигшие высокого процветания, хотя возникли при самых затруднительных обстоятельствах, без всякой помощи и поддержки, предоставленные единственно частным усилиям составляющих их работников. Так называемых рочдельских пионеров я не считаю. Кроме них, еще в 1861 году в одном Ланкашире была 31 такая ассоциация для фабричного производства, большей частью основанные очень недавно, но уже дававшие в дивиденд 30—40% с капитала. Во Франции ассоциация des ouvriérs maçons в Париже еще в 1856—1857 году дала 56% барыша на свой капитал, в 1858 г. прибыль простиралась до 130.000 франков, из коих 30.000 было отложено в запас, а 100.000 розданы в дивиденд, в том числе 60% труду и 40% капиталу (общество имеет des associés non travailleurs, которые должны вносить по меньшей

Наконец, господа, ведь что такое государство?

Загляните в статистику, в статистику официальную, обнародываемую правительственными властями, потому что с собственными моими вычислениями и описаниями я и не приступаю к вам.

Королевско-прусское статистическое бюро, управляемое тогда прусским королевским тайным советником, профессором Дитерици, обнародовало в 1851 г. перепись с разделением населения по величине дохода, на основании правительственных податных списков.

Я сообщаю вам результаты этой переписи с буквальной и цифровой точностью. По ней из общего числа населения Прусского государства имеют:

дохода	свыше	1.000 талеров	$^1/_2$%	населения
„	от 400 до	1.000 талеров	$3^1/_4$%	„
„	„ 200 „	400 „	$7^1/_4$%	„
„	„ 100 „	200 „	$16^3/_4$%	„
„	менее	100 „	$72^1/_4$%	„

И заметим, что этот доход принадлежит лицам, обязанным платить налоги, а по расчету Дитерици каждое такое лицо представляет средним числом семейство из пяти лиц; стало быть, этот доход принадлежит, средним числом, семействам из пяти лиц, по меньшей мере, из трех лиц. И в прочих немецких государствах должно быть такое же отношение.

Убедительнее толстых томов говорят эти немые официальные цифры, не имеющие, как статистические средние числа,

мере по 10.000 франков); также процветают les ouvriérs lampistes, les ouvriérs en meubles и пр. См. историю рабочих ассоциаций в сочинениях профессора Губера, Cochut, A. Lemercier „Etudes sur les associations ouvrières“ и др. Уставы и правила этих обществ представляют драгоценные материалы для внутренней организации ассоциации. Все эти общества были действительно „пионерами“, пионерами будущности. Они твердой рукой пробили путь и поразительными практическими результатами, достигнутыми наперекор предстоявших им затруднениям показали, каковы могли бы быть эти результаты, если бы еще государство помогло им победить эти затруднения. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что вся наша история, все развитие толкают нас на этот путь. Даже распространение акционерных предприятий имеет своим историческим и истинно-цивилизующим назначением открыть этот путь. (От автора.)

никакого притязания на математическую точность, потому что ввиду налога каждый готов скрывать свой доход. Впрочем, это обстоятельство не может составить важной разницы, на которую стоило бы тут обращать внимание. У $72^{3}/_{4}\%$ населения дохода меньше 001 талеров! Стало быть, $72^{3}/_{4}\%$ населения находится в величайшей бедности. Еще у $16^{3}/_{4}\%$ населения 100—200 талеров; следовательно, положение их немногим лучше и все еще крайне бедственно. Еще $7^{1}/_{4}\%$ населения имеют лишь 200—400 талеров дохода, т.-е. тоже находится в очень стесненных обстоятельствах; $13^{1}/_{4}\%$ населения имеют 400—1.000 талеров дохода, следовательно, находятся частью в едва сносном положении, частью пользуются достатком, и затем остается $^{1}/_{2}\%$ населения, распределяющиеся по всевозможным степеням богатства. Два последние класса, находящиеся в самом бедственном положении, составляют вместе 89% населения, а если к ним причислить еще $7^{1}/_{4}\%$ третьего класса, все еще неимущего и стесненного, то окажется, что $96^{1}/_{4}\%$ населения обретается в стеснении, в нужде. Стало быть, государство принадлежит вам, господа, нуждающимся классам, а не нам, высшим сословиям, потому что из вас оно и состоит. Что такое государство,—спросил я, и теперь вы видите из нескольких цифр яснее, чем из толстых томов, что *государство—это вы, великая ассоциация беднейших классов*!

Почему же вашей великой ассоциации не оказывать поощрения и плодотворного влияния на ваши меньшие ассоциационные кружки?..

Итак, освободить рабочее сословие изолированными индивидуальными усилиями его членов,—*есть просто математическая невозможность*; очевидно, что предаваться подобным мечтам могут только самые неясные головы, лишенные всякой критики, и что единственный путь к этому освобождению, единственное средство уничтожить жестокий закон, определяющий заработную плату, закон, к которому рабочее сословие приковано, как к лобному месту, состоит в поощрении и развитии свободных, добровольных рабочих ассоциаций государством. Ассоциационное движение, основанное исключительно на изолированных силах отдельных рабочих личностей, имело только одну заслугу, но

заслугу громадную: оно осязательно указало практический путь к освобождению, представило блестящие, практические доказательства в опровержение всех искренних и напускных сомнений в его практической выполнимости и, таким образом, поставило государству в непременный долг протянуть руку помощи этому величайшему фактору культуры человечества.

Кроме того, я доказывал вам, что государство есть не что иное, как великая организация, великая ассоциация рабочих классов. Следовательно, помощь и поощрение, которыми государство дало бы меньшим ассоциациям возможность существовать, были бы не чем иным, как совершенно законной и естественной общественной самопомощью рабочих классов, самим себе и своим членам, как отдельным личностям.

Повторим: свободная добровольная ассоциация работников, но осуществленная помощью и покровительством государства, есть единственный выход из бедственного положения рабочего сословия.

Но как склонить государство к этому вмешательству?

И на этот вопрос тотчас представляется ясный, как солнце, ответ—это возможно только при всеобщем и прямом избирательном праве. Только тогда склоните вы государство выполнить свой долг, когда все законодательные собрания Германии будут основаны на всеобщем и прямом избирательном праве.

Тогда в законодательных собраниях будет поднято это требование; тогда можно будет рассуждать на основаниях разума и науки о пределах, формах и средствах этого вмешательства; тогда—будьте уверены—люди, понимающие ваше положение и преданные вашему делу, поднимут за вас светлый меч науки и сумеют отстоять ваши интересы. И тогда, если защитники вашего дела долго останутся в меньшинстве, вам, неимущим классам общества, придется пенять уже только на себя и на свой дурной выбор.

Всеобщее и прямое избирательное право есть, стало быть,

как теперь обнаружилось, не только политический принцип ваш, но и ваш основной социальный принцип, коренное условие всякого социального улучшения. Это— единственное средство улучшить материальное положение рабочего сословия.

Но как добиться этого всеобщего и прямого избирательного права?

Вот тут взгляните на Англию.

Более пяти лет продолжалось великое движение английского народа против хлебных законов. Кончилось тем, что им пришлось пасть, что само торийское министерство было принуждено отменить их.

Организуйтесь в общий германский рабочий союз, с целью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитации за введение во всех германских землях всеобщего и прямого избирательного права. Как скоро в этом союзе будет хотя 100.000 немецких работников, он станет силой, которую каждому придется уважать. Призовите к нему всех; пусть дойдет ваш призыв в каждую мастерскую, в каждую деревню, в каждую хижину! Пусть городские работники сообщат сельским свое высшее понимание и образование. Говорите, рассуждайте всюду, ежедневно, неустанно, беспрерывно, в мирных общественных собраниях и в частных сходках, везде настаивайте на необходимости всеобщего и прямого избирательного права, подобно великой английской агитации против хлебных законов. Чем больше миллионов голосов повторят ваше требование, тем громче раздастся оно в ушах тех, к кому обращено.

Заводите кассы, куда каждый член германского рабочего союза должен будет делать взнос; составляйте проекты их организации.

Эти кассы, при самом ничтожном взносе, доставят громадную финансовую силу для агитационных целей, так что если каждый член союза будет вносить по зильбергрошу в неделю, то, при 100.000 членов, союз будет иметь возможность тратить 160.000 талеров в год. При кассах заводите газеты, которые ежедневно повторяли бы то же требование и доказывали бы основательность его разбором общественного положения. Теми же средствами и с той же целью распростра-

няйте брошюры. Содержите на средства союза агитаторов, которые разносили бы эти убеждения во все закоулки страны, проникали бы одним и тем же стремлением сердце каждого работника, каждого наемника и батрака. Вознаграждайте из средств союза всех работников, потерпевших убытки и гонения за свою деятельность в нем.

Ежедневно, неутомимо повторяйте одно и то же, всегда, постоянно все одно и то же! Чем больше повторять это, тем больше оно распространится, и тем могучее вырастет его сила.

Вся тайна практических успехов состоит в искусстве всегда сосредоточивать все свои силы на одном пункте, на *важнейшем пункте*, не отвлекаясь по сторонам. Не заглядывайтесь ни вправо, ни влево; будьте глухи ко всему, что не есть всеобщее и прямое избирательное право, или что не связано с ним и не может вести к нему.

Когда этот призыв распространится по всем 89—96 процентам населения, которые, как я показал вам, составляют бедные и неимущие классы общества,—а распространится он в несколько лет,—тогда—будьте покойны—недолго устоят против вашего требования! Правительства могут скряжничать в политических правах и препираться о них с буржуазией. Даже вам можно отказывать в политических правах, в том числе и в всеобщем избирательном праве, при невнимании вашем к этим правам. Но если 89—96 процентов населения поймут, что всеобщее избирательное право есть *вопрос желудка* и потому примутся за него со *страстностью голода*—будьте уверены, господа, что нет той силы, которая долго устояла бы против них!

Вот знамя, которое вам следует поднять. *Вот знамя, под которым вы победите, и другого для вас нет!*

БИБЛИОГРАФИЯ К ПЕРВОМУ ОТДЕЛУ

СОЧИНЕНИЯ ЛАССАЛЯ

(в хронологическом порядке).

1. Meine Assistenrede, gehalten vor den Geschworenen zu Düsseldorf am 3. V. 1849 gegen die Anklage die Bürger zur Bewaffnung gegen die königliche Gewalt aufgereizt zu haben, 1849.
2. Die Philosophie Heraclitos des Dunkeln von Ephesos, 1857 (есть русский перевод).
3. Franz von Sickingen, 1859.
4. Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens, 1859.
5. Fichtes politisches Vermächtnis und die neuste Gegenwart, 1860.
6. Gotthold Ephraim Lessing, 1861.
7. System der erworbenen Rechte, 2 Bänden, 1861.
8. Die Philosophie Fichtes und die Bedeutung des deutschen Volksgeistes, 1862.
9. Herr Julian Schmidt, der Literarhistoriker, mit Setzerschoben herausgegeben, 1862.
10. Über Verfassungswesen, 1862 (есть русский перевод).
11. Arbeiterprogramm. Über den besonderen Zusammenhang der gegenwärtigen Geschichtsperiode mit der Idee des Arbeiterstandes, 1862 (есть несколько русских переводов).
12. Was nun? Zweiter Vortrag über Verfassungswesen, 1863.
13. Macht und Recht, 1863.
14. Die Wissenschaft und die Arbeiter, 1863 (есть русский перевод).
15. Die undirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen, 1863.
16. Offenes Antwortschreiben an das Zentralkomitee zur Berufung eines allgem. Deutschen Arbeiterkongresses zu Leipzig, 1863 (есть несколько русских переводов).
17. Zur Arbeiterfrage, 1863 (есть русский перевод).
18. Arbeiterlesebuch, 1863.
19. Die Feste, die Presse und der Frankfurter Abgeordnentag, drei Symptome des öffentlichen Geistes, 1863.
20. An die Arbeiter Berlins, 1863.
21. Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian, 1864 (есть русский перевод).
22. Der Hochverratsprozess wider F. Lassale von dem Staatsgerichtshofe zu Berlin am 12/III 1864.

23. Die Agitation des Allg. Deutsch. Arbeitervereins und die Versprechen des Königs von Preussen, 1864.
24. Der Prozess wider F. Lassalle von der Korrektionellen Appelkammer zu Düsseldorf am 27/VI 1863, 1864.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

1. F. Lassalle—Sämtliche Reden und Schriften, herausgeg. von Georg Hotschick, New-Jork, 3 Bänden, 1882.
2. F. Lassalle—Ausgewählte Reden und Schriften, 3 Bände, Leipzig, 1891—1892.
3. F. Lassalle—Reden und Schriften, herausgeg. von E. Bernstein, Berlin, 1892.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА

1. Briefe Lassalles an Hans von Bülov (1862—1864).
2. Briefe von Lassalle an R. Podbertus-Jagezow, 1878.
3. Tagebuch, herausgeg. 1891 (есть несколько русских переводов).
4. Briefe an Georg Herwegh, 1896.
5. Intime Briefe F. Lassalles an Eltern und Geschwister, 1905.
6. Briefe von Lassalle an K. Marx und F. Engels (1849—1862), 1902.
7. Nachgelassene Briefe und Schriften, herausgeg. von G. Mayer, B. I—1921, II—1923, III—1922, VI—1924.

СОЧИНЕНИЯ ЛАССАЛЯ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Собрание сочинений:

1. Лассаль—Сочинения. С приложением очерка Э. Бернштейна — Фердинанд Лассаль, его жизнь и значение для рабочего класса, 3 тома, 1906.
2. Лассаль—Сочинения, 2 тома, перевод Зайцева, 1870.

Отдельные работы:

3. О сущности конституции (есть несколько переводов).
4. Что же теперь?—Вторая речь о сущности конституции (есть несколько переводов).
5. Программа работников. Принципы труда в современном обществе (есть несколько переводов).
6. Гласный ответ Центральному Комитету, учрежденному для созыва обще-германского конгресса в Лейпциге (есть несколько переводов).
7. Дневник, 1901 и 1907.
8. Наука и рабочий класс, 1905.
9. К рабочему вопросу, 1905.
10. Философия Фихте, „Начало“, 1906.
11. Труд и капитал (против Шульце-Делича), „Всеобщая Библиотека“ 1906.
12. Письма Лассаля к Марксу и Энгельсу, 1908.

ЛИТЕРАТУРА О ЛАССАЛЕ

(в алфавитном порядке).

На иностранном языке:

1. Andler, Ch. — Les Origines du Socialisme d'Etat en Allemagne, 1897.
2. Becker, B.—Enthülungen über das tragische Lebensende F. Lassalles, 1888.
3. Becker, B.—Geschichte der Arbeiteragitation F. Lassalles, 1874—75.
4. Bernstein, Ed.—F. Lassalle. Eine Würdigung der Lehrers und Kämpfer, 1919.
5. Brandt—Lassales sozialistische Anschauungen und praktische Vorschläge, 1895.
6. Büchner—Meine Begegnungen mit Lassalle, 1894.
7. Büchner—Herr Lassalle und die Arbeiter, 1863.
8. Busch—Unser Reichskanzler, 1884.
9. Dielh, K.—Art. „Lassalle" в „Handwörterbuch" der „Staatswissenschaften".
10. Grünberg—Art. „Lassalle" в „Wörterbuch der Volkswirtschaft".
11. Haenisch, K.—Lassalle Mensch und Politiker, 1923.
12. Harms—Lassalle und die Anfänge der Sozialdemokratie in Deutschland, 1909.
13. Herkner—Die Arbeiterfrage, II B.
14. Huber—Die Arbeiter und ihre Rathgeber, 1863.
15. Junger—Der moderne Sozialismus, 1873.
16. Laveleye—Le Socialisme cont mporain.
17. Mayer, G.—Lassalle als Sozialökonom, 1894.
18. Mayer, K.—Der Emanzipationskampf des 4 Standes.
19. Oberwinder—Sozialismus und Sozialdemokratie, 1878.
20. Oncken—F. Lassalle, 1 изд. 1904.
21. Poschinger—Lassalles Leiden, 1888.
22. Racowitza Helene v.—Meine Beziehungen zu F. Lassalle, 1889.
23. Wahlteich—F. Lassalle und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung, 1904.

На русском языке и переведенная на русский язык:

1. Бебель—Из истории моей жизни, т. I, 1911.
2. Бем-Баверк—Капитал и прибыль.
3. Бернацкий—Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения кн. Бисмарка.
4. Бернштейн—Очерки по теории и истории социализма, 1902.
5. Бернштейн—Лассаль, его жизнь и значение для рабочего класса, 1906.

5a. Бернштейн, Ал.—Основные взгляды Ф. Лассаля. „Под знаменем марксизма", № 10—11, 1924.

6. Бирман—Коммунизм и анархизм.
7. Брандес—Ф. Лассаль, литературная характеристика.
8. Григоровичи—Теория стоимости у Маркса и Лассаля, 1923.
9. Гуго и Штейман—Справочная книга социалиста.
10. Гумплович—Ф. Лассаль, 1906.
11. Жид—Основы политической экономии, 1896.
12. Иванюков—Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений.
13. Кареев—Новая история, т. V.
14. Классен—Жизнь Ф. Лассаля в связи с его научной и общественной деятельностью, 1896.
15. Кулишер—Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Зап. Европе, 2 тома, 1906—1908.
16—22. Курсы истории политической экономии и социализма (Булгакова, Диля, Горева (1924), Косса, Лященко (1924), Святловского и Чупрова).
23. Левицкий—Ф. Лассаль, к пятидесятилетию со дня смерти, 1914.
24. Маркс—Письма (в частности письмо к фон-Швейцеру).
25. Майский—Памяти великого агитатора, „Русское Богатство" за 1914 г., кн. VIII.
26. Майский—Лассаль. 1923 г.
27. Менгер—Право на полный продукт труда.
28. Меринг—История германской социал-демократии.
29. Меринг—История жизни К. Маркса.
30. Мильо—Германская социал-демократия, 1906.
31. Новгородский—Кризис современного правосознания, 1909.
32. Онкен—Лассаль, как политический деятель, 1905.
33. Орано—Апостол будущего, 1906.
34. Осадчий—Общественный быт и проекты его улучшения в XIX столетии, 1902.
35. Плеханов—Фердинанд Лассаль (вошло в V том его полного собрания сочинений в новом издании).
36. Плеханов—Письмо Маркса к Ф. Швейцеру о лассальянстве и о профессиональных союзах рабочих, „Звезда" № 5 за 1911 г.
37. Прокопович—Рабочее движение в Германии.
38. Русанов—Социалисты Запада и России.
39. Слонимский—Экономическое учение К. Маркса, 1878.
40. Фроме—Монархия или республика.
41. Цигнер—Индивидуализм и социализм в умственной жизни XIX века, 1905.
42. Чичерин—История политических учений, т. V.
43. Ященко—Социализм и интернационализм, 1907.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

К. РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ

Глава первая

МЕТОД И СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

а) Происхождение государственного хозяйства из разделения труда [1]).

Под изолированным хозяйством следует разуметь такое хозяйство, которое ведет отдельный человек только для себя самого, вне всяких хозяйственных сношений с другими, производя исключительно для себя самого средства удовлетворения своих потребностей. Подобное хозяйство совершенно исключает разделение труда, а поэтому также и обмен, который есть лишь форма распределения продукта, а последнее, в свою очередь, предполагает уже разделение труда. В основании же обмена лежит такое отношение, при котором индивидуумы производят уже не исключительно для самих себя, а друг для друга, и которое, следовательно, совершенно противоречит понятию изолированного хозяйства. Другими словами, изолированное хозяйство есть хозяйственное состояние полного индивидуализма.

Правда, и при этом состоянии должны быть некоторые хозяйственные понятия: потребность, средство ее удовлетворения, труд, производство, продукт, капитал, в известном смысле доход, потребление, оценка продукта сообразно издержкам (труда) и оценка его сообразно удовлетворению. Должны осуществляться также и некоторые виды хозяйственной деятельности, относящиеся к производству и построенные на принципе: с возможно мень-

---

1) Из „Das Kapital, 4 soz. Brief“.

шими издержками (труда) производить возможно больше продуктов;—и относящиеся к потреблению, построенные на принципе: возможно меньшим количеством продуктов удовлетворить возможно больше потребностей. Таким образом, и в состоянии изолированного хозяйства должны вестись производственное и потребительское хозяйства, которые оба подпадают под общее понятие хозяйства вообще, т.-е. домашнего хозяйства с трудовыми продуктами. Но сверх этого, не может быть ни иных хозяйственных понятий, ни иных видов хозяйственной деятельности.

В этом состоянии не могут возникнуть ни хозяйственные понятия национальной потребности, национального производства, национального продукта, национального капитала, национального дохода, ни понятия распределения и обращения благ, стоимости (меновой стоимости) и денег. Все эти понятия, вследствие индивидуалистической разобщенности и изолированности отдельных хозяйств, столь же невозможны, как и излишни и, поэтому, по самому существу своему, лежат далеко за пределами индивидуального производственного или потребительного хозяйств.

Равным образом, для удовлетворения конечной хозяйственной цели, кроме указанных видов производственной и потребительной деятельности, других видов хозяйственной деятельности почти совсем еще не нужно. Нет, например, нужды в какой-либо особой деятельности для того, чтобы сперва привести в известность размер потребностей и затем сообразовать с этим размером производство; ни в особой деятельности для того, чтобы поднять производство на высоту наличных производительных средств; ни в особой деятельности для того, чтобы обеспечить распределение продуктов между производителями или хотя бы только то, чтобы каждому отдельному производителю действительно доставался его продукт. А между тем все это является также условиями совершенного достижения конечной хозяйственной цели. Ибо какую пользу принесло бы изолированному хозяину

производство вдвое большего количества продуктов с вдвое меньшей затратой труда, раз произведенный продукт не удовлетворял бы его потребности? Как было бы ограничено благосостояние производителя без всякой пользы для дела, если бы количество продуктов не соответствовало его производительным средствам и наличному труду! Как бесполезна была бы его производительная деятельность, если бы ему вовсе не доставался продукт его труда, если бы какое-либо препятствие лишало его пользования этим продуктом! Однако индивидуалистический характер изолированного хозяйства приводит к тому, что все эти условия выполняются сами собой, или благодаря простому волевому акту, или непосредственно, благодаря существующим отношениям. Изолированный хозяин, производящий исключительно для себя самого, обладает непосредственным знанием своих потребностей; он непосредственно и единолично владеет и распоряжается своими наличными производительными средствами; он, наконец, имеет в своем постоянном и нераздельном обладании все продукты своего труда. Поэтому его производство само собой придет в соответствие с его потребностями и его производительными средствами, его доход всегда будет равен его продукту. Особые виды хозяйственной деятельности, направленные к достижению этих целей, являются столь же излишними, как и невозможными.

Следовательно, и в изолированном хозяйстве хозяйственная деятельность вообще распадается на две области—производственное и потребительное хозяйства. Если деятельность изолированного хозяина будет отвечать своей цели в обеих этих областях, то и ведение всего хозяйства окажется также в полном соответствии с его конечной целью, производитель вообще достигнет в возможно полной мере хозяйственного удовлетворения. Область производственного хозяйства примыкает здесь еще непосредственно к потребительному хозяйству. Как только продукты готовы в первом хозяйстве, они уже сами собой переходят во второе. Их не разделяет никакое переходное состояние, через которое должны были бы проходить продукты, и которые, поэтому, должно было бы составлять третий вид хозяйства.

С разделением труда это совершенно изменяется.

С разделением труда между индивидуумами создается общение, придающее всем понятиям изолированного хозяйства *новый характер*, благодаря чему понятия эти исключаются из области и сущности отдельного производственного и потребительного хозяйства. К понятиям, свойственным изолированному хозяйству, общение присоединяет еще другие хозяйственные понятия, для которых в изолированном хозяйстве даже нет аналогичных. Наконец, для своего регулирования хозяйство, основанное на разделении труда, необходимо нуждается еще *в ряде новых хозяйственных деятельностей*, соединяющихся с новыми хозяйственными понятиями в некоторое новое и отличное целое, в третью хозяйственную систему, *в общественное хозяйство.* Эта третья хозяйственная система, обусловленная исключительно хозяйственным общением, основание которому полагается разделением труда между индивидуумами, эта система, которая, следовательно, никоим образом не может отречься от своего *коммунистического характера*, есть *национальная экономия или государственное хозяйство.*

Я приведу теперь доказательство этих положений. Если это мне удастся, то это должно будет существенно видоизменить обычное до сих пор понимание нашей науки.

Однако я должен заранее заметить, что понятие разделения труда здесь следует принимать в ином смысле, чем это делает Адам Смит в начале своей известной работы.

Политико-экономы, с своим великим учителем во главе, в «разделении труда» не только всегда выдвигали на первый план индивидуалистическую сторону этого отношения, не только всегда понимали это разделение местно и технологически, но и превозносили, главным образом, только его производственные результаты. Во-пёрвых, они определяли разделение труда только как такое отно-

шение между людьми, когда каждый индивидуум всегда совершает лишь один вид производственной деятельности или даже один акт этой деятельности. Во-вторых, они имели в виду только разделение труда на одной фабрике. В-третьих, наконец, они подчеркивали только громадное увеличение производства, как существенное следствие разделения труда. В приводимом ими примере булавочного производства это понимание обнаруживается с достаточной ясностью. Разделение труда в их понимании выполнено, если отдельные индивидуумы вместе произвели увеличенное количество булавок.

Однако сущность разделения труда лежит не в индивидуализме последнего, а в его коммунизме. Разделение труда должно было бы означать именно *общение* труда.

Это общение труда осуществляется также не в местных и технических пределах фабрики, но на пространстве всего земного шара, насколько только люди вступают между собой в хозяйственные сношения, т.-е. участвуют в разделении труда. Лишь «*мировое* разделение труда», на которое впервые обратил внимание Джойа (Gioja), соответствует его действительному понятию.

Наконец, в государственном хозяйстве моментом, образующим, если можно так выразиться, другую существенную половину понятия разделения труда, является не увеличение производства, не увеличение национального богатства, а распределение созданного общим трудом продукта. Разделение труда с равным правом можно было бы назвать разделением *сработанного*, ибо последнее понятие является лишь необходимым дополнением первого.

Следовательно, в таком понимании, разделение труда есть нечто высшее, сравнительно с тем его пониманием, которое проявляется в примере производства булавок. В этом смысле—оно является скорее материальной связью, которая образует из аггрегата индивидуумов общество, подобно тому, как этически это делают мораль и «право», духовно—язык и «народное сознание». Оно есть одно из основных отношений социальной жизни и именно то основное хозяйственное отношение, в котором

обнаруживается общение между людьми, в котором проявляется принцип—один работает для всех и все для одного. Это правило высшей солидарности и есть его последний принцип.

Как же обнаруживается это общение труда в национально-экономических явлениях?

Обыкновенно дело изображается так, что всякий производит отдельное благо от начала до конца и затем обменивает его на необходимые ему блага. Но такое представление не только недостаточно, но и неправильно. Оно не только не дает никакой полной картины внутренней связи, образуемой разделением труда, но оно понимает эту связь как раз с противоположной индивидуалистической стороны.

Для того, чтобы получить полное и правильное представление, прежде всего необходимо удалить из понятия о разделении труда все несущественное и прежде всего—различие между работниками и владельцами земли и капитала. Какие бы громадные исторические и практические последствия ни имело ныне это различие, но все же для логического понятия оно лишь случайно. Для него собственники являются не чем иным, как только управляющими отдельных производственных хозяйств, тем, чем они были в действительности до тех пор, когда необыкновенное увеличение поземельной ренты и накопление капиталов дали им возможность, затрачивая часть своих рент, назначить управляющими наиболее развитых работников, а остальную часть ренты тратить на собственное удовольствие.

В таком случае совокупное общественное производство разделяется не столько на производства отдельных благ различного вида, сколько на производственные отделы (Produktionsabschnitte), организуемые в известной последовательности друг за другом различными классами производителей для изготовления продуктов, производимых на почве разделения труда. Класс производителей сырья производит, напр., продукты до известного отдела; класс «производителей полуфабрикатов»—до другого отдела; класс «фабрикантов»—до следующего, последний класс заканчивает производство продукта и делает последний годным для окончательного удовлетворения потребности. Безразлично, на

сколько таких отделов распадается производство и одинаково ли число их для всех видов отдельных продуктов, но, во всяком случае, это распадающееся на отделы производство, выполняемое различными работниками, есть первая причина разделения труда.

Несмотря на то, что в этих производственных отделах один и тот же продукт может обрабатываться лишь путем прохождения последовательных стадий обработки, производство, однако, во всех отделах—и в этом заключается существенный момент разделения труда—совершается непрерывно и одновременно. Это означает, во-первых, что, как только труд закончил производство некоторого количества продукта, он снова начинает производить в каждом производственном отделе новое количество. Напр., если прядильщики выпряли некоторое количество шерсти, то снова появляется на сцену новое ее количество. Во-вторых, в то самое время, когда производители сырья производят в своем отделе, производители полуфабрикатов производят в своем; напр., в то же самое время, когда прядильщики выпрядают некоторое количество шерсти, сельские хозяева также производят новое ее количество. И то же происходит на всех ступенях производства. Естественно, что каждый следующий отдел имеет дело лишь с тем продуктом, который произвели производители предшествующего отдела в предшествующий производственный период. Совокупный продукт находится в постоянном движении и переходит с одной ступени на другую, пока не перейдет в потребление: продукт всякого последующего отдела заключает в себе продукты всех предшествующих, и, таким образом, продукт, совершенно оконченный в последнем производственном отделе, соединяет в себе одновременные работы всех производственных отделов от начала до конца.

Это распадающееся на отделы разделение производства перекрещивается еще другим делением.

Различные классы производителей и функции различных производственных отделов: производство сырья, производство полуфабрикатов и т. д., в свою очередь, разделяются на несколько различных классов и функций. Производство сырья распадается на земледелие, горную промыш-

ленность и т. д. То же происходит и в других производственных отделах; создаются как бы различные производственные отрасли (Produktionsfächer) в различных производственных отделах.

Но разделение труда идет еще далее.

Всякая производственная отрасль в каждом из вышеупомянутых производственных отделов распадается на различные производственные группы, на различные «предприятия», как это ныне называется, в которых снова труд разделяется, т.-е. снова различные работники работают над дробной частью совокупного продукта. Сельское хозяйство, напр., эта отдельная отрасль добывающей промышленности, распадается на множество отдельных сельских хозяйств—«поместий», в которых, в свою очередь, наличное число земледельческих работников разделяется на части для совершения отдельных видов работы.

Что же составляет истинный характер всех этих различных видов разделения труда?

Общение труда. Подобно тому, как самый общий вид разделения труда, вызывающий распадение производства на отделы, приводит к тому, что совокупный продукт должен пройти через руки всех, следовательно, в самых обширных размерах обусловливает собой общение труда,—точно так же и разделение труда в своих последних разветвлениях, в различных производственных промыслах, в которых, напр., один из рабочих постоянно обтачивает лишь острие иглы,—является не чем иным, как корпорацией, опять-таки общением труда. Одним словом, оно является *коммунизмом*, не правовым, но фактическим коммунизмом; не коммунизмом в пользовании продуктом, но коммунизмом в производстве продукта—ибо зачем избегать употребления наиболее подходящего определения для данного явления? [1]).

Таков основной характер разделения труда, хара-

---

[1]) То обстоятельство, что понятие коммунизм в настоящее время ограничивают таким состоянием, в котором общественная власть произвольно распределяет продукты, — является заблуждением, которое привело уже к дурным теоретическим последствиям и практически также может иметь свои вредные последствия. (От автора.)

ктер, так сказать, одной половины этого понятия. Каковы же основные черты другой половины—разделения сработанного, каков характер так называемого распределения?

Очевидно, что здесь индивидуалистический элемент должен выступить сильнее, ибо здесь дело касается прежде всего удовлетворения индивидуумов, как таковых.

Но и в области распределения это имеет место не в той мере, как это представляют себе.

Прежде всего, в обществе *окончательно* распределяется всегда лишь самая незначительная часть наличного совокупного продукта, лишь та часть, которая только что вышла из рук производителей последнего производственного отдела. И как бы часто в отдельных случаях этот продукт ни переходил в руки различных работников, а ныне также и в руки различных собственников, он, в сущности, непрерывно подчиняется общению работников. Далее, окончательно распределяющаяся часть совокупного продукта никогда не разделяется только между одними индивидуумами, но лишь отчасти между ними, а отчасти достается обществу, как таковому, безразлично, понимается ли последнее в более широком или узком смысле, как государство или община. А это означает, что окончательно распределяющаяся часть совокупного продукта еще в значительной степени составляет *общее достояние* индивидуумов. А это именно уже и есть правовое общение. Но, кроме того, и большая часть продуктов, распределяющихся между индивидуумами, по существу дела, по своему употреблению и пользе, составляет еще общее достояние.

Наконец, часть, действительно достающаяся на долю индивидуумов, как таковых, распределяется не только исключительно между соучастниками материального разделения труда, но также между соучастниками всеобщего разделения труда, в котором хозяйственное разделение труда является лишь отдельной областью—и не только между всеми соучастниками этого всеобщего разделения труда, как индивидуумами, но также между ними, с одной

стороны, и обществом, как таковым, с другой. На часть, разделяющуюся между индивидуумами, имеет притязание, напр., не только рабочий, который постоянно лишь обтачивает острие иглы, но также и все лица, занимающиеся наукой или искусством или выполняющие определенные общественные обязанности, которые ныне обозначаются понятием должности. Действительно при всеобщем разделении труда работники физического труда являются такими же сотрудниками, как и работники умственного труда, и если производители материальных благ пользуются результатами труда ученых и художников и именно поэтому в состоянии заниматься исключительно производством материальных благ, то и последние также только потому исключительно производят духовные и художественные сокровища, что пользуются продуктами труда производителей материальных благ [1]). К наслаждению всем призваны все; производство же средств наслаждения, труд, всегда остается специальностью. И не только все эти индивидуумы предъявляют притязание на участие в этом распределении общего продукта, но также и общество, как таковое, имеет потребности, для удовлетворения которых оно может предъявлять притязание на некоторую часть этого продукта.

Таким образом, в обществе окончательно разделяется лишь меньшая часть общественно-произведенного продукта. Да и из этой части еще значительная доля и, притом, все более и более возрастающая, остается в общем пользо-

[1]) Это отношение послужило поводом к ошибке чрезмерного расширения границ политической экономии. Так как существует всеобщее разделение труда, только частью которого является хозяйственное разделение труда, так как производители „материальных благ“ трудятся для производителей „нематериальных благ“, и обратно, так как тот и другой труд одинаково можно назвать производством,—то область политической экономии пожелали распространить и на это всеобщее разделение труда и нематериальные блага низвели до степени хозяйственных благ. Но политическая экономия занимается только тою частью всеобщего разделения труда, которая заключается в разделении труда для материального производства, хотя ее область простирается, таким образом, еще и на материальные продукты, достающиеся производителям нематериальных благ, но она уже не простирается на то, что последние дают в обмен за них. (От автора.)

вании общества. И даже в той части, которая предназначена для непосредственного потребления индивидуумов, принимают участие все те, которые непосредственно вовсе не содействовали ее созданию.

Естественно, я оставляю здесь в стороне те основания, которые определяют размер различных притязаний в этом распределении.

Я оставил также в стороне и форму, в какой реализуются эти различные притязания, каким путем и какими средствами доли доходят до лиц, имеющих на них право.

Но ни основания, определяющие в этом распределении размер притязаний, ни форма и способ, в которых реализуются эти притязания, не меняют того, что и при разделе сработанного, в распределении, преобладает характер общения, *коммунистический характер*. И раздел *сработанного* также является *по существу дела* в значительной степени *общением*, *коммунизмом*.

Это хозяйственное общение индивидуумов, образованное разделением труда в пространстве и во времени, налагает одновременно на все хозяйственные понятия, которые в изолированном хозяйстве носят еще простой индивидуалистический характер, характер общения — коммунистический характер, который препятствует этим понятиям иметь своим объектом законы отдельного хозяйства, изолированного производственного или потребительного хозяйства.

Рядом с индивидуальной потребностью или, вернее, над ней, над индивидуальным производством, над индивидуальным продуктом, капиталом, доходом и т. д. теперь поднимается национальная потребность, национальное производство, национальный продукт, национальный капитал, национальный доход.

Эти понятия обозначают нечто совершенно иное, нежели простой аггрегат индивидуальных потребностей, производств, продуктов, капиталов, доходов,—как и основанное на разделении труда общество обозначает нечто совершенно иное, чем простое множество изолированных хозяев, расположившихся рядом друг возле друга. Лишь сумма индивидуальных потребностей, производств и т. д., сумма изолированных хозяйств образовала бы такой про-

стой аггрегат. Все же вышеупомянутые понятия носят, напротив, новый коммунистический характер, присущий вообще разделению труда, при чем они также обозначают общность потребности, производств и т. д. В национальной потребности, например, кроме индивидуальных потребностей, содержатся еще потребности общества, как такового, которые сталкиваются и соединяются с первыми, обусловливают их, видоизменяют, так что национальная потребность образует единое органическое понятие, а не только арифметическую сумму.

Знание суммы индивидуальных потребностей известного числа изолированных хозяев ни в какой степени не может уяснить национальной потребности большого, связанного разделением труда, общества. Национальный продукт, равным образом, благодаря разделению труда, становится общественным продуктом, ибо все участвуют в производстве продукта каждого и каждый принимает участие в производстве продукта всех или, как прекрасно говорит Прудон, всякий отдельный продукт появляется на свет с гипотекой всех, общий продукт—с гипотекой всякого отдельного человека.

Равным образом, и национальный капитал есть нечто совершенно иное, чем сумма индивидуальных капиталов изолированных хозяев. Это понятие также принимает целостный органический характер, ибо национальный капитал, в сущности, представляет общую собственность общества, и нынешние «частные капиталы» суть не что иное, как идеальное разделение стоимости этого капитала между «капиталовладельцами».

Прилагательное «национальный» также невполне выражает настоящий смысл этих понятий. По существу дела скорее следовало бы говорить общественная потребность и т. д., и термин «национальный» употребляется здесь только потому, что общество сделалось большим только в нации, и общественное хозяйство впервые стало изучаться только как национальное. Но в этом новом коммунистическом значении, получаемом хозяйственными понятиями благодаря разделению труда, они оказываются далеко за пределами отдельного хозяйства. Хотя индивиду-

альная потребность изолированного хозяина может дать понятие о сумме потребностей множества изолированных хозяев, но она не может дать и самого отдаленного представления о национальной потребности, потребности *общества* индивидуумов. Равным образом, национальный продукт, национальный капитал, как таковые, никогда,—даже по частям,—не могут быть элементами отдельного хозяйства, ибо они также существенно отличаются от суммы продуктов или капиталов нескольких отдельных хозяйств.

Общение, которое составляет сущность разделения труда, присоединяет к обозначенным понятиям еще и другие, аналогичных которым вообще нет в изолированном хозяйстве.

Именно: так как участники этого общения живут пространственно разбросано и хозяйство ведется ими пространственно раздельно, так как, следовательно, и распределение общего продукта должно совершаться в пространстве, то возникает *обращение* продуктов, это непрестанное, внутреннее, круговое движение национального продукта, совершенно немыслимое в изолированном хозяйстве.

С обращением продуктов связаны еще три самых важных хозяйственных понятия, обусловленных также разделением труда—стоимость, деньги и кредит.

Так как каждый содействует в известной степени производству национального продукта, и, следовательно, каждый должен получить за свое сотрудничество некоторую долю из распределяемой части этого национального продукта, то становится необходимым сравнение того содействия, которое каждый участник производства оказал созданию национального продукта. Это сравнение, в сущности, есть оценка всех отдельных продуктов и частей продукта относительно друг друга, с точки зрения всеобщей пользы, оценка по значению, какое, с этой точки зрения, они имеют, сравнительно друг с другом, т.-е. по их стоимости. Стоимость, которую, в соответствии с той примитивной формой, в какой она появилась, назвали меновой стоимостью, есть не что иное, как то значение, которое получает продукт как *общественная потребительная* стоимость. Она никогда не

может иметь места в изолированном хозяйстве, где продукты могут оцениваться только или по труду, которого они стоят, или по индивидуальному удовлетворению, какое они доставляют, хотя политико-экономы иногда бывали повинны в смешении этих последних оценок с стоимостью. На-ряду с стоимостью из обращения возникают деньги, — это так называемое *средство* обращения.

Если производству национального продукта содействовали все, и все должны получить из него вознаграждение за свое содействие, если, к тому же, предварительно должно иметь место сравнение индивидуального содействия с окончательной долей, которую получает каждый в национальном продукте, или оценка стоимости отдельных продуктов, сравнительно друг с другом, то распределение, в сущности, является ликвидацией всех отдельных притязаний на общий продукт и притом сообразно стоимости. Таким образом, в сущности, ничто не мешало бы представить себе эту ликвидацию, в виде всеобщей бухгалтерии, где каждый участник производства имеет свое конто (счет), кредит и дебет которого ведется сообразно стоимости. Тогда средство обращения было бы подведением итогов; деньги достигли бы наивысшей ступени общественного кредита. Если подобная ступень не достигается или не может быть достигнута, то и средство обращения должно быть иного рода, оно должно быть больше деньгами. Если бы стоимость могла быть конституирована в труде, какого стоил продукт, то можно было бы представить себе иной вид денег, которые состояли бы, так сказать, из листков, вырванных из вышеупомянутой общей счетной книги, из квитанций, написанных на самом дешевом материале, на бумаге. Квитанции эти всякий получал бы за произведенную им стоимость, и они давали бы ему право на такую же величину стоимости, он снова мог бы реализовать их в распределяемой части национального продукта.

Если, однако, стоимость по каким-либо причинам не может быть или еще не может быть конституирована, то ту стоимость, которую деньги должны ликвидировать, они должны уже сами заключать в себе, как равноценность, как

залог или поручительство, т.-е. они уже сами должны состоять из блага, имеющего стоимость, из золота или серебра. В таком случае, они лишь при особых обстоятельствах и лишь отчасти могут быть заменяемы векселем (Anweisung) на самих себя, нынешними бумажными деньгами.

Третье понятие, впервые появляющееся с возникновением обращения, есть кредит, который основывается на уверенности, что возмещение доставленной стоимости последует позднее.

Подобно тому как созданное разделением труда общение существенно видоизменяет понятия изолированного хозяйства, как оно к этим видоизмененным понятиям присоединяет еще новые,—оно точно так же делает необходимым ряд новых видов хозяйственной деятельности, которые также не встречаются ни в производственном, ни в потребительном хозяйствах отдельного лица.

Если в изолированном хозяйстве всякому производителю непосредственно известен размер подлежащих удовлетворению потребностей, и, таким образом, необходим только акт его воли для того, чтобы приспособить производство к этим потребностям, то, при разделении труда, дело идет об удовлетворении национальной потребности. Но ни один производитель сам по себе и непосредственно не знает размера этой национальной потребности. Таким образом, для определения ее размера, необходим особый вид деятельности. Если, далее, всякий производитель изолированного хозяйства вполне владеет наличными производительными средствами, своим трудом и своим капиталом, и, следовательно, и величина его продукта всегда сама собой будет соответствовать средствам, какие он намерен употребить в дело,—то при разделении труда, когда при частичной работе, выполняемой отдельными лицами, производительные средства находятся в совместном действии и заключаются в национальном труде и в совместно созданном национальном капитале,—никакой производитель уже не владеет исключительно один этими средствами. Если, наконец, в первом случае всякий производитель всегда и безраздельно владеет своим продуктом и, поэтому, всегда непосредственно полу-

чает доход, равный своему продукту, то во втором случае, когда все принимают участие в производстве общего продукта, никто уже не получает надлежащего ему дохода без предварительного распределения.

При разделении труда непосредственное совпадение этих различных отношений для достижения конечной хозяйственной цели представляется невозможным. Отношения эти должны быть осуществлены, как необходимые условия этого достижения.

Пусть в каждом отдельном производственном хозяйстве, с затратой вдвое меньшего количества труда, производится вдвое большее количество продуктов, пусть в каждом потребительном хозяйстве вдвое меньшее количество продукта удовлетворяет вдвое большее количество потребностей,—но если, при этом, национальное производство не соразмеряется с национальными потребностями и с наличными национальными производственными средствами; если одновременно национальный доход не удовлетворяет надлежащим образом отдельных притязаний,—то произойдет все-таки весьма значительный хозяйственный ущерб, постоянное неудовлетворение как общества, так и индивидуумов.

Теперь для того, чтобы национальное производство соответствовало национальным потребностям, последние должны быть определены раньше, чем первое. Для того, чтобы удержать национальный продукт на уровне наличных национальных производственных средств, последние заранее должны быть учтены и приведены в известность. Для того, чтобы всякий мог получить приходящийся на его долю доход, заранее должно произойти отвечающее этому распределение.

Но эта посредническая роль может, очевидно, выполняться лишь особыми и специально на это направленными практическими видами хозяйственной деятельности.

Здесь еще не имеет значения, кем, как и с каким успехом выполняются эти деятельности. Это зависит от стадии развития человеческого общества. Но в общем должно быть ясно как необходимость существования этих видов деятельности, так и то, что они становятся возможными

лишь вследствие разделения труда. Безразлично, будет ли, например, деятельность, направленная на определение размера национальной потребности и на определение соответствующих этой потребности размеров национального производства,—будет ли она, при существовании собственности на землю и капитал, исходить от различных частных предпринимателей, или, при существовании общественной собственности на землю и капитал, от общественных органов, лиц, специально для этого назначенных; будет ли, равным образом, деятельность, целью которой является достижение соразмерности между национальным производством и национальными средствами, собирание капитала и соединение рабочих,—будет ли она, при первом предположении осуществляться частными предпринимателями, при втором—учреждениями; будет ли, наконец, деятельность, регулирующая распределение, при первом предположении, выполняться всеобщей конкуренцией, в форме всеобщего предложения и всеобщего спроса, или, при втором — посредством конституирования стоимости и частей дохода,—во всяком случае, остаются особенные виды деятельности, которые носят столь же практический характер, как и те, которые стремятся к тому, чтобы с возможно меньшими издержками произвести возможно больше продуктов, или возможно меньшим количеством продуктов удовлетворить возможно больше потребностей; и одинаково, как в том, так и в другом общественных укладах, они возникают исключительно из разделения труда.

Эта совокупность новых хозяйственных понятий и деятельностей, очевидно, образует новую и особую хозяйственную систему, которая представляется как *общественное хозяйство*, как хозяйство, основанное на обусловленном разделением труда общении. Единство всех этих новых хозяйственных понятий и деятельностей, проистекающее из общности одного и того же принципа, из разделения труда, связывает их в систему. Эта система, как по своему предмету, так и по природе своего проявления и своей цели, носит хозяйственный характер, ибо она, подобно производ-

ственному или потребительному хозяйствам, касается только материальных благ, она представляет собой—не что иное как деятельное практическое управление этими благами... домоводство (Haushaltung) и стремится к достижению конечной цели всякой хозяйственной деятельности, именно к обеспечению, в возможно большей мере, хозяйственного удовлетворения. Она получает, наконец, свой особый характер от того хозяйственного общения, которое появляется вместе с разделением труда и которое придает ей именно характер общественного хозяйства.

Это общественное хозяйство и есть *национальная экономия или государственное хозяйство.*

В сущности, оно есть учение о хозяйственном коммунизме.

Сами политико-экономы повинны в том, что даже в научных трудах оно еще доныне было лишено указанного характера. Я уже говорил о том, что оно понималось как национальная экономия или государственное хозяйство и, поэтому, в том национальном и индивидуально-государственном ограничении, которое по своей природе совершенно противоречит ему и которое наградило нас, теоретически и практически, действием запретительной системы и покровительственных пошлин. Далее его лишили также того коммунистического характера, каким оно необходимо обладает как хозяйство, созданное общением труда, и, наоборот, его стали трактовать с индивидуалистической точки зрения. Исходили не из национальной потребности, национального производства, национального продукта, национального капитала и т. д., чтобы затем перейти к индивидуальному участию в этих последних, но, следуя общему направлению времени, которое ставило индивидуума выше общества, поступали наоборот,—от индивидуальной потребности приходили к национальной, как будто бы дело шло вовсе не об обществе, а лишь о множестве индивидуумов. Его лишили, наконец, даже активного характера, присущего всякому ведению хозяйства, которое носит характер системы практических деятельностей, не замечая, что, только благодаря современной собственности на землю и капитал, общество, как таковое, лишено этих

видов деятельности, перешедших в руки частных лиц. Но собственность только распределяет эти деятельности между частными лицами, а не уничтожает их самих по себе. Поэтому учение о хозяйстве превратилось в простое учение о природе обращения, которое, подобно естественным наукам, должно довольствоваться лишь изучением и познанием — познанием, которое если не отрицает фактов, то, по меньшей мере, обыкновенно, бывает связано с сожалением о том, что по временам для сохранения живого «равновесия этого естественного организма» [1]) бывают необходимы имущественные потери и голодная смерть. А если заблуждение доходит до отрицания фактов, то даже в самом резком контрасте усматриваются «хозяйственные гармонии». Весь этот ряд ошибочных пониманий затемняет, как сказано, сущность национальной экономии. Но если последовательно и беспристрастно обратиться к принципу последней — к разделению труда — и последовательно и беспристрастно вывести отсюда надлежащие следствия, то станет очевидной истинная природа нашей науки. Теория утратила уже в этой области всякую инициативу. Здравый смысл народа опередил ее ныне.

Национальная экономия представляет собой социальное понятие, ее основное отношение есть не что иное, как коммунизм, который неизбежно возникает вместе с разделением труда. Весь национально-экономический элемент возникает из разделения труда, и в изолированном хозяйстве невозможно наблюдать ни одного национально-экономического явления.

б) Система национальной экономии [2])

Современная экономическая наука не исходит из признания, что благодаря разделению труда общество переплетено в неразрывное экономическое целое; она не отправляется с точки зрения этого целого к объяснению отдельных эконо-

---

[1]) Разве так трудно освободиться от основной ошибки, что общественный организм не представляет собой *естественного* организма. (От автора

[2]) Из „Zur Beleuchtung d. soz. Frage, 2 soz. Brief", русский перевод Соболева, 1905 год.

мических понятий и явлений, она не ставит во главу угла понятия национального имущества (общественного имущества), национального производства, национального капитала, национального дохода и его разделения на поземельную ренту, прибыль на капитал и заработную плату и не объясняет из этих общественных понятий судьбу единичных лиц; вместо всего этого экономическая наука подчиняется преувеличенному индивидуалистическому направлению времени; она разрывает на клочки то, что в силу разделения труда составляет неразрывное целое и социальное единство, то, что может получить существование только при предположении этого целого, и хочет перейти от этих клочков, от индивидуального участия единичных лиц к понятию целого. Наука положила, напр., в основание понятия об имуществе—имущество отдельного лица, не принимая в соображение, что имущество человека, обобществленного с другими посредством разделения труда, есть нечто совершенно иное, чем имущество совершенно изолированного хозяйствующего индивида. Она исходила, например, от поземельной ренты единичного землевладельца, не принимая во внимание, что понятие поземельной ренты предполагает уже понятие прибыли на капитал и заработной платы, и что эти понятия, в свою очередь, предполагают современное общество с его общественным доходом, частями которого и являются поступающие поземельные ренты и т. д. Она рассматривала общество, как сумму различных хозяйственных единиц, как математическое, а не моральное и, следовательно, социальное целое, как будто бы само народное хозяйство есть лишь аггрегат индивидуальных хозяйств, а не органическое общественное хозяйство, отдельные органы которого могут страдать под давлением известных исторических отношений, в том числе даже отношений, стоящих на пути прав индивида.

Если бы наука народного хозяйства не подпала под влияние этого в корне ошибочного метода, она в настоящее время, наверное, получила бы другой вид и ушла бы далее в своем развитии. Я не могу отказать себе в кратком наброске той системы, какой требует метод, диктуемый принципом этой науки, именно разделением труда, тем более,

что, по моему убеждению, этот эскиз значительно поможет уразумению изложения моих взглядов.

Если бы экономическая наука хотела приложить правильный метод, то в своей первой части, отвечающей современному понятию «национальной экономии» или «учения о народном хозяйстве» как естественного учения об обороте, она должна была бы положить в основание научного изучения современный национально-экономический строй со всем наличным богатством экономических явлений и в его проявлениях, предоставленных самим себе.

В таком случае она должна была бы в первом отделе этой части начать с понятий национального (общественного) труда и национального имущества, причем национальный труд следовало бы понимать как взаимодействие единичных сил, неразрывно связанных в одно целое разделением труда, а национальное имущество—как столь же неразрывно соединенный, благодаря употреблению национального труда, комплекс всех имеющихся у нации материальных благ. Наука должна была бы тогда показать, как отношение разделения труда разлагает в каждом благе социальный труд на виды производства—добывающую промышленность, фабрикацию и транспорт,—а эти виды опять на группы производств и на отдельные предприятия, в силу чего и национальное имущество получает группировку, соответствующую этим отделам. Далее наша наука должна была бы отделить в национальном имуществе национальную почву, как хранительницу всякого сырья, более или менее изобильную, но во многих отношениях обогащаемую человеческим искусством, от национального капитала, как совокупности продуктов, распределенных в различных предприятиях и предназначенных для дальнейшего производства, и затем противопоставить национальному капиталу результат развивающегося национального производства за известный период времени, или национальный продукт. Она должна была бы показать далее, как часть этого продукта предназначается на возмещение потребленного в производстве или сношенного капитала, а другая часть в качестве национального дохода служит для удовлетворения непосредственных потребностей об-

щества и его членов. После этого экономическая наука должна была бы исследовать понятие национальной производительности и выяснить, как сумма национального продукта по отношению к населению, или, другими словами, национальное богатство, зависит исключительно от степени национальной производительности.

После такого общего изложения национально-экономических понятий и их взаимной связи следовало бы показать, как управление и движение национального производства, а также распределение национального продукта зависят от институтов позитивного права.

Для более ясного понимания этой зависимости от самого выдающегося института современного позитивного права, именно от собственности на землю и капитал, следовало бы прежде всего выяснить, какую иную форму приняло бы управление и движение национального производства, если бы земля и капитал находились бы не в частной собственности, а в общественной, и если бы имела силу только собственность на приходящуюся каждому долю в национальном продукте. Нет необходимости, чтобы при таком строе распределение национального дохода происходило на коммунистических основаниях—без распределительных юридических норм; величина причитающейся каждому доли могла бы быть установлена, в силу позитивных предписаний права в обществе, сообразно мере его труда. Отдельные виды труда рабочих, как бы различны по силе и ловкости они ни были, могут быть легко между собой сравнимы и измеряемы. Собственность при таком строе все еще не была бы уничтожена, но она была бы только строго сведена к своему настоящему и первоначальному принципу. Нет никаких сомнений в осуществимости такой экономической организации национального производства и распределения национального продукта, которая отвечала бы подобному юридическому строю. Мог бы возникнуть только практический вопрос, достаточно ли велика нравственная сила народа для того, чтобы держаться пути национального труда, т.-е. национального прогресса, силой свободного самоопределения, а не в силу принуждения земельной и капиталистической собственности, которая погоняет вперед бичом нужды.

Таким образом следовало бы дать сравнительное изображение того, как в юридическом строе, в котором земля и капитал находились бы в общественной собственности и только национальный доход находился бы в частной собственности, должна была бы существовать общественная власть, сосредоточивающая в своих руках управление национальным производством сообразно общественным потребностям или, другими словами, распоряжающаяся целесообразным употреблением национального имущества—в то время как в современном строе, когда национальное имущество дробится, в силу института собственности на землю и капитал, между отдельными частными собственниками, вместо такой власти выступает интерес собственников, которые и прилагают принадлежащие им теперь части национального имущества к производствам, удовлетворяющим потребностям общества.

Следовало бы показать, как в том строе требовалось бы лишь распоряжение хозяйственных властей для передачи блага, находящегося в процессе производства и, следовательно, еще в обладании общества, из одной отрасли и одного места производства в другие и в заключение в место его назначения—местожительство потребителя;—в то время как при существующем порядке, где собственность на землю и капитал влечет за собой и собственность на непосредственно ими созданный продукт, необходимо должны выступить, вместо указанного распоряжения и помимо хозяйственного труда по транспорту продукта, юридические сделки купли-продажи или мены продуктов, торговля и деньги, так что в настоящее время движение национального производства с начала до конца, т.-е. с первого акта труда по добыванию сырья и до завершения продукта, осуществляется в ряде отчуждений и переходов собственности при посредстве денег.

Далее следовало бы выяснить, как там указанные власти заботились бы о том, чтобы часть национального продукта воспроизводила возмещение потребленного или изношенного в производстве капитала, из остальной же части прежде всего отчислялся национальный доход, т.-е. продукт, необходимый для непосредственного удовлетворения общественных

потребностей—в то время как здесь вместо заботы власти господствует принцип хозяйственности и интерес собственников капитала или их заместителей—предпринимателей, которые рассматривают и потребляют в качестве «прибыли», в качестве дохода, то, что остается после возмещения капитала, и которые принимаются только за производства, обещающие им подобный остаток.

После того как таким путем будет разъяснено влияние позитивного права на управление и движение производства, необходимо было бы объяснить влияние его на распределение национального продукта.

Следовало бы изобразить,—как в строе, в котором земля и капитал принадлежат обществу и только национальный доход переходит в собственность отдельных лиц по юридическому принципу выполненной работы, весь национальный доход поступал бы целиком производителям—рабочим, в то время, как при строе с собственностью на землю и капитал этот доход разделяется между рабочими, землевладельцами и капиталистами таким образом, что главную часть получают последние. Там это распределение дохода, происходя сообразно количеству выполненной работы, совершалось бы таким образом, что стоимость каждого продукта определялась бы вложенным в него рабочим временем [1]), и каждый участник национального производства получал бы в особых удостоверениях проработанного им рабочего времени ассигновку на равную стоимость любых потребительных благ; эта стоимость выдавалась бы ему из государственных магазинов в обмен на удостоверения на началах столь же строгого права собственности, на каких в настоящее время рабочий получает свою заработную плату. Здесь, где присоединяется еще разделение дохода между рабочими и собственниками на землю и капитал, имеет место такой порядок: собственники земли и капитала или их заместители-предприниматели, при действии закона, понижающего заработную плату

[1]) Конституированная стоимость Прудона. Я должен, впрочем, заметить, что идея конституированной стоимости была высказана до Прудона мною, и что статьи мои в сочинении: „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zuständen" заключают в себе не что иное, как необходимые предварительные исследования по этому вопросу. (От автора.)

значительно ниже стоимости продукта, нанимают себе рабочих для производства продукта, реализуют созданный продукт в деньги по издержкам, определяемым естественными законами рынка и конкуренцией, и затем разделяют остающуюся за вычетом заработной платы и возмещением капитала (см. выше) часть стоимости продукта между собой, т.-е. между землевладельцами и капиталистами, по соотношению стоимости соответственных продуктов (сырого и обработанного) на так называемую поземельную ренту и прибыль на капитал, и затем на это покупают из магазинов соответствующих частных предпринимателей свою долю в национальном доходе, подобно тому, как это делают рабочие с своей заработной платой.

В этом первом отделе экономической науки следовало бы, наконец, представить, как при последовательности и порядке всех человеческих потребностей распределение национального дохода и величина доли отдельных лиц диктуют национальному производству его направление и разнообразие, так что и власть, регулирующая производство в одном случае и интерес землевладельцев и капиталистов в другом, должна была бы повиноваться или повинуется только указанию, заключающемуся в этом распределении национального дохода.

В то время в этом первом отделе национально-экономическое движение рассматривалось бы при предположении неизменных производительных сил, во втором отделе должно было бы быть рассмотрено влияние на это движение изменения производительных сил, притом изменение как суммы производительных сил, так и производительности.

При этом следовало бы прежде всего объяснить значение увеличения наципонального капитала и происходящего при этом «сбережения». Здесь выяснилось бы, что «сбережение» представляет собой только форму увеличения капитала, обусловленную существованием собственности на землю и капитал и заменяемую во многих отношениях кредитом.

Затем было бы показано, как прирост суммы производительных сил мог бы вести к увеличению в нации на-

ционального капитала и нацоинального продукта, а отсюда ренты вообще и заработной платы, благодаря увеличению национального труда или возросшему народонаселению; однако, это увеличение повлечет за собой повышение одной поземельной ренты, так как увеличенная заработная плата достанется на долю большего числа рабочих, а увеличенная прибыль на капитал будет распределяться на более значительный капитал, и только увеличенная поземельная рента будет рассчитываться на прежнюю площадь земли; возвышение же национального богатства, прирост национального продукта, идущий по возможности на пользу всех, могли бы осуществиться только путем увеличения плодородности труда и производительности.

Здесь следовало бы показать, из какого ничтожного начала вышло национальное богатство, как даже ренты—поземельная рента и прибыль на капитал—стали возможными только в силу прогресса производительности.

Затем можно было бы изложить, как в строе без земельной и капиталистической собственности результат повышенной производительности должен был бы итти исключительно в пользу рабочих, доход которых возрастал бы в прямом отношении к возрастающей производительности; между тем как в настоящее время, благодаря институту собственности и при господствующем законе заработной платы, указанный результат идет совершенно не в пользу рабочих, а исключительно в пользу собственников земли и капитала.

Наконец, в третьем отделе следовало бы разъяснить, каким путем должны удовлетворяться те потребности, которые вытекают из существования общества, как такового, и его «правительства»; таким образом, в этом третьем отделе было бы необходимо исследовать финансовое хозяйство или принципы взимания налогов и принципы расходования государственных средств, одновременно в их влиянии на движение производства и на распределение национального продукта.

Только после изучения в *первой части* экономической науки «производства, распределения и потребления благ», мы само собой были бы приведены к выяснению во *вто-*

рой части тех опасностей, какие угрожают обществу от предоставленного самому себе течения национально-экономического развития при существовании современных юридических институтов, и к указанию в *третьей части* мероприятий для предотвращения этих опасностей.

Подобный метод заключал бы в себе собственное оправдание, хотя он, строго говоря, так же мало может быть назван систематическим, как и то внешнее нанизывание экономического материала, которым грешат в особенности немцы и школа Сэя. Однако, если этот последний прием способствовал отклонению взгляда от живого развития народного хозяйства, то при нашем методе стало бы само собой ясно, что как раз эта живая и устойчивая фаза развития современного народного хозяйства не дает в действительности такого симметрического расположения материала, чтобы его можно было, подобно юридическим наукам, подразделить на отделы и привести в порядок. Этот метод заключал бы в себе в то же время указание, что экономическая наука только после того, как указанная фаза будет пройдена, будет способна к систематическому подразделению и обработке, как первая и самая обширная социальная наука, которая в значительной степени поглотила бы даже и юридическую науку.

Глава вторая

СТОИМОСТЬ И МАСШТАБ СТОИМОСТИ [1])

а) Определение стоимости

Все хозяйственные блага стоят труда и только труда. Доказательству этого тезиса я должен предпослать два положения.

Во-первых, я включаю в область хозяйства только материальные блага. По существу это делает всякий экономист (Staatswirtschaftslehrer), даже тот, кто в начале своего сочинения стремится доказать, что и нематериальные блага относятся сюда, ибо об этих последних

[1]) Из „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände“ 1842 г.

он в дальнейшем изложении обычно и не упоминает. При ином воззрении было бы необходимо, если только хотят основательно изучить предмет, писать не о государственном хозяйстве, а о политике в широчайшем смысле этого слова, и нужно было бы для изучения промышленности так же хорошо знать право и теологию, как сельское хозяйство и технологию. Между тем, никто так не поступает, и даже во Франции, где такое ошибочное воззрение распространено в особенности благодаря Сэю, должны были вновь выделить «хрематистику», как отдельную часть экономической науки; но, ведь, только «хрематистика» и есть наука о хозяйстве. Не трудно показать, как вкралась эта ошибка. Известно, что̀ называлось физиократами производительным трудом. А. Смит доказал, «что они это слово употребляли в непристойном смысле», и в то же время он сам, как известно, по существу не опроверг их. Он обнаружил лишь грамматическое значение термина «производительный», согласно которому термин этот столь же приложим к труду фабричному и транспортному, как и к труду сельскохозяйственному. Но, тем самым, Смит, повидимому, предполагает (что очевидно и само по себе), что в экономической науке речь может итти, собственно, только об объектах богатства. Его последователи пошли дальше по пути чисто-грамматического объяснения понятия и доказали (столь же убедительно, как убедительны возражения Смита против физиократов), что и сам Смит этот термин употреблял в слишком узком смысле. И в то же время сами они не задавались вопросом—производительна ли всякая деятельность и хозяйственна ли она в силу одного того обстоятельства, что она приносит полезный результат, и в силу того, что результат ее становится хозяйственным объектом—вопрос естественно возникающий. У Сэя это pet. princ. можно обнаружить с буквальной точностью. Там, где он указывает на производительность всякой полезной деятельности, он в примечании прибавляет: «Следовательно, граф Берри неправильно утверждает, что должности князей, государственных чиновников и т. п. не входят непосредственно в сферу объектов, которыми занимается национальная экономия». Но здесь уже не грамматическое значение терминов «производство» и «продукт» определяет объем

государственного хозяйства; во всяком случае, положение Сэя требует доказательства.

Во-вторых. Я считаю, что «пригодности» (Sachen von Brauchbarkeit), «стоимости»[1]) (Sachen von Werth) и «блага»— не идентичные понятия. Так как здесь не место для всестороннего обоснования этого положения, я должен пока ограничиться только объяснением каждого из этих различных понятий.

«Пригодностью» я называю признанную человеком способность данной вещи служить средством для достижения какой-либо цели. Пригодность имеет вполне объективное основание, заключающееся в конкретной особенности вещи и совершенно независимое от произвольного представления человека. «Пригодности» суть, поэтому, предметы, по отношению к которым признана их объективная способность служить средством для достижения какой-либо цели. В них нет других свойств. В понятии «пригодность» не определяется—ставит ли себе в действительности человек цель, достижению которой она может способствовать благодаря своим качествам. Это появляется только в понятии «стоимость». Ставя себе цель, которой он может достигнуть только при помощи пригодного для этого средства, человек становится к предмету в то взаимозависимое отношение, которое называется потребностью, а предмет, как потребный, приобретает то значение, которое именуется «стоимостью». «Стоимость» не качество предмета, но его status, в котором он определяется по своему объективному значению в ряду потребностей. «Стоимость», поэтому, более узкое понятие, чем «пригодность». Область последних это—та арена, на которой потребность отмечает число первых. Свобода человеческого представления начинается только в отношении предметов стоимости, ибо целевые назначения, в ряду которых потребности и возникают, определяются человеческой волей. Сами по себе «предметы стоимости» (Dinge von Werth) суть опять-таки не больше, как потребные полезные предметы. Чтобы быть превращенными в блага, они должны принадле-

[1]) Само собой разумеется, что я здесь имею в виду так называемую потребительную стоимость. (Прим. автора.)

жать человеку в той физической непосредственности, которая делает возможным их употребление для достижения поставленной цели и которую можно назвать хозяйственным обладанием. «Блага» это — находящиеся в обладании предметы стоимости. Область «благ» находится в таком же отношении к «предметам стоимости», как эти последние к «пригодным предметам». Как под «предметами стоимости» подразумевается человеческое представление, конструирующее стоимость, так и под «благами» предполагается человеческая деятельность, создающая «блага». Но понятие «благо» включает в себя, кроме своего собственного критерия—обладания, еще критерий «пригодности» и «стоимости». Ни один из них не может в нем отсутствовать до тех пор, пока предмет не перестает быть благом. Если бы в отношении предмета исчезла потребность в нем или его объективная пригодность, то он не являлся бы благом в такой же мере, как если бы находился на дне моря.

Оба вышеуказанные положения подтверждаются верным пониманием термина «хозяйство», которым и начинается доказательства нашего тезиса.

Хозяйство это—распоряжение (Verwaltung) наличными благами с целью наилучшего удовлетворения потребностей. Недостаточно, однако, определять хозяйство, как одно только стремление к этой цели. Кто не имеет ничего и занимается, например, сбором плодов, тот не хозяйничает, а работает. Только тогда, когда он имеет уже сработанное, начинается хозяйство, независимо от того, поступает ли он с тем, что имеет, бережливо или расточительно, хорошо или плохо осуществляет хозяйственные цели. Здесь не место исследовать основательнее это ограничение термина, но не трудно доказать, что всякая действительно-хозяйственная деятельность заключается только в понятии распоряжения наличным, и это ограничение взято из естественного разделения хозяйственных областей на производственное хозяйство, государственное хозяйство и потребительное или домашнее хозяйство.

И подобно тому, как в таком ограничении понятия хозяйства заключается уже новое доказательство материального характера хозяйственных благ, так и в логическом осно-

вании самого понятия дано уже доказательство того, что материальные блага суть только хозяйственные блага, стоящие труда.

Человек не посвящал бы себя хозяйственному труду, если бы у него или вовсе не было никаких потребностей и он, следовательно, не нуждался бы в благах для их удовлетворения, или, если бы у него было так много благ, что их добывание не требовало бы никакого непосредственного труда с его стороны, как это происходит с воздухом или солнечным светом. К чему было бы тогда распоряжаться благами, находящимися всюду в изобилии и добывающимися без труда? Хозяйство, как распоряжение благами, было бы так же не нужно, как хозяйничанье над воздухом и светом. Однако, в действительности, природа предоставила человеку очень мало материальных благ в такой непосредственности, что их потребление превращается в простое отправление органических функций человека. Почти все блага первоначально появляются вне этой непосредственности и могут поступить в обладание человека только через посредство человеческой деятельности. Эта деятельность различна по своей интенсивности. Возникает она из простого действия оккупации и охватывает все виды труда, начиная от протягивания руки за плодом или поднятия камня и кончая сложным трудовым усилием, какое затрачивается на производство паровой машины. Но во всех случаях деятельность эта обнимает материальные блага, которые первоначально непригодны к потреблению в той естественной непосредственности, в какой их предлагает природа. Кроме того, хозяйственная деятельность всегда верна своей природе, ибо она везде есть затрата человеческой силы и времени с целью присвоения определенной вещи, она везде требует известного волевого усилия человека над самим собой, она, одним словом, везде — труд.

Но этим устанавливается и единственное разумное основание хозяйства. Ибо у человека бесконечно много все вновь возникающих потребностей, для удовлетворения которых могут служить только материальные средства, находящиеся вне его обладания и большей частью даже вне должной объек-

тивной пригодности, при чем они всякий раз уничтожаются посредством самого удовлетворения. Для того, чтобы обладать такими средствами, человек ничего не имеет, кроме ограниченной силы и ограниченного времени. Какое, следовательно, естественное несоответствие между бесконечностью и ненасытностью потребностей человека и трудом! Сколько предстоит сделать при помощи труда! Какое расточение волевых усилий необходимо, чтобы распоряжаться плодом своей работы, результат которой далеко не вполне соответствует поставленным целям! И насколько увеличивается несоответствие, когда незадолго перед полным достижением цели оказывается, что трудный путь ее достижения был совсем или отчасти напрасен! В этом и заключается основание всякого хозяйства. Но поскольку труд является основанием хозяйства, и хозяйство есть распоряжение благами, то хозяйственными благами являются лишь те, которые стоят труда, другими словами, основание хозяйства определяет также границы его объектов. Это ограничение хозяйственных благ только в том слуслучае стало бы бессодержательным, если бы встречались такие блага, которые в их непосредственном виде, вне приложения к ним труда человека, были бы годны к использованию и в то же время их количество было бы так ограничено, что человек вынужден был бы относиться к ним бережливо. А таких благ не существует. Только блага, стоящие труда, суть поэтому хозяйственные блага.

Но блага ничего не стоят кроме труда, или труд есть единственный элемент в истории возникновения благ, рассматриваемой с точки зрения издержек их производства. Нужно только выяснить термин—«стоят». В нем заключено несколько больше того, что прямо необходимо для понятия затраты на создание. Существенно здесь как то, что произведена затрата, не могущая, поэтому, быть повторенной в другом месте, так и то, что она учинена субъектом, постигшим неповторяемость затраты. Из последнего следует, что только человеку благо может «стоить» и стоить именно труда, затраченного на его производство. С этими двумя критериями полностью согласуется и понятие о труде, затраченном человеком для присвоения материальных благ. Материальные блага первона-

чально находятся полностью или частично вне обладания человека. Если они обладают уже совершенной объективной пригодностью, они находятся в природе; если у них нет еще этого свойства, они находятся отчасти в природе, отчасти в духе. Природа тогда является только хранилищем материала, а дух—хранилищем форм, придаваемых человеком благам и при помощи которых он дополняет природу. Богатству или бедности человек противопоставляет свой труд. Затрата труда совершенно необходима, чтобы извлечь пригодные вещи из природы или чтобы связать разобщенные в ней и в духе составные части и присвоить их: его затрата, одним словом, необходима для производства благ. Но затрата, направленная на какое-нибудь благо, не может уже быть обращена на другие. Затрату производит только человек, ибо она состоит из его сил и его времени, и оба эти элемента, в противоположность бесконечному количеству благ, ограничены.

Если, поэтому, благо безусловно стоит человеку затраченного труда, тогда в истории возникновения благ нет больше ничего другого, кроме труда, в отношении чего можно было бы сказать, что им определяется «стоимость» присвоения блага для человека. Нельзя, конечно, отрицать, что производству одного блага служит другое (благо). Для производства нужны: во-первых, материал, и его доставляет природа, а во-вторых, там, где в природе не дана еще объективная пригодность блага, нужна идея, и ее доставляет дух. В производстве заняты природа и дух: первая потому, что ее силы помогают труду превращать или присваивать материал; второй потому, что он беспрестанно указывает труду путь. Но в каждом из этих двух отношений участие природы и духа не носит характера «издержек». Участие духа в производстве не является расходом: идея, которую дух прилагает к производству блага, не носит характера неповторяемой затраты, она неограниченна и неистощима, как и общее руководство духа над трудом. И природа и дух не изменяются. То же самое происходит с природой, когда ее сила применяется в производстве. И в этом случае сила эта бесконечна и неуничтожаема: сила, объединяющая необходимые субстанции в зерне ржи, остает-

ся в этих субстанциях. Правда, материал, отдаваемый природой какому-нибудь благу, не может быть в то же самое время отдан другому. Необходимо, однако, персонифицировать природу для того, чтобы можно было говорить об ее издержках в том смысле, в каком этот термин обычно употребляется. Для блага материал не составляет расхода, произведенного человеком, а поэтому, для последнего издержками производства блага являются лишь те затраты, которые им самим произведены.

Необходимо теперь опровергнуть еще несколько возможных возражений.

Во-первых. Можно возражать, что владелец какого-либо леса, из которого доставляется материал для производства орудий, или пашни, из веществ которой производится хлеб, при чем и лес и пашня становятся, вследствие отдачи соответствующих веществ продукту, беднее ими,—что владелец такого материала, на который не было затрачено никакого труда, с полным правом мог бы утверждать, что ему благо стоит не только того, что стоят рассчистка, насаждение и т. п., произведенные в лесу, или очистка поля от находившихся в почве негодных веществ, но, кроме этого производительного труда, и расход материала сам по себе является для него, владельца, расходом, поскольку превращенный в одно благо, он не может уже быть использован в производстве другого. Однако это возражение, с хозяйственной точки зрения, основано на фикции, а именно, на превращении юридического отношения, опирающегося на позитивное право, в государственно-хозяйственную основу, в то время как речь идет только об естественных отношениях, вытекающих из этой последней [1]). Ошибка заключается в слове «владелец». Полагают, что юридический владелец леса или участка земли, как таковой, имеет дерево или первоначальные вещества, заключенные в почве, или, иначе, что дерево и первоначальные вещества уже сами по себе являются имуществом и без затраты необходимого для их производства труда являются

---

[1]) Здесь делают такую же ошибку, как и в том случае, когда юридическое понятие владения отождествляют с государственно-хозяйственным, например, когда привилегии и сношения считают хозяйственными благами.

(Прим. автора.)

благами данного владельца. В действительности это можно представить себе только при современных отношениях позитивного права и только с юридической точки зрения. Дело представляется совершенно иначе, когда упраздняется земельная собственность и устанавливается исключительная собственность только на вещи, поступающие, и лишь поскольку они поступают, в настоящее и естественное обладание через посредство труда, т.-е в зависимости от того, признается ли только хозяйственное обладание или допускается также и юридическое. В первом случае дерево и первоначальные материалы, поскольку они не имеют под собой труда, сейчас же выпадают из сферы «принадлежностей» и «обладания». В таких условиях они будут принадлежать владельцу лишь постольку, поскольку он их присвоил посредством действительного труда; благо, поэтому, при допущении такого естественного отношения, стоит человеку не материала самого по себе, а материала лишь настолько, насколько он является продуктом труда, т.-е. сам материал стоит также лишь количество труда, на него затраченного.

Во-вторых: Можно было бы возразить, что установленное положение остается верным лишь до тех пор, пока существует первоначальное отношение человека к миру благ, только до тех пор, пока голый человек противостоит источникам благ—природе и духу, и что оно перестает быть верным с изменением этого отношения, с тех пор как человек начинает экономически прогрессировать и имеет уже запас благ, при посредстве которого он ведет дальнейшее производство, ибо с этого момента блага стоят, кроме труда, также и истраченной части запаса благ. Однако это последующее состояние всегда можно привести к первоначальному. Изолированный человек может иметь запас благ, складывающийся из следующих составных частей:

a) наличный материал,

b) наличные орудия [1]),

[1]) Под орудиями я понимаю такие блага, которые производятся с исключительной целью служить для производства тех благ, которые, собственно, и имеются в виду. Материал, из которого благо сделано, таким образом, сюда не относится. (Прим. автора.)

c) наличные непосредственные блага, на которые человек живет и которые человек потребляет во время производства.

Вопрос сводится теперь к тому: стоит ли благо, кроме непосредственного труда, затрачиваемого на его производство, также и материала, расходуемого при производстве, орудия, поскольку оно при этом изнашивается, и пищи, потребляемой при работе? Относительно первых двух составных частей можно ответить утвердительно; но эта затрата может быть точно сведена к затраченному труду. В отношении последней части следует ответить отрицательно, потому что потребленная пища не может рассматриваться в отношении блага, как расход, затраченный в течение его производства.

ad. a. Очевидно, что материал относится сюда лишь постольку, поскольку он присваивается посредством труда. Что сам по себе материал не может быть отнесен к издержкам производства блага, уже доказано выше. Материал в рассматриваемом случае есть не что иное, как само благо на одной из ступеней его производства до завершения производственного процесса. Ступени эти произвольны. При разделении труда их отделяет друг от друга специализация мастерства, но и до разделения труда всякая необходимая для окончательного изготовления блага работа, произведенная предшествующим трудом, точно так же является материалом по отношению к благу. Это—благо в его становлении. Поэтому и время, затраченное на производство материала, в точности соответствует затрате труда, которого стоил материал, и, следовательно, благо, сделанное из определенного материала, стоит, выражаясь точно, не непосредственного труда по изготовлению блага плюс материал, а этого труда плюс труд, которого стоило производство материала, что означает—настоящий плюс предшествующий труд, т.-е. вообще только труд.

ad. b. С орудиями, полученными человеком от природы—руками, зубами и т. д., он не ушел бы далеко в производстве благ. Человек вооружается, поэтому, искусственными орудиями. Эти искусственные орудия, поскольку человек рождается голым, создаются через посредство труда и стоят

ему только труда. Вопрос теперь заключается в том, стоит ли благо, к производству которого человек приступает с орудиями, кроме непосредственного труда, при помощи которого орудие пускается в ход, также и части орудия, изнашиваемой при производстве этого блага. И ответ гласит: разумеется. Но затрата, заключающаяся в изнашивании орудия, также может быть всегда сведена к труду. Эта затрата равна части всего количества труда, которого стоило орудие, соответствующей проценту изнашиваемости орудия в производстве данного блага. Например: орудие стоило n труда и может служить до полной изношенности для производства o количества блага вида X, на каждое из которых затрачивается m непосредственного труда; тогда стоимость X будет равна $m + \frac{n}{o}$ труда, ибо труд, затраченный на производство орудия, должен рассматриваться как начало труда, которого стоит благо, имеющееся здесь в виду. Приготовление раньше орудия, а затем работа при его помощи являются только лучшим способом производства непосредственного блага, чем обхождение без помощи орудия и прямой приступ к производству блага. А, поэтому, если орудие изготовляется только ради блага, производящегося при его помощи, то труд, которого стоило орудие, или, иными словами, начало труда по производству самого блага, имеющегося в виду, должен быть зачтен: если в с е орудие изнашивается, то зачтен п о л н о с т ь ю, если только ч а с т ь е г о, т о — с о о т в е т с т в е н н о этой части.

ad. c. Установив эти положения и приступая к анализу средств существования, расходуемых во время работы, необходимо признать, что если бы даже они всегда исчислялись как затрата или издержки по производству блага, то и тогда не было бы противоречия в положении, что блага стоят только труда. Но эти затраты не могут быть зачислены в стоимость блага, что становится особенно ясным в условиях первоначальных отношений производства, до разделения труда. Нужно задать только вопрос—производит ли человек блага для жизни или он живет для того, чтобы производить блага? В ответе нельзя сомневаться. Отношения издержек во всяком новом производстве принимают совершенно самостоятельный

характер, ничего общего не имеющий с издержками благ, являющихся результатом производства предыдущего периода.

б) Масштаб стоимости

Если верно, таким образом, что блага ничего не стоят кроме труда, то время представляет собою меру, при помощи которой издержки всякого блага могут быть точно выражены. Одновременно этим даны в обычных долях времени масштабы для точного измерения количества труда в каждом благе и взаимного сравнения количеств различных благ. Ибо время, в течение которого производится благо посредством труда, является итогом издержек производства блага. Приняв эту меру, следовало бы говорить, вместо—это стоит 1 талер, или 4 гроша, или 3 пфеннига, как говорят теперь,—это стоит 1 дня, или 4 часов, или 3 минут. Но и при таком расчете допускается фикция.

Труд в различных производствах различен по своей интенсивности, т.-е. не везде требует одного и того же напряжения сил. А так как сила людей ограничена и может быть восстановлена только посредством отдыха и питания, то и ежедневный труд не может быть в действительности одинаково продолжительным в различных производствах. Но различие в продолжительности не препятствует принимать дневной труд в идее всюду равным и разделять его затем на равные части. Ведь и теперь говорят, как об определенной величине, о полном дневном труде, хотя в одном производстве работают только восемь часов, а в другом—двенадцать. Рабочий день, принимаемый в своей эффективности повсюду равным, должен быть, поэтому, разделен на равное количество рабочих часов и рабочих минут,—разделение, не совпадающее с действительно прорабатываемыми рабочими часами, но уничтожающее неравенство труда по его интенсивности, а поэтому, и необходимое для сравнения издержек на различные блага.

Резюме. Стоимость есть значение вещи в отношении других по количеству, значение, принимаемое как мера. Это значение по природе своей является реальной стоимостью.

Для того, чтобы измерить определенную стоимость (определенную меру), то-есть определить и оценить ее самое, необходим масштаб стоимости. Такой масштаб стоимости по своему содержанию есть не что иное, как приведенная к единству и ясности часть самой стоимости. Однако такой масштаб стоимости не только трудно внешне представить, но он и не может быть одним и тем же для различных положений (Zustände), в которых выражаются различные потребности. И на деле в важнейших случаях такой «масштаб стоимости» не нужен, и, сверх того, его нельзя было бы даже употреблять в большинстве случаев, для которых он и отыскивался. Его отыскивают с намерением сравнивать стоимости различных благ в одно и то же время и одного положения. Но для этого необходимо лишь общее выражение, которое само должно быть опять-таки мерой, содержащей в своих частях свои собственные масштабы. И такое выражение может затем употребляться для сравнения стоимостей, если оно (для одинакового положения и для одного и того же времени) соответствует им, не измеряя непосредственно стоимости благ, оно всегда определяет их по себе, всегда соответствует стоимости, со всяким изменением ее само меняется и, таким образом, во всяком своем значении определяет соответствующую стоимость. Это, по существу, суррогатная мера стоимости [1]). Вопрос заключается теперь в том,— что наилучшим образом может служить этой цели? Ответ: без сомнения то, что обладает наибольшими гарантиями всегда наивернейшим образом соответствовать реальной стоимости благ. Благородные металлы имеют, как известно, тот недостаток, что изменяются условия, на основании которых определяются их цены. Труд, напротив, сам является естественным основанием для определения цен всех благ. Если предположить, поэтому, что благодаря случаю или принятым мерам количественное отношение, по которому блага обмениваются друг на друга, постоянно определяется равным ко-

---

[1]) Обычно называют номинальной стоимостью не стоимость серебра, но выраженную в монетах стоимость благ. Было бы лучше сохранить этот термин для стоимости, выраженной в суррогатной мере, следовательно, как раз для выраженной в серебре стоимости. Вопрос тогда сведется к тому, что именно является наилучшим выражением номинальной стоимости благ.

личеством труда, заключенным в обмениваемых благах,—другими словами, что благо А обменивается или стоит только такого количества блага В, какое определяет заключающееся в них обоих равное количество труда, или, еще иначе, что благо, заключающее в себе n труда, обменивается только на благо, заключающее в себе также n труда,—то труд не только может быть употреблен в качестве суррогатной меры для определения стоимости благ, но он даже выполняет эту функцию лучше благородных металлов, ибо он [1]) не подчиняется никаким изменениям в цене и остается всегда равной самой себе мерой издержек производства благ. При сделанном допущении труд выполняет эту функцию столь совершенно, как только ее может выполнять благо, само по себе не подчиненное никаким изменениям в цене. Труд наилучшим образом выполняет также (опять-таки при сделанном предположении) и все остальные задачи, которые стремятся осуществить при помощи «масштаба стоимости».

в) Стоимость потребительная, меновая и рыночная [2])

Если в обществе существует собственность на землю и капитал, и если при этом разделение труда предоставлено самому себе, то распределение национального продукта происходит при этих условиях в форме менового оборота. Единичный меновой акт заключается в том, что А отдает В продукт, представляющий для него меньшую стоимость, в данном случае потребительную стоимость, в обмен на другой продукт, который имеет для него большую потребительную стоимость. Тот же мотив действует и у В. Таким образом совершается обмен известного количества обоих продуктов. Значение, которое через это один продукт приобретает в отношении другого и которое может быть измеряемо обмениваемым количеством другого про-

---

[1]) Само собой понятно, что здесь имеется в виду не труд, представляемый поденной платой, но труд, как мера, по которой определяются издержки производства благ. (Прим. автора.)

[2]) Из „Zur Beleuchtung d. soz. Frage T. I, 2 soz. Brief“.

дукта, называется точно так же стоимостью, но уже здесь меновой стоимостью. Отсюда обмен представляется связью, в которой каждый производит потребительные стоимости для другого и потому получает эквивалент от другого, а меновая стоимость есть не что иное, как потребительная стоимость для других, которая получает свой эквивалент. Поэтому можно называть меновую стоимость также общественной потребительной стоимостью. Признание стоимости меновою предполагает тем самым признание ее общественной потребительной стоимостью.

Меновая стоимость выражает вместе с тем меру вознаграждения, которую получает каждый из обменивающихся. Если предположить, что каждый из обменивающихся производит всегда как раз ту потребительную стоимость, в какой нуждается другой при удовлетворении последовательного ряда своих потребностей, то это вознаграждение было бы только тогда справедливым, когда оно соответствовало бы пожертвованию, издержкам, тому количеству производительной силы, которое каждый из обменивающихся затратил на производство потребительной стоимости для другого. Это имело бы место тогда, когда обмениваемый продукт заключал бы в себе одинаковое пожертвование, столько же издержек, ту же самую затрату производительной силы, другими словами, когда меновая стоимость совпадала бы с суммой издержек, когда в обмениваемых продуктах обменивались бы равные суммы издержек. Труд есть первоначальное пожертвование, первичные издержки, первая и последняя производительная сила, которая затрачивается во всех продуктах. При выше приведенном предположении меновая стоимость продуктов должна бы быть, при справедливом вознаграждении в обмене, равна тому количеству труда, которого они стоили, и в продуктах должны были бы всегда обмениваться равные количества труда. И труд, как бы различен он ни был или ни казался в различных производствах, допускает уравнение и измерение по результату и по времени—рабочим дням и рабочим часам. Однако ясно, что при отсутствии ука-

занного предположения такое вознаграждение не могло бы иметь притязаний на справедливость, а справедливость не могла бы требовать этой меры вознаграждения; ибо если А не производит необходимой для В потребительной стоимости, если он затрачивает, таким образом, без надобности известное количество производительной силы, то как может он требовать от В выдачи ему вознаграждения, как будто бы он осуществил указанное выше предположение? И в изолированных меновых случаях это предположение осуществилось бы менее всего. Здесь мера вознаграждения, меновая стоимость, будет зависеть от настоятельности потребности и от запаса продукта у каждого из обменивающихся лиц, т.-е. от индивидуального спроса и предложения. Если мы допустим, что указанное предположение имеет место, то кроме него должен был бы всегда существовать правильный расчет, уравнение и установление заключающихся в обмениваемых продуктах количеств труда, и должен бы существовать закон, которому подчинялись бы обменивающиеся лица, так как здесь идет дело о человеческом познании и человеческой воле.

Меновая стоимость становится рыночной стоимостью, когда меновой оборот становится правилом в силу того, что каждый участник производит только потребительные стоимости для других, общественные потребительные стоимости или меновые стоимости, и в силу того, что устанавливается уже разделение труда—та твердая общественная связь, при которой один работает для всех и все для одного. В изолированных, случайных меновых актах может быть речь только о меновой стоимости единичного продукта, обмениваемого на другой единичный продукт, при чем эта стоимость находится под влиянием индивидуального спроса и предложения. Рыночная стоимость есть меновая стоимость, которую каждый продукт имеет по отношению ко всем обмениваемым в обороте продуктам и которая находится под влиянием общего спроса и предложения конкурентов. Существование рыночной стоимости облегчается вмешательством особого продукта, предназначенного исключительно для обмена преимущественного рыночного товара, который выра-

жает рыночную стоимость всех прочих благ, именно благородных металлов. Всякий обменивает свой продукт сначала на этот преимущественный рыночный товар, именно на золото или серебро, и уже полученное количество этого рыночного товара обменивает на нужную ему потребительную стоимость. В обыденной жизни говорят,—он продает и покупает,—следовательно, обмен распадается на два акта. Таким путем золото и серебро выполняют функцию денег, которые по своей идее отнюдь не являются рыночным товаром. Сущность денег сводится скорее только к тому, что они являются удостоверением рыночной стоимости, отданной кем-либо в его обмененном продукте, удостоверением, которое он в свою очередь может реализовать, как ассигновку на такую же рыночную стоимость...

Хотя рыночная стоимость в предоставленном самому себе обороте и находится под изменчивым влиянием всеобщего спроса и предложения, но все-таки она тяготеет к затраченной на создание продукта производительной силе, к издержкам производительной силы; она неизменно стремится обеспечить справедливое вознаграждение. Ибо эгоизм при наличности конкуренции поведет к тому, что никто не будет долго получать за меньшее количество затраченной производительной силы большее ее количество в обмененном продукте, так как каждый стал бы стремиться к такому выгодному производству, пока опять не восстановилось бы равновесие и пока в обмениваемых продуктах опять не стали бы обмениваться равные затраты производительной силы, равные издержки, равный труд. Однако движение действительного рынка, подобно движению маятника, всегда будет отклоняться в обе стороны от этой точки покоя, хотя школа Рикардо, которая более всего пошла по стопам Адама Смита, приняла это простое стремление уже за достижение и обосновала все свои дальнейшие дедукции на предположении того, чего в действительности не существует. То, что Рикардо предполагает осуществившимся, еще только должно иметь место и составляет одну из величайших и важнейших в практическом отношении национально-экономических идей. В естественном государственном праве со-

циальный договор рассматривался первоначально как исторический факт, лежащий позади, пока более правильное понимание не признало в нем только идею, согласно которой должны регулироваться индивидуальные права и обязанности, т.-е. нечто, реализуемое по своему существу в будущем; подобно этому, совпадение меновой стоимости продуктов с количествами труда, которых они стоили, не есть факт, но одна из грандиознейших экономических идей, которые когда-либо стремились осуществить. Тем не менее, этот закон тяготения ведет уже в настоящее время к тому, что в общем рыночная стоимость продуктов находится в обратном отношении к производительности, т.-е., если с той же затратой производительной силы создается вдвое больше продукта, то же количество продукта падает вдвое в своей рыночной стоимости.

Каждый обладает такой покупательной силой, какую рыночную стоимость он имеет. Насколько каждый обладает покупательной силой, настолько потребительную стоимость он может превратить в процессе менового оборота в рыночную стоимость. В меновом строе, поэтому, потребительной стоимости, которую каждый производит для общества, должна противостоять покупательная сила, иначе эта потребительная стоимость не может превратиться в руках производителя в рыночную стоимость и не может быть полезной никому в обществе, так как не влечет за собой вознаграждения. Следовательно, производители в меновом строе могут производить потребительную стоимость всегда только соответственно наличной в обществе покупательной силе. Когда существует собственность на землю и капитал, настоящие производители, рабочие, не могут вообще ничего сказать относительно характера и размера производства, которые всецело зависят от воли quasi-производителей, собственников «производительных фондов». Поэтому в меновом строе и собственники производительных фондов могут привести их в движение только в той мере, в какой покупательная сила общества оплачивает им продукты.

Глава третья

ТЕОРИЯ РЕНТЫ

а) Теория поземельной ренты Рикардо [1])

Особенностью теории поземельной ренты Рикардо является положение, что поземельная рента состоит только в большем чистом доходе, только в большей прибыли (Mehrgewinn), которую дает капитал, вложенный в производство сырья при более благоприятных условиях производства, по сравнению с капиталом, приложенным в самых неблагоприятных условиях, но необходимым еще для покрытия потребности, в большей прибыли, которая неизбежно должна достаться собственнику земли. Это положение не может быть обособлено от другого, согласно которому капитал, приложенный при самых неблагоприятных условиях производства, может давать только заработную плату и обычную прибыль на капитал, но никогда—поземельную ренту, ибо, если бы такой капитал давал ренту, то этот больший доход с капитала, вложенного при более благоприятных условиях, составил бы бо́льшую поземельную ренту, а не поземельную ренту вообще. Происхождение поземельной ренты в таком случае совершенно не было бы объяснено теорией Рикардо, и последняя перестала бы быть теорией поземельной ренты, так как она объясняла бы только, почему образуется бо́льшая поземельная рента, но не то, почему вообще получается поземельная рента. Поэтому Рикардо вполне определенно высказывается, что капитал, вложенный в производство сырья для покрытия потребности при самых неблагоприятных условиях, не дает поземельной ренты, и английские экономисты справедливо видят в доказательстве этого принципа главное доказательство всей теории Рикардо.

Я повторяю, что сущность теории Рикардо и заключается исключительно в этом положении, а не в различии естественного плодородия почвы. Это различие есть факт, который может быть связан со всякой иной тео-

---

[1]) Из „Zur Beleuchtung d. soz. Frage", T. I, 3 soz. Brief“.

рией поземельной ренты, факт, который оставался бы налицо и в том случае, если бы последний самый неплодородный из обрабатываемых участков давал поземельную ренту, чего теория Рикардо как раз и не могла бы объяснить. Равным образом эта теория могла бы существовать при отсутствии разницы в плодородии, так как она приравнивает к переходу к более неплодородной почве случай последующего приложения сельскохозяйственного капитала и, следовательно, претендует на свою действительность также в стране с одинаково плодородной почвой.

Одно то положение, что поземельная рента есть *только* бо́льшая прибыль, создаваемая для более благоприятных предприятий той ценой, какая делает возможным самые неблагоприятно поставленные предприятия, необходимые для покрытия потребности,—является критерием его теории, ибо именно это положение Рикардо и стремится доказать для всякой поземельной ренты, как земледельческой, так и горной, в то время как в остальном по его собственной системе, как я это выясню далее, обе названные ренты представляют величайшее различие. Достаточно сослаться на 24-ю главу его «Начал», в которой он подробно выясняет это, критикуя мнение Адама Смита...

Позвольте мне, однако, прежде чем я углублюсь в самый предмет, предпослать два-три общих соображения, которые издавна вызывали во мне недоверие к этому ослепительному учению. Стараются часто несколько смягчить ту неприязнь, которую люди питали в прежнее время к поземельной собственности и поземельной ренте, благодаря пристрастию к собственности на капитал и прибыли на капитал. Я буду иметь так много случаев для суровой оценки вообще собственности, дающей ренту—собственности как на землю, так и на капитал, что позволю себе взять под защиту поземельную собственность и поземельную ренту против несправедливых нападок.

Прежде всего следует раскрыть одно противоречие в теории Рикардо. Эта последняя приравнивает в вопросе об уменьшающейся производительности земледелия переход к более удаленной от места потребления земле к переходу к менее плодородной земле; другими словами, доставка одно-

го шеффеля хлеба должна становиться дороже как в силу удаленности земли от места потребления, так и в силу меньшего плодородия почвы. Я оставляю это положение пока без рассмотрения и покажу уже дальше, что оно терпит значительные ограничения. Во всяком случае, при большей отдаленности участка следует предполагать равное или меньшее плодородие и при меньшем плодородии равное или большее расстояние; без этого предположения при большей отдаленности могла бы обрабатываться более плодородная земля, и легко могло бы случиться, что большее плодородие с избытком уравновесило бы более значительное расстояние, и, таким образом, переход к более отдаленному участку повел бы как раз к большей производительности; если бы последнего не произошло, то менее плодородная земля могла бы быть возделана в большей близости к месту сбыта, и опять легко могло бы случиться, что большая близость перевесила бы влияние меньшего плодородия, и, таким образом, переход к менее плодородной почве привел бы к большей производительности. Если бы вся почва на земном шаре была одинаково плодородна или если бы вся земля была равно удалена от своих центров сбыта, то подобное парализование различия в расстоянии и различия в плодородии было бы невозможно, ибо тогда существовало бы всегда только о д н о различие. При одновременном существовании этих двух различий влияние их взаимно парализуется, и как бóльшая отдаленность, так и меньшее плодородие должны вести к меньшей производительности только в том случае, если возделывание на более отдаленном расстоянии не совпадает с более плодородной почвой и возделывание менее плодородной земли не происходит в большей близости; другими словами, только при том условии, если центр сбыта находится в самом плодородном пункте земного шара и вся земля расположена вокруг этого места сбыта такими концентрическими кругами, которые по мере приближения к нему становятся равномерно плодороднее, а по мере удаления—равномерно неплодороднее. Однако земля далеко не везде одинаково плодородна и далеко не одинаково отстоит от своих центров сбыта, равно как при одновременном существовании этих двух различий земля не располагается таким образом, чтобы оба различия

друг друга парализовали. Наоборот, все эти условия представляются по отношению к действительности абсурдом. Существует не только различие плодородия почвы и различие ее расстояния от мест потребления, но более плодородная и менее плодородная земля рассеяна беспорядочно одна рядом с другой, и центры сбыта находятся столь же часто близ менее плодородной земли, как и близ более плодородной. Поэтому прямо невозможно, чтобы в действительности бóльшая отдаленность или меньшее плодородие одновременно влияли на уменьшение производительности. Оба эти фактора должны очень часто, при одновременном существовании, взаимно уничтожаться в приписываемом им воздействии до тех пор, пока вообще существует на земном шаре еще невозделанная земля. В действительности эта аргументация подтверждается повседневным опытом; мне достаточно напомнить об американском и русском хлебе, который издалека оказывает давление на английский рынок,—и теория Рикардо, таким образом, становится недействительной на целые столетия, которые пройдут, пока не будет обработана вся земля на нашей планете.

Затем я хочу предъявить собственности на капитал одно обвинение, которое хотят возложить только на поземельную собственность. «Общество,—говорит фон-Кирхман,—употребляло доселе для своего пропитания по 200 миллионов шеффелей зерна ежегодно; между тем общество увеличилось на 100.000 человек, благодаря благословению божьему и искусству врачей. Поэтому оно нуждается еще в одном миллионе шеффелей зерна в придачу к упомянутым 200 миллионам. Этот новый миллион шеффелей должен быть получен или с худшей земли, или при помощи увеличенного капитала по сравнению с 200 миллионами; он стоит поэтому относительно большего капитала и труда, чем последние; один шеффель в этом миллионе стоит 1 тал. 5 зильбергр., тогда как в первых 200 миллионах—1 талер. И общество, конечно, охотно готово заплатить за них эту прибавку в 1 миллион монет по 5 зильбергрошей, что составляет 166.666 талеров. Однако, получатель ренты (Rentner) говорит: нет! Не только последний миллион шеффелей, которые одни обходятся дороже, должен иметь эту более высокую цену, но и все преж-

ние 200 миллионов шеффелей должны быть оплачены обществом по этой повышенной цене; вместо 166.666 талеров общество должно заплатить нам прибавку в 33½ миллиона талеров—и общество послушно исполняет это приказание». Сущность этого обвинения заключается в том, что потребители должны уплачивать цену, которая делает возможным самое непроизводительное, но необходимое для покрытия потребностей сельскохозяйственное предприятие, также и за продукт всех более производительных предприятий, и что, таким образом, предприниматели последних или собственники земли, на которой они ведутся, получают прибыль, которая им по справедливости не принадлежит. Между тем, эта вина падает не только на сельское хозяйство, но и на все промышленные предприятия. И промышленные предприятия, которые покрывают определенную национальную потребность, нигде не ведутся при одинаково благоприятных условиях, притом эти условия очень часто совсем не связаны с основным капиталом, так что образующаяся через это прибавочная прибыль должна бы принять характер поземельной ренты. Укажу на широкую область промышленных секретов в методах производства, а также на различие заработной платы. Правда, конкуренция стремится здесь уравнять разницу в прибыли с гораздо большим успехом, чем там, где эта разница вытекает из различия естественных сил, и, действительно, достигает цели, однако, только до тех пор, пока новые промышленные секреты не разрушат только-что достигнутого равенства. Тем не менее, во всех подобных промышленных предприятиях имеет силу закон, по которому цена наименее производительных предприятий, необходимых для покрытия общественной потребности, нормирует цену и всех более производительных, так что владельцы промышленных предприятий получают такую же несправедливую прибавочную прибыль, какую получают землевладельцы, владеющие более плодородной землей. Конечно, в промышленности развитие производительности иное, чем то, какое имеет место, по мнению Рикардо, в производстве сырья. Там производительность непрерывно возрастает, здесь она непрерывно падает. Там цены постоянно п а д а ю т, здесь они должны постоянно п о в ы ш а т ь с я. Там потреби-

тель легче, надо думать, примиряется с указанным законом, чем здесь. Однако, природа этого закона отнюдь не изменяется предполагаемым различным развитием производительности, и давление, которое чувствуется резче там, где производительность уменьшается, вытекало бы не из этого закона, но из уменьшающейся производительности, не из поземельной собственности, но из сельскохозяйственного труда...

Рикардо признает весь продукт продуктом одного труда и основывает стоимость и цену продукта на причине, не касающейся высоты заработной платы и частей ренты, именно на количестве труда, необходимом для создания продукта. Однако и он не делит готового продукта между участниками, но считает, подобно прочим экономистам, сельскохозяйственный и промышленный продукты особыми продуктами, подлежащими самостоятельному разделению.

Собственность на капитал представляется ему наперед данной, и притом даже раньше, чем собственность на землю; не анализируя влияний этого права, он молчаливо предполагает, что именно эти влияния и вызывают разделение продукта труда. Таким образом, он начинает исследование не с причин, а с факта разделения продукта, и вся его теория ограничивается причинами, которые определяют и видоизменяют условия разделения продукта.

Исходный пункт, который Рикардо принимает при выяснении этих условий, таков. Разделение продукта только на заработную плату и прибыль на капитал представляется ему первоначальным, и притом первоначально единственным. Естественно, что это разделение и остается у него единственным для промышленного продукта; наоборот, для сельскохозяйственного продукта оно остается только до тех пор, пока возделывается земля самого плодородного качества. Он представляет себе при этом колонистов, снабженных капиталом, перед невозделанной и неприсвоенной землей; колонисты, по его теории, возделывают сначала самую плодородную землю и делят созданный продукт только между собой, как владельцами капитала и рабочими, «так как никто не стал бы платить ренту за пользование землей, которая может быть получена даром при таком же качестве,

точно так же, как не стал бы платить за пользование воздухом и водой». Когда затем, вследствие увеличивающегося населения, возрастающая потребность заставляет обратиться к возделыванию следующей по степени плодородия земли и когда последняя приносит при затрате одинакового количества труда только 90 шеффелей, в то время как самая плодородная земля давала 100 шеффелей, «то,—говорит Рикардо,—возникает рента на участке № 1, так как тогда либо должны существовать две различных нормы прибыли на сельскохозяйственный капитал, что представляется невозможным, либо плюс с № 1 должен быть отнесен к другой категории понятий и может быть только поземельной рентой». Согласно Рикардо, поземельная рента образуется в результате каждого дальнейшего перехода к менее плодородной земле благодаря прибавочному продукту, который приносит ближайшая более плодородная категория земли при приложении равного количества труда, и, кроме того, эта поземельная рента увеличивается на еще более плодородных категориях земли; вся эта часть сырого продукта, превосходящая доход менее благоприятных предприятий, выделяется им, как поземельная рента, и только остаток, остающийся за вычетом этой части в более благоприятных предприятиях, и все количество сырого продукта, равное этому остатку, в наименее благоприятных предприятиях, равно как весь промышленный продукт составляют для него те части национального продукта, стоимость которых подвергается разделу между рабочими и капиталистами в качестве заработной платы и прибыли. Рикардо выражается по этому поводу так: «Ни арендатор, обрабатывающий наименее благоприятную категорию земли, или ту, которая регулирует цену сырого продукта, ни ремесленник, ни фабричный предприниматель не жертвуют частью своей прибыли в виде ренты. Вся стоимость их продукта делится только на две части, из которых одна образует прибыль на капитал, а другая—заработную плату». В то же время он признает, что поземельная рента повышается еще и по другой причине. Часть сырого продукта, выделяемая для образования поземельной ренты, выигрывает также от повышения стоимости, происходящего вследствие перехода к менее про-

изводительным предприятиям, и поземельная рента растет при каждом дальнейшем переходе к менее плодородной земле не только по количеству продукта, но и по стоимости. Отсюда Рикардо различает денежную и хлебную поземельную ренту, не разумея под первой такую ренту, которая определяется изменением в стоимости денег, и вообще не прослеживая далее влияния повышения стоимости продукта, образующего поземельную ренту, на прибыль на капитал.

Законы, по которым должно происходить разделение прочего продукта на заработную плату и прибыль, таковы. Конкуренция ведет прежде всего к тому, что прибыли во всех предприятиях по своей высоте одинаковы, или находятся в одинаковом отношении к приложенному капиталу. Наоборот, условия деления продукта на прибыль и заработную плату, или высота прибыли, определяются долей, какую занимает в стоимости продукта заработная плата, или высотой заработной платы. Высота этой заработной платы зависит в конце концов от того же основного закона, который вызывает возникновение и рост поземельной ренты, от уменьшающейся производительности сельскохозяйственного труда и вытекающего отсюда повышения стоимости благ, входящих, главным образом, в состав заработной платы, както пищи и пр. Вследствие этого, заработная плата должна постоянно поглощать все большую часть стоимости того продукта, который поступает в раздел между рабочими и капиталистами, и оставляет все меньшую часть для капиталиста «до той границы, пока заработная плата не поглотит весь доход арендатора и через это не поставит конец накоплению капитала». Ибо тогда никакой капитал не может более давать прибыли, никакой новый спрос на труд не может возникать и население должно достигнуть своего крайнего предела. В действительности, однако, уже задолго до этого крайне низкая норма прибыли приостановит накопление капитала, так что весь национальный продукт после вычета заработной платы окажется принадлежащим землевладельцам, собственникам десятины и сборщикам налогов.

Таковы основные черты теории Рикардо, которые неразрывно связаны со взглядом, что последняя возделанная земля или последний приложенный сельскохозяйственный

капитал не дает поземельной ренты, а дает только прибыль на капитал.

Но, как я думаю, теперь уже можно установить ошибочность этого взгляда. Развитая мною теория ясно показала, что, при предположении достаточной производительности труда, должна всегда получаться поземельная рента, раз только сырой продукт реализуется по количеству затраченного труда, и что если при указанном предположении не получается поземельной ренты, но весь доход, остающийся за покрытием заработной платы, составляет прибыль на капитал, то это может произойти только от падения стоимости сырого продукта ниже нормальной стоимости. Теперь, полагаю я, может быть доказано, что Рикардо, утверждая, будто поземельной ренты не получается, пока обрабатывается только самая плодородная земля, впадает в противоречие с собственным своим основным принципом, что каждый продукт, в том числе и сырой продукт, реализуется по количеству затраченного труда.

Позвольте мне выяснить еще раз это противоречие.

Я предположу вместе с Рикардо, что сначала возделывается только земля самой плодородной категории, принимая притом, что сырой продукт, получаемый с этой земли, равно как и промышленный продукт реализуются по затраченному на них труду. В таком случае будет ясно, что в е с ь продукт, созданный в производстве сырья *и* в промышленности, имеет стоимость, равную стоимости сырого продукта + стоимость промышленного продукта, и что, следовательно, если владельцы сырого или промышленного продукта реализуют его, то стоимость всего продукта должна быть разделена между этими владельцами в точности пропорционально стоимости обеих частей продукта. Предположим теперь, что сырой продукт имеет ту же стоимость, как и промышленный продукт, так как тот и другой созданы одинаковым числом рабочих, и что из меновой стоимости сырого и промышленного продукта должна быть употреблена одинаковая часть на возмещение капитала и на заработную плату как в производстве сырья, так и в промышленности; ясно, что там и тут для владельцев останется одинаковая часть стоимости в качестве дохода. Владелец промышленного продукта рас-

считывает эту остающуюся ему часть стоимости, как проценты на приложенный им капитал, а этот расчет устанавливает общую норму прибыли, по которой высчитывает проценты на затраченный капитал также и владелец земли, как владелец сырого продукта. Однако, так как промышленные работы могут быть выполнены только над сырым продуктом, и владелец промышленного продукта должен купить себе этот сырой продукт, в промышленном капитале должна заключаться еще стоимость всего сырого продукта, как стоимость материала, в то время как в капитале, приложенном к производству сырья, такая стоимость отсутствует, так как то, что является в производстве сырья аналогичным материалу в промышленности, именно земля, предполагается даровым. Наоборот, часть стоимости, остающаяся в виде ренты, как там, так и здесь одинакова. Ясно также, что норма прибыли, высчитываемая в промышленности, не может поглотить в производстве сырья всей чистой части стоимости в качестве прибыли на капитал, и потому должна остаться в излишке часть, которая приходится в виде поземельной ренты на долю только землевладельца, как такового. Если принять, что стоимость сырого и промышленного продукта различна, потому что тот и другой стоили не одинакового труда, то при реализации продуктов по затраченному труду получится всегда тот же самый результат, ибо стоимость сырого продукта, присчитываемая к промышленному капиталу, понижает норму прибыли, действующую также и в производстве сырья, таким образом, что от получаемой в производстве сырья ренты должна всегда оставаться часть после покрытия суммы необходимой прибыли на капитал.

Таким образом, здесь совершенно ясно доказано, что если даже возделывается только земля первой категории, но сырой продукт реализуется по затраченному труду, то, на-ряду с равными прибылями на капитал в сельском хозяйстве и в промышленности, должна всегда получаться и поземельная рента.

Рикардо хочет доказать из принципа равенства прибылей на капитал, что, пока возделывается только земля первой категории, не может получаться никакой поземельной

ренты, так как он предполагает, что при свободно занимаемой земле непрерывно прилагается в сельское хозяйство новый капитал до тех пор, пока упавшая цена сырого продукта не оставит никакой иной ренты, кроме прибыли на капитал, а затем он хочет вывести происхождение поземельной ренты из нового повышения стоимости сырого продукта, допускающего возделывание следующей по плодородию категории земли; однако, это может быть верно только при предположении, что стоимость сырого продукта была первоначально понижена конкуренцией ниже своей нормы, т.-е. не имела стоимости, равной затраченному труду. Следовательно, учение Рикардо о поземельной ренте либо противоречит основному принципу всей его теории, именно тому положению, что каждый продукт реализуется сообразно количеству труда, которого он стоил, либо, при сохранении этого положения (так как только из него и может быть, в действительности, выведена последовательная теория разделения стоимости национального продукта), его теория поземельной ренты оказывается неверной, и теория ее может быть построена только так, как это сделал я...

Рикардо впадает в заблуждение только потому, что он, подобно прочим экономистам, рассматривает сельскохозяйственный и промышленный продукты каждый в отдельности, как продукт, составляющий доход, и потому подвергает каждый из них особому процессу раздела. Он пришел бы к совершенно иным заключениям, если бы заметил, что разделение сельскохозяйственного и промышленного продуктов каждого особо происходит в действительной жизни только *повидимому*, так как на самом деле здесь подвергается разделу с т о и м о с т ь сырого и промышленного продукта, если бы он далее заметил, что сырой и промышленный продукты имеют самостоятельно только эту с т о и м о с т ь, так как одно производство присоединяется к другому, и поэтому имеет место по существу всегда разделение ц е л о г о г о т о в о г о п р о д у к т а, или национального продукта. Теперь можно сказать, что вся его система ошибочна, так как из этой первой ошибки он вывел с величайшей последовательностью только целый ряд других ошибок. Тем не менее, он первый сделал попытку,—и в этом заключается выдающееся

значение его системы,—объяснить из положения о равенстве стоимости продукта с затраченным трудом все разнообразие современных экономических явлений; хотя эта попытка в общем представляется неудавшейся, однако, он впервые пришел к важному выводу, что, по основным законам предоставленного самому себе оборота, цена продукта совершенно не затрагивается высотой заработной платы и прибыли на капитал, что изменения, напр., заработной платы касаются не потребителей, а только предпринимателей и рентьеров, прибыли и ренты которых при падении заработной платы только повышаются, а при повышении заработной платы понижаются. С этими двумя положениями связан, на мой взгляд, весь дальнейший прогресс экономической науки и, как бы безграничен этот прогресс ни был, ни один из будущих историков нашей науки не вправе будет игнорировать труда Рикардо, как одного из важнейших поворотных пунктов науки.

б) Общие положения, лежащие в основе верной теории ренты [1])

Первый прнцип тот, что все хозяйственные блага составляют продукт труда, или, как можно выразиться иначе, что один труд производителен...

Вторая истина заключается в том, что поземельная рента, прибыль на капитал и заработная плата составляют *доход*. Следует поэтому остерегаться одного представления, которое широко распространено среди экономистов, но которое заключает в себе существенную ошибку и породило сотню других заблуждений в учении о поземельной ренте и о прибыли на капитал: нельзя рассматривать поземельную ренту, или прибыль на капитал, или даже заработную плату. которые получаются при разделении труда в одних сельскохозяйственных предприятиях, как продукт одного сельскохозяйственного труда, а прибыль на капитал и заработную плату, получаемые в промышленных предприятиях, как результат одного промышленного труда. Поземельная рента, прибыль на капитал и заработная плата,

---

1) „Zur Beleuchtung....“.

повторяю я, составляют доход. Землевладельцы, капиталисты и рабочие хотят жить этим доходом, т.-е. удовлетворять им свои непосредственные человеческие потребности. Блага, которые получаются в виде дохода, должны быть к тому пригодными. Однако, ни сельскохозяйственный, ни промышленный труд в отдельности не создают таких благ. Первый создает только сырой продукт для них; промышленный труд может оставить свои особенные следы только на сыром продукте; оба вида труда должны необходимо соединиться для того, чтобы создать благо, способное удовлетворить человеческой потребности, т.-е. быть доходом. Изолированный хозяин, который возделывает зерновые хлеба, имеет сначала зерно, но еще не печеный хлеб. Для того, чтобы зерно стало доходом, готовым хлебом, должен присоединиться еще труд помола и печения. А труд помола и печения, в свою очередь, предполагает опять-таки сельскохозяйственный труд, который произвел зерно. Поземельная рента, прибыль на капитал и заработная плата составляют, конечно, части общественного дохода, на которые этот доход распадается в силу известных оснований и по известным законам, а общественный доход создается, конечно, при разделении труда. Однако через это не изменяется ни природа дохода, ни результат сельскохозяйственного и промышленного труда. Вследствие того, что при разделении труда одни предпринимают сельскохозяйственные работы, а другие выполняют промышленный труд, дело не изменяется в том направлении, что первые создают только сырой продукт, а вторые—только результат их особенного труда, и точно так же доход землевладельцев, капиталистов или рабочих не является специфически иным. Сельскохозяйственный труд создает как для землевладельца, так и для капиталиста и для рабочего только сырой продукт, но еще не доход. Подобно тому, как у изолированного хозяина к сельскохозяйственному труду должен присоединиться еще промышленный и первый должен предшествовать второму, и в обществе с разделением труда к сельскохозяйственному труду должен прибавиться промышленный и один должен соединиться с другим для того, чтобы создать общественный доход. Общественный доход в такой же мере составляет продукт

только этого разделенного труда в совокупности, как индивидуальный доход изолированного хозяина является продуктом только им выполняемого сельскохозяйственного *и* промышленного труда. Если же поземельная рента и прибыль на капитал суть не более как только части общественного дохода, если, далее, этот доход составляет постольку же продукт промышленного труда, поскольку и сельскохозяйственного, то промышленный труд содействует созданию поземельной ренты, а сельскохозяйственный труд—созданию прибыли на капитал, и поземельная рента, прибыль на капитал и заработная плата создаются не исключительно тем или другим видом труда, но все вместе—соединением этих различных категорий труда. Следовательно, разделение общественного дохода на поземельную ренту, прибыль на капитал и заработную плату происходит не в процессе производства, как воображают все экономисты, выводящие поземельную ренту исключительно из сельскохозяйственного труда, но только в процессе распределения продукта, созданного совокупным действием указанных различных видов труда. Сельскохозяйственный труд доставляет только сырой продукт, *стоимость* которого дает поземельную ренту или прибыль на капитал, или то и другое вместе, и определяет долю, какую владелец и продавец сырого продукта получают в доходе, состоящем из благ, созданных взаимодействующим трудом сельских хозяев и промышленников; эта доля, если она превышает, как я покажу далее, обычную заработную плату и прибыль на капитал, заключает в себе также и поземельную ренту; сырой продукт имеет указанную стоимость только потому, что промышленный труд действует совместно с сельскохозяйственным для приведения блага в окончательный вид. Точно так же промышленный труд создает только свой особенный результат, т.-е. равным образом только часть выполняемого продукта, *стоимость* которой, в свою очередь, определяет *долю*, получаемую владельцем и продавцом этого результата из продукта различных взаимодействующих видов труда; эта доля,—как я также покажу далее,—после вычета заработ-

ной платы всецело рассчитывается на употребляемый в производстве капитал, как прибыль. Итак, только постольку, поскольку сельскохозяйственный труд определяет стоимость сырого продукта, он определяет величину той части общественного дохода, созданного взаимодействующим трудом производства сырья и его промышленной переработки, которая может быть при известных условиях поземельной рентой; точно так же промышленный труд определяет только величину части этого общественного дохода, которая за вычетом заработной платы может быть еще прибылью на капитал. Однако стоимость особых результатов этих различных видов труда не есть еще самый доход, поступающий его владельцу, но только масштаб для ликвидации. Этот относительный доход есть часть общественного дохода, который создается исключительно взаимодействующим трудом в сельском хозяйстве и промышленности, части которого, следовательно, тоже создаются лишь путем этого взаимодействия. Экономисты обнаружили мало понимания основного хозяйственного отношения, именно разделения труда, раз они иначе представляли себе отношение поземельной ренты, прибыли на капитал и заработной платы к общественному доходу.

Предпослав эти замечания, я могу теперь перейти к тем фактам, на которых покоится рента, ибо происхождение поземельной ренты не может быть объяснено без происхождения прибыли на капитал, так как та и другая составляют части ренты вообще, точно так же, как заработная плата и рента вообще составляют части общественного дохода.

В силу каких оснований, спрашиваю я, несмотря на то, что всякий доход есть только продукт труда, в обществе получают доход лица, которые не ударили пальцем о палец для его создания? Таких лиц существует, без сомнения, бесчисленное множество, целые классы. Судья, который отправляет правосудие в обществе, врач, который лечит болезни, учитель, который наставляет юношество, получают доход, для производства которого они не прилагали никакого труда. Но все эти лица получают свой доход из того, что экономисты называют «производным распределением благ»; они получают его из дохода других

участвующих в «первоначальном распределении благ», и получают его от последних, непосредственно или через посредство государственной власти, как справедливое вознаграждение за столь же трудные, как и необходимые или полезные услуги, которые они оказывают обществу. Однако существуют также в обществе лица, которые принимают участие в этом «первоначальном распределении благ» и получают из него свой доход, не участвуя трудом в его создании и не оказывая за это никаких других полезных услуг обществу или производителям общественного дохода. Здесь участвует землевладелец, только предоставляющий для получения дохода свой земельный участок другому для обработки и только собирающий сам за это арендную плату. Там владелец капитала получает в виде процентов такой же удобный доход. Далее предприниматель может поручить ведение своих предприятий платному управляющему и тем не менее получить доход, прибыль, даже на чужие капиталы, которые он занял и за которые он сам платит проценты. Без сомнения, все эти лица или классы могут выполнять самое полезное для общества дело, могут быть в некоторых отношениях его благодетелями, но, если даже их доход, может быть, дает им средства для этих полезных занятий или благодеяний, они получают его, не как вознаграждение за свои услуги, подобно судье, врачу или учителю. Какие же основания ведут к тому, что эти участвующие в «первоначальном распределении благ» лица, не прилагая собственного труда и не оказывая за это иных услуг, получают доход, являющийся всецело продуктом труда, и притом продуктом труда других, хотя бы они называли его поземельной рентой, прибылью на капитал или процентом? Какие основания ведут к тому, что эти другие, производители этого дохода, предоставляют им последний без какого-либо эквивалента, подобно получаемому от врача, судьи или учителя? Ответ на этот вопрос заключается в теории ренты вообще и поземельной ренты и прибыли на капитал в частности...

Я принимаю то же положение в данном вопросе, как и Рикардо. И я вижу в каждой части общественного дохода не что иное, как продукт труда, и я вижу в тех частях

общественного дохода, которые называются поземельной рентой и прибылью на капитал, продукт труда других лиц, а не тех, которые этот доход получают, но я даю другое объяснение этому общественному явлению, чем Рикардо; мое объяснение как мне кажется, более согласуется с экономическими фактами и с принципами права, чем то, которое дает теория Рикардо...

Во все времена, пока существует разделение труда, с ним были связаны два обстоятельства, к которым можно свести происхождение, как поземельной ренты так и прибыли на капитал, т.-е. ренты вообще.

Первое из этих обстоятельств имеет экономический характер. Оно заключается в том, что труд со времени своего разделения производит больше, чем нужно рабочим для поддержания их жизни и для продолжения их труда; другими словами, труд производит столько, что является возможность для других жить на его результаты.

Труд до его разделения может прокормить рабочего только скудно и притом только его одного, ибо при отсутствии разделения труда возможны только такие занятия, которые заключаются в завладении готовыми дарами природы и которые заставляют довольствоваться скудным их запасом; таковы собирание плодов и самое большее охота. С разделением труда создаются уже занятия, которые содействуют природе при создании ее благ, напр., земледелие и скотоводство; только в этой форме труд становится достаточно производительным, чтобы доставить доход, превышающий собственные элементарнейшие потребности рабочего. Бастиа очень хорошо выражает эту истину в следующей формуле: «В изолированном состоянии, т.-е. до разделения труда,—наши потребности превышают наши силы; в общественном состоянии,—т.-е. при наличности разделения труда,—наши силы превышают наши потребности». Дело это ясно само собой.

Подобно тому как труд только при его разделении становится настолько производительным, что его продуктом могут жить другие, не работающие (я говорю здесь только о возможности), так и всякий дальнейший рост производительности труда, всякое увеличение возможности жить про-

дуктом труда без собственного труда для большего числа лиц или в более изобильной степени, происходит только на почве разделения труда. Если всякое дальнейшее увеличение производительности, независимо от самого усовершенствованного разделения труда, непосредственно связано или с лучшими методами производства или с улучшенными орудиями, то как раз изобретение и применение этих улучшенных методов и орудий немыслимо без предположения разделения труда. Это разделение было, вне сомнения, теми вратами, через которые человечество только и могло вступить на необозримый путь своего экономического прогресса.

Однако и до, и после разделения труда,—это я прошу твердо помнить,—хозяйственные блага остаются продуктом труда. Хлеб, который производится при системе разделения труда, когда его вещество производится одними лицами, земледельцами, а размол и печение его производятся другими, или когда на всех этих стадиях производства пользуются разнообразнейшими орудиями,—составляет продукт труда точно так же, как дичь, которая при отсутствии разделения труда убита охотником из лука, или как плод, который сорван дикарем без всякого орудия. Таким же продуктом труда являются все чудеса, создаваемые в настоящее время паровой машиной. Поэтому избыточный продукт, который создается сверх необходимого потребления рабочих трудом, ставшим вследствие разделения более производительным, и которым могут, по крайней мере, жить другие не трудящиеся лица, остается также продуктом труда, как бы он ни был значителен или независимо от того, будут ли им жить другие, не работая, или нет.

Второе из указанных обстоятельств—юридического характера. Оно заключается в следующем: с тех пор как существует разделение труда, с тех пор как труд, следовательно, сделался настолько производительным, что производит более, чем необходимые средства существования рабочих, с тех пор как труд дает возможность другим не трудящимся лицам также жить данным продуктом труда, земля и капитал, а потому и самый продукт труда, никогда не принадлежали рабочим, а

всегда другим частным лицам. Это утверждение кажется настолько необыкновенным, что под первым впечатлением можно против него восстать. Ведь, большинство экономистов считает собственность и продукт труда почти тождественными! Ведь, написал же господин Тьер большую книгу в 400 страниц для доказательства, что собственность основывается только на труде, что собственность имеет правомерное существование, так как рабочему правомерно принадлежит его продукт труда! Этому знаменитому писателю можно было бы возразить, что он основывает существующую собственность на юридической предпосылке, которой фактически не существует, т.-е. что он во всей своей книге все время лишь опровергал самого себя! Тем не менее, как ни несомненно, что лишь труд есть принцип собственности, что, согласно выражению самого Тьера, «труд должен быть не только принципом собственности, но ее *мерой* и ее *границей*, столь же несомненно, что везде, где мы только встречаемся с разделением труда, нигде капитал и продукт труда не принадлежат самим рабочим, но всегда другим. Только до разделения труда, т.-е. до начала всякой цивилизации, изолированный рабочий владеет одновременно землей, капиталом и своим продуктом труда, и его собственностью является земля, на которой он охотится, лук, которым он стреляет, дичь, которую он убивает. Но там, где существует разделение труда, эта непосредственная собственность рабочего на землю, капитал и продукт труда прекращается. Земля, которую рабочий обрабатывает, принадлежит не ему, а другому, который в этом отношении является землевладельцем и никем более; плуги, которыми рабочий пашет землю, принадлежат не ему, а другому, называемому капиталистом, безразлично, будет ли он только капиталист или арендатор, или в то же время и землевладелец; хлеб, наконец, который рабочий собирает с поля, принадлежит не ему, но землевладельцу или капиталисту, которому первый предоставил поле. Посмотрите вокруг себя! Где земля принадлежит рабочему? Она принадлежит другому, который, может-быть, ее никогда не видал, а тем более не пахал, не осушал, не освобождал от камней. Где принадлежит рабочему капитал? Он получает его или в каче-

стве материала, или в качестве орудия или машины от другого—собственника, а рабочий работает только над чужим капиталом или при помощи его. Он не получает его не только в качестве предпринимателя, как это ошибочно изображает Бастиа, желающий вывести закономерность процента, но, более того, когда собственник капитала отдает взаймы свой капитал, то он отдает его отличному от рабочего предпринимателю, который в экономическом смысле сам не является рабочим и которому именно и принадлежит продукт нанятых им рабочих. Как могла бы наука отличать рабочего от землевладельца, капиталиста и предпринимателя, если бы он в действительности от них не отличался? Да где же принадлежит рабочему продукт его труда? Нигде, во всем процессе производства, этот продукт не принадлежит рабочему, начиная с того момента, когда он возделывает поле, когда он собирает клевер, кормит им овцу, стрижет ее шерсть, прядет последнюю, ткет, красит, транспортирует к потребителю—всегда на началах разделения труда, что не изменяет дела. Продукт принадлежит сначала землевладельцу, затем ряду следующих друг за другом капиталистов, но никогда какому-либо занятому в его производстве рабочему. Только тогда, когда каждый из этих различных рабочих закончил свою часть продукта, он получает свой доход в виде заработной платы, которая есть нечто совсем другое, чем продукт труда рабочего, и получает этот доход в свою собственность, в предположении, что он предоставил эту собственность в распоряжение ее правомерного обладателя. Таково везде в настоящее время юридическое отношение рабочего к земле, к капиталу и к продукту его труда, тем более определенное, чем развитее и производительнее разделение труда.

Я хорошо знаю возражение экономистов, что, если это так в настоящее время, то первоначально, по крайней мере, было иначе. Земля, которая теперь, действительно, не принадлежит уже рабочему, при первоначальной обработке была продуктом ее первого собственника или собственностью ее первого производителя и только затем уже перешла путем правомерной передачи к своему настоящему владельцу. Точно так же капитал, который, конечно, в настоящее время не

принадлежит рабочему, является в своем происхождении только продуктом первого капиталиста, от которого он путем ряда поколений перешел к настоящему владельцу. Это бессмысленное утверждение было всегда мне противно! Как? Разве ежедневно не возникает новая обработка земли, разве не предпринимаются новые осушения и т. д., притом не землевладельцем, а рабочими, которых первый только нанимает, но которым поэтому ничто в земле не принадлежит? Разве не возникают каждый день новые капиталы, которые менее всего составляют продукт труда тех, кому они принадлежат? И разве мнимый единичный и первоначальный факт, будто первая обработка земли и первые капиталы, произведенные при разделении труда, принадлежали производителям, мог сделать невозможным его повторение на все будущие времена? Мог ли выступить в жизни принцип права с тем, чтобы затем на будущее время самого себя уничтожить? Нет, и то утверждение, что первоначально было иначе, исторически ошибочно и даже экономически невозможно. И первоначально, с тех пор как существует разделение труда, фактически обрабатывали землю и производили капитал другие лица, чем те, которым то и другое принадлежало: те, которым оно принадлежало, никогда даже *не могли бы* сами для себя обрабатывать землю и производить капитал.

Обратитесь к древнейшим нациям, первым мировым носителям нашей культуры,—насколько взгляд может проникнуть вглубь истории, и где он встречается уже с разделением труда, что видите вы там в полном развитии? Эксплоатацию одного другим, эксплоатацию женщины, ребенка, раба, эксплоатацию семьи «господином». Те повинуются и служат, этот господствует и наслаждается; те работают, в то время как этому принадлежит в собственность впервые культивированная земля, капитал и продукт труда. Эта эксплоатация семьи господином так же стара, как разделение труда, так же стара, как «право», без которого разделение труда не может существовать. Только до разделения труда она не имеет места. Рассмотрим родовое общество охотничьего народа, т.-е. то общественное соединение, которое ближе все-

го предшествует разделению труда,—здесь вместе с разделением труда отсутствует и указанная эксплоатация. Здесь все свободны, здесь еще каждому принадлежат его охотничья добыча и его охотничьи орудия, здесь и земля, на которой он охотится, принадлежит ему в такой же мере, как и всякому другому из его рода. Здесь не существует продолжительного подчинения одного человека другому. Здесь с достаточным возрастом наступает естественная эмансипация от семьи, подобно семьям животных. Здесь побежденные враги еще умерщвляются. Все эти неясные зачатки юридических и общественных отношений составляют продукт экономической необходимости. Если каждый человек получает только такое количество добычи, какое необходимо для содержания его и его жены и для кормления детей в течение их детства, то никто не может жить на счет другого, не может существовать экономической подчиненности, и побежденные враги должны быть убиваемы или же, так как они не могут быть использованы, они должны быть помилованы, что значило бы отказаться от победы. Наоборот, вместе с разделением труда, с земледелием, которое делает труд достаточно производительным для того, чтобы другие также могли жить от получаемого продукта труда, немедленно начинается рабство: к первому экономическому прогрессу немедленно присоединяется вместе с рабством и первый юридический прогресс, так как убивание побежденного врага прекращается и заменяется эксплоатацией одного другим. История не может указать нам ни одного народа, у которого первые следы разделения труда и земледелия не совпадали бы с такой экономической эксплоатацией, у которого бы тяжесть труда не доставалась на долю одних, а плоды его на долю других, у которого, другими словами, разделение труда не выражалось бы в форме подчинения одних другим. Только изолированные случаи обмена, эти внезапно опять исчезающие случаи разделения труда, предшествовали этой первой системе эксплоатации. Регулярное разделение труда, указывающее отдельным лицам их специальные постоянные жизненные занятия, из взаимодействия коих получается поддержание жизни всех, это разделение труда, составляющее

прочную связь современного общества, возникло везде только под защитой насилия и есть результат принуждения со стороны одних и подчинения со стороны других. Все старейшие исторические документы свидетельствуют об этом, и даже греческая философия находится под влиянием мировоззрения, свойственного этому первобытному состоянию. Поэтому Аристотель и говорит в своей Политике: «из двух общественных отношений, именно из отношения женщины к мужчине и отношения господина к рабу, возникает первое хозяйство (οἶκος)». И у наших прадедов было то же самое. Delegata domus et penatium et agrorum cura feminis sinebusque et infirmissimo cuique ex familia; ipsi hebent, и далее; frumenti modum dominus, aut pecoris, aut vestis, ut colono, injungit et servus hactenus paret. Так было еще и в то время, когда уже может быть исторически удостоверено начало современного немецкого национального богатства; я напомню знаменитое Capitulare de villis Карла Великого.

Итак, утверждение экономистов, что земля, капитал и продукт труда принадлежали рабочим, по крайней мере, первоначально, настолько мало исторично, что скорее, наоборот, первоначально принадлежали другим не только земля, капитал и продукт труда, но и сами рабочие, что скорее первоначальная система эксплоатации была настолько же тяжелее современной, насколько рабство суровее собственности на землю и капитал. Несомненно, господин Тьер прав, говоря: с тех пор, как уничтожено рабство, «с тех пор, как каждому человеку возвратили употребление его способностей, собственность более индивидуализировалась, сделалась ближе каждому человеку, и в то же время появилось более собственности». Но, конечно, так же справедливо утверждение, что собственность далеко еще не достаточно индивидуализировалась для того, чтобы вполне соответствовать одобряемому Тьером юридическому принципу, что должно быть, говоря, словами самого Тьера, еще больше собственности для того, чтобы она вполне стала собственностью. Какое поразительное qui pro quo делает этот великий софист, перед своими читателями, когда он, теоретически объясняя существующую собствен-

ность, выводит ее из юридической идеи собственности и пользуется смягчением первоначальных фактов, которые одни создали существующую собственность, но которые противоречат его идее, для того, чтобы еще более представить существующую собственность в свете своих идей!..

Но я иду еще дальше. Я утверждаю даже, что земля, капитал и непосредственный материальный продукт труда не должны были и никогда не должны будут принадлежать рабочему в собственность, по крайней мере, в том случае, если разделение труда должно возникнуть, существовать, развиваться, расширяться и тем осыпать общество из рога изобилия своими удивительными сокровищами[1]). Я прошу представить себе, мыслимо ли такое общество, в котором *при полном* и выработанном разделении труда, подобном современному, каждому рабочему принадлежал бы в собственность непосредственный материальный продукт его труда? Возьмем часто приводимый пример булавок. Проследим их производство от добывания металлов, от составления из них материала, от вытягивания проволоки, заостривания конца, насаживания головки, от вложения в пакеты и до транспортирования к тому, кто их потребляет; не забудем, далее, различные машины и орудия, которые употребляются в горном деле или которые сопровождали булавки в каждой стадии их производства; вспомним, наконец, что и те рабочие, которые создают и ремонтируют эти орудия, являются участниками в производстве. Как же можно утверждать, что непосредственный материальный продукт труда должен принадлежать в собственность рабочему,— собственникам булавки; как должна быть выполнена ликвидация всех этих притязаний на булавки, как может быть разделен общественный продукт, как должно бы быть достигнуто такое соглашение между рабочими при предположении такого общественного производства? Еще не создано такого ума, который сумел бы справиться с таким запутанным и трудным

---

[10]) Я укажу здесь на мое сочинение: „Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Kreditnot der Grundbesitzes“, часть вторая, стр. 295, прим. 87.

положением, а потому разделение труда и вместе с ним все великолепное здание цивилизации должны были бы рухнуть из-за принципа принадлежности рабочему непосредственного материального продукта труда. Нет, земля, капитал и продукт труда не должны никогда принадлежать рабочему, как они ему никогда со времени разделения труда и не принадлежали. Я изложу глубокую провиденциальную справедливость этого факта, его телеологию, в одном из следующих писем, когда буду говорить о собственности; я докажу, надеюсь, с несомненностью, что, если общество хочет достигнуть справедливых отношений собственности при наличности разделения труда, этой неприкосновенной основы всякой культуры и всякого прогресса, то рабочие никогда и не должны быть собственниками земли, капитала и даже их собственного продукта труда; отсюда я антиципирую вывод, который позже сделаю еще более наглядным, что экономическое развитие вовсе не будет клониться к разделению национального имущества, что оно не может иметь тенденцию к отнятию земли и капитала от их настоящих собственников и к наделению ими рабочих в качестве собственников, хотя это развитие во всяком случае будет вести к уничтожению несправедливости собственности на землю и капитал и к предоставлению труду того, что ему принадлежит. Ибо, если я сейчас назвал глубокой провиденциальной справедливостью тот факт, что земля, капитал и продукт труда не принадлежат рабочим, то в отношении рабочих здесь существует такая же глубокая несправедливость. Она обусловливается тем, что земля, капитал и продукт труда принадлежат другим *частным лицам.* Никогда, со времени существования разделения труда, земля, капитал и продукт труда не принадлежали рабочим, но всегда они принадлежали другим частным лицам. Первое отрицательное свойство собственности составляет ту сторону разбираемого здесь факта, которая не только неизбежна, пока счастье общества должно покоиться на разделении труда, но которая заключает в себе основания справедливых отношений собственности для будущего. Второе же положительное свойство собственности требует изменения, потому что оно заключает в себе несправедли-

вость современных отношений собственности, ибо оно ведет к тому, что *доход* рабочих даже *не пропорціонален* стоимости их продукта труда.

На двух указанных фактах—экономическом, согласно которому труд с его разделением становится настолько производительным, что продуктом его могут жить также и другие, не работающие лица, и юридическом, согласно которому со времени разделения труда земля, капитал и продукт труда принадлежат иным частным лицам, а не рабочим—основывается с необходимой последовательностью третий факт, именно, что эти другие частные лица, не работая, действительно, живут от продукта труда рабочих, что последний не соответствует более доходу рабочих, как было до разделения труда, но поступает в значительной части, возрастающей притом с увеличением производительности, в пользу собственников земли и капитала;—на этих двух условиях—достаточной производительности труда и существования собственности на землю и капитал—основывается рента вообще, как поземельная рента, так и прибыль на капитал.

Куда поведет это отношение в естественной последовательности, если труд с его разделением будет создавать все больше и притом прогрессивно больше того, что нужно рабочим для поддержания их жизни, если в то же время земля и капитал будут принадлежать другим лицам, а не рабочим, и тем же лицам будет принадлежать также продукт труда? Пока рабочие к тому же еще и рабы, это ясно само собой. Собственники земли, капитала и самих рабочих будут удерживать за собой весь продукт труда и отдавать своим рабам—рабочим лишь столько, сколько им заблагорассудится по экономическим и иным соображениям. Теперь предположим личную свободу рабочих, вспомним, что рабочие, как таковые, не владеют ничем, кроме своей рабочей силы, но хотят жить, в то время как «мир отдан», что этот отданный мир составляет собственность других, которым внушена священная справедливость этого мира так, как только можно было бы внушить о стоимости продукта труда его производителям, вспомним, что этот самый мир поставил на пьедестал эгоизм и украсил его почти достоинством доброде-

тели. Могут ли эти обстоятельства повести к другому результату, чем к тому, что собственники земли и капитала уступают рабочим только часть продукта их труда и оставляют себе остальное? Конечно, рабочие более не рабы, а свободные люди, но, как и прежде, они являются единственными производителями всего труда, и попрежнему их бывшим господам принадлежат земля и капитал общества, следовательно, и продукт труда, в то время как свободные рабочие работают у них на службе. Разве собственники земли и капитала не будут, таким образом, в состоянии и экономически, и юридически если и не понуждать рабочих к работе плетью, то диктовать им следующий краткий договор: «Вы, рабочие, предоставьте нам весь продукт вашего труда и получите назад часть его в качестве вашего дохода?». Они могут это сделать экономически и юридически, а рабочие должны этому экономически и юридически подчиниться. Ибо, если труд настолько производителен, что рабочий может отдать часть своего продукта труда,—а со времени разделения труда это так,—и если собственность на землю и капитал препятствует ему юридически работать иначе как на службе у собственника земли и капитала, то рабочий для снискания вообще средств существования волей или неволей должен будет предоставить весь продукт труда собственникам земли и капитала и довольствоваться частью этого продукта; собственникам же земли и капитала само собой останется остальная часть продукта труда. Я здесь пока еще не выясняю, какими путями современного денежного оборота поступает эта часть продукта труда собственникам земли и капитала и почему одна часть является поземельной рентой, а другая—прибылью на капитал; то и другое я выясню ниже, здесь же следует только указать, что основание, по которому вообще получается рента, может заключаться только в достаточной производительности труда и на-ряду с этим в институте собственности на землю и капитал; притом, так как этот институт обращает в собственность владельца земли и капитала также и продукт, создаваемый рабочим из земли или при помощи капитала, и с другой стороны препятствует рабочему работать иначе как на службе этих собственников, то рабочий с необхо-

димостью должен ограничиваться частью своего продукта труда и предоставлять остальное указанным собственникам. Одним словом: если труд достаточно производителен, и существует собственность на землю и капитал, то это отношение само собой должно привести к тому, что рабочие получают в качестве дохода только часть своего продукта, а остальное поступает собственникам земли и капитала;—и, забегая вперед, я добавлю, что если собственность на землю и капитал должна существовать, то это с необходимостью так и будет.

Только тысячелетняя привычка затемнила ту простую истину, что доход собственников земли и капитала есть лишь та часть продукта труда, которую обращает в их пользу собственность, а форма денежного оборота, в которой так же давно реализуется всякий доход, только усилила это затемнение. В течение жизни целых народов весь продукт труда принадлежит не рабочим, а собственникам земли и капитала, даже свободные рабочие не только не отдают часть продукта своего труда другим, а, наоборот, сами получают от чужих владельцев часть их продукта, в то время как остаток приходится на долю этих чужих владельцев, наконец, вследствие отделения земельной собственности от собственности на капитал и далеко проведенного разделения труда, этот остаток в свою очередь делится между собственниками земли и капитала и в этих двух частях должен обращаться на рынке всегда сначала в деньгах и потому представляется указанным владельцам, как их «выручка» («Erwerb»). Неудивительно поэтому, что у всех укрепилось представление, рассматривающее одну заработную плату как продукт труда и объясняющее доход собственников земли и капитала какими-либо иными неверными экономическими и юридическими основаниями: из простого выигрыша в цене, или из производительных услуг, выполняемых землей и капиталом, или из личного труда собственников земли и капитала,—неудивительно тогда, что в течение целых человеческих поколений необходима постоянная критика для рассеяния тумана этого представления, для уничтожения ошибочных, построенных на нем, теорий и для полного выяснения простой истины. Самые простые и очевидные истины

всегда были для человечества наименее понятными, в особенности, если они относились к нравственной или общественной сфере, если дело шло о моральном заблуждении и если общество должно было убедиться, что право, существовавшее тысячелетия, сделалось несправедливостью. Иначе как могло бы случиться, что истины этого рода доказывались всегда одними революциями!..

Таково, повторяю, происхождение ренты вообще, таковы основания, по которым принимают участие в первоначальном распределении национального продукта еще и другие лица, кроме рабочих, и по которым в обществе получают доход лица, не участвовавшие в его производстве и имеющие этот доход не за иные необходимые, полезные или излюбленные услуги в «производном распределении благ». Такие лица могут получать этот доход только потому, что, с одной стороны, труд некоторых лиц оказывается уже достаточно производительным для того, чтобы и они могли на него жить, а с другой стороны, собственность на землю и капитал принуждает рабочих предоставлять этим лицам не только непосредственную собственность на продукт труда, но и бо́льшую часть созданного дохода. Такой доход был бы невозможен ни без того экономического, ни без этого юридического условия. При отсутствии экономического условия, лица, которые теперь могут быть получателями ренты, должны были бы сами работать, вследствие чего общество возвратилось бы в состояние, предшествовавшее разделению труда, вроде состояния охотничьих народов. Без указанного юридического условия весь доход должен был бы доставаться рабочим, и в силу этого опять должно быть постулируемо или состояние некультурности, или такая организация при разделении труда, при которой земля и капитал принадлежали бы обществу, а рабочие одни участвовали бы в первоначальном распределении национального продукта и потому получали бы целиком без урезок создаваемый при этом доход. Эти принципы лежат в основании всякого дохода, который имеет характер ренты: как прибыли на капитал, так и поземельной ренты, как процента, так и предпринимательского барыша. Ни поземельная рента, ни прибыль на капитал не могли бы получаться без одновре-

менной наличности достаточной производительности и частной собственности на землю и капитал. Без первой и капиталист должен был бы сам работать при помощи своего капитала, должен был бы сделаться опять охотником, который убивает дичь собственным луком; без последней должна бы быть предполагаема опять такая организация, при которой рабочим оставалась бы и часть общественного дохода, составляющая ныне прибыль на капитал. Те же самые конечные принципы лежат, следовательно, в основании как прибыли на капитал, так и поземельной ренты. И то и другое—доход, поступающий лицам, не участвовавшим в труде производства национального продукта; этот доход идет в их пользу не вследствие каких-либо иных общественных услуг и не из «производного распределения», но исключительно в силу их владения и из «первоначального распределения», а потому отнимается от естественных производителей общественного дохода, рабочих; другими словами: как прибыль на капитал, так и поземельная рента—суть рента.

в) Разделение ренты на поземельную ренту и прибыль на капитал [1])

На каких основаниях делится теперь рента на поземельную ренту и прибыль на капитал? Если та и другая покоятся в конце-концов на одном и том же принципе, если обе являются рентой вообще, то какие особые принципы лежат в основании поземельной ренты и прибыли на капитал, как таковых? И здесь я хочу заставить говорить жизнь и факты.

При существовании частной собственности на землю и капитал сельскохозяйственный труд, или производство сырья, может находиться в двояком соотношении к промышленному и транспортному труду, и разделение труда может поэтому получить двоякий вид.

Представим себе указанную выше эпоху рабства! Представим себе крупное землевладение с лесами, хлебными по-

---

[1]) „Zur Beleuchtung...“

лями и стадами, с посевами брюквы или с оливковыми деревьями, виноградниками и т. д., и вообразим далее, что владелец этого земельного участка заставляет производить на нем не только все сельскохозяйственные работы, т.-е. не только рубку леса, жатву хлеба, собирание шерсти и шкур с животных и т. д., но что он же в то же время заставляет выполнять все последующие работы по переработке указанных сырых материалов, следовательно, одновременно выделку из леса мебели, помол и печение хлеба, дубление кожи, прядение, тканье и окраску шерсти и т. д., что сельскохозяйственные работы находятся в тесной взаимной связи с промышленными работами и предпринимаются в хозяйстве одного и того же владельца или господина! Обобщим затем этот единичный пример в том отношении, что таким образом ведется хозяйство целой нации, что во всех таких хозяйствах за счет одного и того же владельца предпринимаются также и работы по переработке сырого продукта, созданного в различных отраслях сельского хозяйства. Затем, во второй раз представим себе это состояние с тем видоизменением, что рабочие свободны и что одни господа или владельцы заставляют выполнять сельскохозяйственные работы, а другие—промышленные работы, что описанная выше связь промышленного и сельскохозяйственного труда нарушена. Вообразим себе это состояние, как общее состояние нации, так что одни—землевладельцы—заставляют свободных сельскохозяйственных рабочих производить только зерно, или шерсть, или лес, а другие владельцы заставляют свободных промышленных рабочих перемалывать зерно в муку, прясть шерсть в пряжу, выделывать из леса мебель и т. д. В обоих случаях разделение труда, поскольку оно имеет производственно-экономический характер или представляет разделение операций, может быть проведено одинаково далеко и быть одинаково производительным; в том и другом случае та часть продукта труда, которая удерживается из дохода рабочих и становится рентой, может быть одинаково велика. Однако, поскольку разделение труда имеет национально-экономический характер или составляет разделе-

ние продукта, между обоими случаями получаются величайшие и замечательнейшие различия. В первом случае мы имеем самое простое натуральное хозяйство; та часть продукта труда, которая удерживается из дохода рабочих или рабов и составляет доход господина или владельца, достается нераздельно, как единая рента, единому владельцу земли, капитала, рабочих и продукта труда; здесь не различаются даже в понятиях ни поземельная рента, ни прибыль на капитал. Во втором случае мы имеем дело с самым сложным денежным хозяйством; та часть продукта труда, которая удерживается из дохода теперь свободных рабочих и достается владению землей и капиталом, разделяется далее между владельцами сырого продукта и владельцами промышленного продукта; наконец, единая рента прежней эпохи распадается на поземельную ренту и прибыль на капитал. Я убедительно прошу всех моих читателей со вниманием следить за ходом моих рассуждений. Я не догматизирую, а анализирую экономическую и общественную жизнь, как она была и как она есть, и стремлюсь разъяснить факты, которые, как мне кажется, остались нераскрытыми наукой, ко вреду последней...

Представим себе теперь строй, в котором уже не один и тот же господин или владелец заставляет создавать продукт труда с начала до конца, но один заставляет выполнять сельскохозяйственные работы, другой—промышленные работы. Это обстоятельство с необходимостью ведет к тому, что часть продукта труда, которая удерживается у рабочих в силу собственности на землю и капитал и которая в прежнем строе доставалась нераздельно и безразлично единому владельцу земли, капитала, рабочих и продукта труда в качестве единой натуральной ренты, теперь разделяется на поземельную ренту и прибыль на капитал. И этот строй имеет исторический характер. Он вырос в колыбели древнего германского права, из различения «городских и сельских промыслов», из средневекового юридического представления,

что промышленными работами, т.-е. тогдашними ремеслами, могли заниматься только горожане, т.-е. фактически не сельские землевладельцы. Это — современный строй.

Первым характерным последствием этого обстоятельства является всеобщее превращение простого натурального хозяйства в денежное хозяйство. Следует принять во внимание, что если один владелец заставляет выполнять промышленные работы, а другой—сельскохозяйственные, то и все промышленные работы не могут быть предпринимаемы одним и тем же владельцем. Одно земледельческое хозяйство доставляет материал для весьма различных благ: зерно для хлеба, дерево для орудий и мебели, кожу для обуви, лен и шерсть для одежды и т. д. В том строе, где одно лицо было владельцем и земли, и капитала, зерно перерабатывалось в хлеб, дерево в орудия и мебель, кожа в обувь, лен и шерсть в одежду, в пределах одного и того же хозяйства, одного и того же владения. Если теперь сырой продукт должен менять владельца, то все еще в одном и том же землевладельческом хозяйстве, у одного и того же владельца будет производиться материал для весьма различных благ, но этот разнообразный материал будет перерабатываться в различные блага уже не в одном и том же промышленном хозяйстве, не у одного владельца; не один и тот же владелец капитала заставляет перемалывать зерно в муку, а муку превращать в хлеб, выделывать из дерева орудия и мебель и т. д., но один владелец заставляет перемалывать зерно, другой—столярничать и т. д. Затем в фабрикации одного и того же блага происходит дальнейшее подразделение промышленных хозяйств. Зерно земледельца перемалывается и превращается в готовый хлеб не одним и тем же владельцем капитала, кожи земледельца дубятся и превращаются в обувь опять-таки не одним владельцем капитала и т. д.; фабрикация блага распадается на столько отдельных производственных хозяйств, сколько естественных стадий производства она допускает; соответственно этому, промышленный продукт переходит в последовательное владение стольких же различных владельцев капитала. Характер этих работ, несомненно, поддерживает

это дальнейшее дробление промышленных хозяйств, но замечательно то, что и это дальнейшее подразделение в свое время опиралось на юридические постановления. Не только сельский хозяин не имел права предпринимать какие-либо промышленные работы, но портной не смел быть сапожником, сапожник — ткачом, ткач — кожевником. Здесь следует отметить это прогрессивное подразделение промышленных хозяйств потому, что содержание или доход участников, рабочих или владельцев, даже в своих частях не создается уже теперь ни в одном отдельном хозяйстве целиком в натуральном виде. Владельцы земледельческих хозяйств владеют, правда, весьма разнообразным сырьем, которое, однако, как таковое, не годно для потребления и не является благом, составляющим доход (Einkommensgut). Владельцы собственно промышленных хозяйств заставляют производить из сырья готовые блага и обладают, таким образом, благами, составляющими доход, но всегда благами одного рода, в которых они сами, может быть, и не нуждаются. Поэтому, всякий продукт должен теперь направляться из каждого хозяйства на рынок, увлекаемый потоком обмена; владелец каждого продукта должен сначала его оценить, превратить в деньги для того, чтобы затем иметь возможность извлечь из оборота средства удовлетворения своих потребностей. Та χρηματιστική, которую одну Аристотель признает безупречной и достойной свободного человека, именно приобретательное искусство, заключавшееся в древности в создании в пределах собственного хозяйства всех средств удовлетворения участников данного хозяйственного круга, перестает быть предпочтительной с этической точки зрения, так как перестает быть даже возможной; на место античной формы натурального хозяйства должно выступить современное денежное хозяйство.

Прежде всего на первый план выступает меновая стоимость. Так как средства удовлетворения участников не создаются ни в одном производственном хозяйстве непосредственно и в натуральном виде, но должны быть получены путем промена отдельного продукта или его части, то каждый такой продукт проводится через денежную форму, и в каждом хозяйстве, при каждом производстве заботятся пре-

жде всего не о создании полезности, а о создании меновой стоимости. Поэтому, теперь величина имущества не оценивается, как в античном натуральном хозяйстве, по изобилию и полезности наличных натуральных благ; поэтому никакая натуральная часть хозяйственного продукта не может быть более употреблена для поддержания имущества или для возмещения капитала; поэтому же, наконец, и доход участников производства не может быть выделен в натуральной форме непосредственно из продукта труда так, чтобы рабочим была выдана часть его для поддержания жизни, а прочее осталось владельцу, как натуральный доход. Наоборот, теперь имущество каждого хозяйства оценивается в деньгах и считается восстановленным в прежнем состоянии только в том случае, если имеет ту же денежную стоимость; продукт труда сначала «превращается в деньги» и затем употребляется и распределяется по частям стоимости, так, как в античном хозяйстве это делалось по натуральным частям. Таким образом, теперь часть стоимости продукта труда употребляется или высчитывается для поддержания имущества, или как «возмещение капитала»; часть стоимости продукта употребляется в виде денежной платы рабочим на поддержание их жизни и, наконец, часть стоимости остается в руках владельцев земли, капитала и продукта труда, как их доход, или как рента. Однако, если и эти части продукта труда принимают теперь форму стоимости и денег, то по существу они не изменяются. Теперь, когда разные лица заставляют выполнять сельскохозяйственные и промышленные работы, собственность на землю и капитал действует по отношению к рабочим совершенно так же, как раньше. Совершенно так же она ведет к тому, что рабочие получают для поддержания своей жизни только часть продукта своего труда и что остальное достается владельцам земли и капитала, как собственникам продукта труда. Совершенно так же, как раньше, часть продукта труда должна быть употребляема на поддержание хозяйственного имущества. Но так как теперь везде выступает меновая стоимость продукта труда, она выступает и при разделении этого продукта. То, что в античном хозяйстве получало свое особое назначение, как нату-

ральная часть, получает теперь назначение только как часть стоимости, которая при прочих равных условиях совершенно тождественна с натуральной частью продукта труда в прежнем строе. Неправильно, следовательно, представление, которое встречается в обыденной жизни и отчасти даже в науке, будто бы везде, где продукт выступает в форме меновой стоимости, необходима прибавка стоимости для того, чтобы возместить каждую из тех частей, на которые распадается продукт труда; согласно этому взгляду, для того, чтобы доставить ренту (поземельную ренту и даже прибыль на капитал), продукт труда должен сделаться как раз соответственно же «дороже», или если не требуется прибыль на капитал или процент, то он может сделаться в меновой стоимости или цене на столько же «дешевле». В IV главе моего сочинения «Zur Erkenntnis unserer staatswichaftlichen Zustände», я обстоятельно доказал, что это не так. Конечно, для того, чтобы давать ренту, продукт должен теперь иметь вообще меновую стоимость, точно так же, как он должен обладать ею, чтобы обеспечивать возмещение капитала и давать заработную плату, ибо теперь продукт вообще выступает только в форме меновой стоимости. Он должен в настоящее время иметь меновую стоимость точно так же, как в античном хозяйстве должен был иметь потребительную стоимость. Однако для покрытия указанных трех частей меновая стоимость отнюдь не должна быть выше своей естественной величины; она должна быть только равна количеству труда, которого стоило ее производство. При таком положении дела, если производительность труда настолько высока, что рабочие могут покрывать потребности своего существования уже частью продукта своего труда, если в то же время собственность на землю и капитал в силу указанного влияния заставляет их довольствоваться этой частью, то их заработная плата вовсе не должна быть равна естественной меновой стоимости их продукта для того, чтобы от последнего получился еще остаток для возмещения капитала и для ренты. Итак, части, на которые распадается продукт труда (возмещение капитала, заработная плата, если она не включена в первую часть, и доход собственников земли и

капитала), получаются не *вследствие прибавки стоимости*, но, наоборот, *вследствие вычета из стоимости*, которому подвергается заработная плата, другими словами, получаются вследствие того, что заработная плата составляет только часть стоимости продукта труда.

Второе характерное видоизменение экономического строя заключается в том, что хозяйственное имущество в своих различных частях и формах разделяется между различными владельцами. Ибо то обстоятельство, что теперь одни заставляют выполнять сельскохозяйственные работы, а другие—промышленные работы, обусловливает, *во-первых*, разделение *имущества* между обоими, таким образом, что *одному* принадлежит земля и необходимый для осуществления сельскохозяйственных работ капитал, а *другому*—необходимый для промышленных работ капитал, т.-е. только один капитал. Первый будет по преимуществу землевладельцем, второй—чистым капиталистом. *Во-вторых*, указанное обстоятельство ведет к тому, что и продукт труда делится между различными владельцами имущества, что сырой продукт принадлежит одному, именно тому, кто заставляет выполнять сельскохозяйственные работы, или землевладельцу по преимуществу, а промышленный продукт—другому, именно тому, кто заставляет производить промышленные работы, или чистому капиталисту. Последнему, правда, будет временно принадлежать и сырой продукт, так как он предпринимает промышленные работы над сырым продуктом и должен купить его от землевладельца, но это будет для него только преходящим моментом. Обладание сырым продуктом по отношению к *разделению* ренты, в котором дело здесь и заключается, безразлично для владельца промышленного продукта, хотя оно далеко не безразлично по отношению к *расчету* приходящейся на его долю части ренты, как я покажу несколько ниже. Для владельца промышленного продукта это владение сырьем имеет производный характер, так как он за него вполне вознаградил его первоначального владельца, в то время как его собственное первоначальное владение есть владение *промышленным продуктом*, который производится рабочим[illegible] его собственному непосредственному распоряжению

конец, вследствие этого разделения владения всем продуктом труда, *и та часть его, которая в прежнем строе доставалась нераздельно единому владельцу земли, капитала, рабочих и продукта труда, как одна натуральная рента, теперь делится дальше между этими различными владельцами сырого и промышленного продукта.* Это составляет естественный результат разделения продукта труда и происходит посредством обмена и сообразно стоимости соответствующих частей продукта труда, сырого и промышленного продукта. Ибо если вообще труд достаточно производителен, чтобы оставлять часть продукта труда в качестве ренты, и если эта рента в прежнем строе доставалась нераздельно одному господину или владельцу только потому, что ему принадлежал нераздельно весь продукт труда—и сырой, и промышленный продукт, то в новом строе остающаяся в виде ренты часть всего продукта труда должна делиться, так как труд предполагается здесь столь же производительным, но только продукт труда делится между различными владельцами—владельцем сырого продукта и владельцем промышленного продукта. Если далее в новом строе везде выступает в продукте труда и его частях стоимость и если, таким образом, стоимость части, остающейся в качестве ренты, находится в определенном отношении к стоимости всего продукта, то и эта часть стоимости всего продукта, остающаяся в виде ренты, должна далее делиться между различными владельцами пропорционально стоимости отдельных частей продукта, именно стоимости сырого и промышленного продукта. Если бы, например, сырой и промышленный продукт,—я напоминаю здесь данное выше определение промышленного продукта,—имел одинаковую стоимость, то и часть стоимости всего продукта труда, составляющая ренту, была бы разделена поровну между владельцами сырого и промышленного продукта; каждый из них получил бы равное количество ренты. Если владение промышленным продуктом делится еще дальше, напр., выделанный из шерсти промышленный продукт принадлежит [illegible] одному, а нескольким лицам, которые владеют пряжей, [illegible]о и т. д., то и часть ренты, приходящаяся на весь

Тканью

промышленный продукт, будет делиться между различными его владельцами. Короче говоря, каждый, кто имеет такое частичное владение продуктом труда, именно той его частью, которая произведена его рабочими, будет участвовать в части продукта, составляющей ренту, пропорционально стоимости первой части и, следовательно, будет получать долю ренты сообразно владению продуктом.

Каждый владелец будет рассматривать такую часть ренты как доход с своего имущества, хотя эта часть и теперь составляет то же самое, чем раньше было целое, т.-е. продукт труда, именно ту часть продукта, которая могла оставаться от всего продукта в качестве ренты. Владелец сырого продукта, или землевладелец по преимуществу, будет смотреть на часть ренты, приходящуюся на владение сырым продуктом, как на доход от своего земельного владения и от капитала, необходимого для ведения хозяйства; владельцы промышленного продукта, или чистые капиталисты, будут рассматривать части ренты, падающие на их доли продукта, точно так же, как доходы от их капитального имущества.

Но в действительности теперь они будут это делать с меньшим правом, чем раньше единый получатель ренты, ибо рабочие теперь уже не принадлежат к имуществу владельцев, но являются свободными людьми, в силу чего юридически признается их право собственности на их продукт. Зато это признание тем более призрачно. Дело в том, что рабочие все еще вынуждены предоставлять свой продукт другим за одну лишь часть продукта, за заработную плату. А имущество, которое составляет только продукт труда и притом, как я показал, продукт труда других, а не его владельцев, все более принимает в этом строе подвижную денежную форму, в которой владелец и должен постараться его «поместить»; часть ренты, которая падает на продукт, производимый занятыми при помощи этого имущества рабочими, принимает поэтому все более мнимый вид выручки или продукта самого владельца имущества, и это тем более, что в настоящее время, благодаря выступающей на первый план меновой стоимости, имеется однообразный масштаб для выражения отношения этого дохода к имуще-

ству; вследствие этого и здесь кажется, пользуясь выражением Аристотеля, что равное родится от равного.

Позвольте мне сделать теперь два предположения, прежде чем я перейду к *последнему* характерному изменению в экономическом строе, именно к выяснению понятий поземельной ренты и прибыли на капитал из только что изложенного разделения ренты на части. Во-первых, я хочу предположить, что владение промышленным продуктом само дальше не подразделяется, что тот, кто покупает у владельца сырого продукта шерсть, заставляет ее в пределах своего хозяйства выпрядать, ткать, красить и превращать в платье, и что, следовательно, доля ренты, приходящаяся на промышленный продукт, не делится далее между различными владельцами этого промышленного продукта. Это делается исключительно для облегчения исследования и по существу ничего не изменяет, хотя в действительности отношения складываются несколько иначе. Во-вторых, я предполагаю, что меновая стоимость каждого законченного продукта и каждой части продукта равна затраченному на него труду (Kostenarbeit), что не только готовые продукты, но и сырой и промышленный продукты, каждый в отдельности, обмениваются сообразно этому затраченному труду, что, таким образом, если сырой продукт стоил вдвое больше труда,—непосредственного и потребленного в орудиях,—чем промышленный продукт, то он и стоит вдвое дороже. Правда, я признал уже в моем предыдущем письме, а в IV главе «Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände» подробно доказал, что этого нет в действительности, но что действительная меновая стоимость бывает то выше, то ниже этого уровня; однако, она по крайней мере, тяготеет к этому пункту, который является как бы естественной и справедливой меновой стоимостью. Указанное предположение не может принести вреда истине там, где дело касается лишь раскрытия общих законов разделения ренты. Я мог бы с одинаковым успехом положить в основание моих дальнейших исследований как стоимость, которая регулярно несколько выше, так и стоимость, которая регулярно несколько ниже; все дело заключается в предположении стоимости, изменяющейся постоянно по одному и тому же закону. Итак,

я принимаю, что рента распределяется между владельцами сырого и промышленного продукта сообразно стоимости того и другого, стоимость же каждого из этих частичных продуктов равна затраченному труду, следовательно, рента делится пропорционально затраченному труду, или, другими словами, пропорционально производительности сельскохозяйственного и промышленного труда. Если производительность сельскохозяйственного труда мала, а потому затраченный на сырой продукт труд и стоимость этого продукта велики, то и та часть ренты, которая достается владельцу сырого продукта, будет относительно велика. Может быть, я предвосхищаю здесь дальнейшие выводы, однако, иначе нельзя надлежащим образом выяснить вопрос.

Итак, наконец, в *третьих*, после такого разделения ренты между различными владельцами сырого и промышленного продукта можно установить различие между *поземельной рентой и прибылью на капитал.*

Та часть ренты, которая падает на промышленный продукт, рассматривается, как прибыль на капитал. Ибо имущество, доходом с которого считается часть ренты, приходящаяся на промышленный продукт, есть *исключительно* капитал в национально-экономическом смысле, есть продукт, который употребляется для дальнейшего производства, есть ранее выполненный для промышленного производства труд. Здесь нет в качестве капитального имущества ни земли, ни иного какого-либо имущества. Кроме того, это имущество выступает во всех отношениях как издержки, потому что тот, кто хочет заставить выполнять промышленные работы, должен купить себе сырье в качестве материала, орудия для его обработки и выдать заработную плату вперед до реализации продукта. Если поэтому часть ренты, приходящаяся на промышленный продукт, рассматривается вообще, как доход на затраченное имущество, то этот доход справедливо считается всецело доходом от капитального имущества, прибылью на капитал. *Вместе с тем устанавливается также норма прибыли на капитал, которая влияет на уравнение прибылей и сообразно которой должна поэтому высчитываться из части рен-*

ты, приходящейся на сырой продукт, прибыль на капитал, необходимый в сельском хозяйстве. Ибо, если вследствие выступающей везде меновой стоимости теперь существует единообразный масштаб для выражения отношения дохода к имуществу, то этот масштаб служит и по отношению к части ренты, приходящейся на промышленный продукт, для выражения отношения прибыли к капиталу; другими словами, можно сказать, что прибыль в известной промышленности составляет X процентов на затраченный капитал. Эта норма прибыли устанавливает затем меру для уравнения прибылей на капитал. Если в какой-нибудь промышленности прибыль оказывается выше этой нормы, то конкуренция вызывает увеличенное приложение капитального имущества и, через это, всеобщее стремление к уравнению прибылей. По той же причине никто не будет прилагать капитал там, где он не может ожидать прибыли сообразно этой норме; так как капитал нужен и в сельском хозяйстве, то и землевладелец должен будет высчитывать прибыль из части ренты, приходящейся на сырой продукт, сообразно этой норме, или, если он представляет свою землю в пользование другого, то должен взять в виде арендной платы настолько меньше, чтобы оставить арендатору, затрачивающему капитал на ведение хозяйства, обычную прибыль. Получаемая в промышленных производствах норма прибыли будет определять ее норму и в сельском хозяйстве еще и потому, что в промышленности, как я уже заметил, «доход с имущества» может высчитываться только на капитал и ни на что другое, и, кроме того, в промышленности прилагается гораздо большая часть национального капитала, чем в сельском хозяйстве. Ибо в промышленности фигурирует в составе капитала еще стоимость всего продукта сельского хозяйства, как материал, чего не может быть в производстве сырья. Доход значительно большей части капитала будет диктовать и для меньшей части ту норму, по которой капитал должен получать свою прибыль. Поэтому среди большинства экономистов принимается почти молчаливо, что прибыль на капитал в промышленных производствах определяет и прибыль для арендатора в сельском хозяйстве.

В конце концов та часть ренты, приходящейся на *сырой продукт*, которая остается после исчисления прибыли на вложенный в сельском хозяйстве капитал, рассматривается как *поземельная рента*. Ибо эту часть удержит у себя землевладелец, как таковой, если он даже высчитал себе, как участвующий лично в труде, свою заработную плату и, как владелец помещенного капитала, свою прибыль; он удержит ее себе исключительно потому, что в качестве землевладельца является владельцем сырого продукта. Эта поземельная рента точно так же примет вид дохода только с земли, как таковой, хотя она есть не что иное, как продукт труда, как та часть ренты, приходящейся на сырой продукт, которая остается землевладельцу, как таковому, после вычета прибыли на капитал, определяемой по установленной в промышленности норме.

г) Особый принцип поземельной ренты [1])

Однако, остается ли что-нибудь вообще от части ренты, приходящейся на сырой продукт, после вычета прибыли на капитал? И если остается, то при каких условиях и по каким причинам?

На поставленные вопросы я отвечаю в прямой противоположности Рикардо: Да, при *том* предположении, из которого я исходил выше и которое принимает также и Рикардо, как основание всех своих исследований, именно при предположении, что сырой и промышленный продукты обмениваются по затраченному труду, что стоимость сырого продукта только равна его затраченному труду,—от части ренты, приходящейся на сырой продукт, после вычета прибыли на капитал должно всегда остаться нечто в качестве поземельной ренты, как бы велика или мала ни была стоимость сырого продукта. Так

[1]) „Zur Beleuchtung d. soz. Frage, B. I, 3 soz. Brief“.

будет по следующим основаниям: я предположил, что рента делится пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта и что эта стоимость определяется затраченным трудом. Этим само собой подразумевается, что величина этих частей ренты определяется не величиной капитала, на который высчитывается прибыль, но непосредственным трудом, сельскохозяйственным или промышленным, плюс тот труд, который должен быть присчитан вследствие изношенных орудий и машин. Следовательно, на величину частей ренты могли бы иметь влияние только те части капитала, которые заключаются в орудиях и в заработной плате, так как изношенные орудия определяют количество посредственного труда, а сумма заработной платы находится в определенном соотношении к непосредственному труду, по крайней мере, при одинаковой норме заработной платы (Lohnsatz), а непосредственный и посредственный труд вместе взятый и образует, по нашему предположению, стоимость продукта; но такого влияния никогда не может иметь та часть капитала, которая заключается в стоимости материала, ибо эта последняя никогда не может иметь влияния на труд, затраченный на добавочный продукт промышленности, напр., труд на особый продукт в виде пряжи или ткани не может определяться, между прочим, трудом, затраченным на шерсть, как сырой продукт. Наоборот, эта стоимость сырого продукта, или стоимость материала, фигурирует так же, как затрата капитала, в капитальном имуществе, на которое владелец высчитывает часть ренты, падающую на промышленный продукт в качестве прибыли. В сельскохозяйственном же капитале эта затрата отсутствует. Сельское хозяйство не нуждается в продукте какого-либо предшествующего ему производства, как в материале, но вообще только начинает производство; частью имущества, аналогичной материалу, могла бы быть в сельском хозяйстве сама земля, но она во всех теориях предполагается бесплатной. Таким образом, сельское хозяйство имеет с промышленностью две общих части капитала, которые влияют на определение величины частей ренты, но не ту часть капитала, которая этого влияния не имеет, но на которую также высчитывается, в качестве прибыли, часть ренты, опре-

деляемая первыми двумя частями капитала; эта часть встречается только в промышленном капитале. Итак, мы предположим, что стоимость сырого и промышленного продуктов определяется затраченным трудом и что рента делится между владельцами сырого и промышленного продуктов пропорционально этой стоимости; если на этом основании части ренты, получаемые в производстве сырья и производстве промышленного продукта, будут пропорциональны количествам труда, которого стоил тот и другой продукт, то приложенные в сельском хозяйстве и промышленности *капиталы, на которые высчитываются части ренты в качестве прибыли* (в промышленности самостоятельно, а в сельском хозяйстве—по норме, установившейся в промышленности), будут находиться не в том самом отношении, как указанные количества труда и определяемые ими части ренты. Напротив того, при одинаковой величине частей ренты, приходящейся на сырой и промышленный продукты, промышленный капитал будет больше сельскохозяйственного на всю величину заключающейся в нем стоимости материала; так как эта стоимость материала *увеличивает промышленный капитал, на который высчитывается приходящаяся часть ренты в качестве прибыли, но не увеличивает самой прибыли* и, следовательно, ведет еще к понижению прибыли, применяемой и к сельскому хозяйству, то с необходимостью должен получиться от части ренты, приходящейся на долю сельского хозяйства, остаток, который не будет поглощен расчетом прибыли по этой норме. Этого не произошло бы только в том случае, если бы в промышленности стоимость материала *не* включалась в капитал, либо в сельском хозяйстве эта стоимость материала *также* включалась в том же соотношении, как в промышленности, если бы, следовательно, в промышленности фигурировали в составе капитала только орудия и заработная плата, или в сельском хозяйстве в капитале фигурировала также стоимость земли; тогда части ренты, падающие на сельское хозяйство и промышленность, находились бы в одинаковом отношении не только к количествам труда, какого они стоили, но в то же время и к капиталам, на которые должна была бы высчитываться прибыль, и

тогда вся часть ренты, падающая на сырой продукт, была бы поглощена в качестве прибыли на капитал.

Итак, если стоимость сырого продукта равна только затраченному на него труду, как это принимает и Рикардо для продукта, производимого при самых неблагоприятных условиях, то, при наличности условий ренты вообще—достаточной производительности труда и собственности на землю и капитал—поземельная рента с необходимостью должна получаться всегда, как бы мала ни была стоимость сырого продукта или как бы велика ни была производительность сельскохозяйственного труда, т.-е. плодородие почвы,—ибо, я повторяю, при современных условиях тот, кто заставляет выполнять промышленные работы, должен покупать себе материал и должен присчитать его к капиталу, как затрату, требующую прибыли, в то время, как в сельскохозяйственном капитале такая стоимость материала отсутствует; в то же время, основания, определяющие величину соответствующих частей ренты, там и тут одни и те же. Только если стоимость сырого продукта упадет ниже затраченного труда, будет возможно, что и в сельском хозяйстве вся часть ренты, приходящаяся на сырой продукт, будет поглощена рассчитанной прибылью на капитал; тогда эта часть ренты настолько сократится, что между нею и сельскохозяйственным капиталом, несмотря на отсутствие стоимости материала, установится такое же отношение, какое существует между частью ренты, приходящейся на промышленный продукт, и промышленным капиталом, хотя в последнем и заключается стоимость материала; только тогда будет возможно, что и в сельском хозяйстве не останется никакой другой ренты, кроме прибыли на капитал. Однако поскольку, по крайней мере, тяготение к закону стоимости по затраченному труду составляет в действительной жизни общее правило, постольку же составляет правило и поземельная рента, и тот случай, когда не существует поземельной ренты, а получается одна прибыль на капитал, не относится к первобытному состоянию, как думает Рикардо, а является ненормальностью.

д) Предпринимательский барыш, процент и арендная плата [1])

Если национально-экономические отношения страны таковы, как было выяснено выше, именно если производительное употребление земли или капитала дает поземельную ренту или прибыль на капитал, то уже одно владение землей или капиталом, без личной деятельности владельца в сфере производства, может составить для него постоянный источник ренты. Это происходит таким образом, что владельцы предоставляют свою землю или свой капитал другим для производительного упореблениия и, следовательно, для получения поземельной ренты или прибыли на капитал, под условием полного возвращения земли или капитала в определенный срок и, кроме того, под условием известного регулярного вознаграждения за это время. Это вознаграждение может быть уплачено только из поземельной ренты или прибыли на капитал, которые получаются при помощи земли или капитала, предоставленных в распоряжение и производительно употребленных; оно создает новое подразделение ренты вообще, или той части продукта труда, которая, в силу вышеуказанных условий, удерживается у рабочих.

Таким образом, в экономическую науку вводятся некоторые новые понятия.

Владелец капитала, как таковой, называется «капиталистом» по преимуществу; тот, кто производительно употребляет этот капитал, называется «предпринимателем». Регулярное вознаграждение, которое предприниматель уплачивает капиталисту из прибыли, за предоставленный капитал, называется «процентами»; часть прибыли на капитал, которая остается предпринимателю, называется «предпринимательским барышом». Регулярное вознаграждение, которое уплачивает сельскохозяйственный предприниматель за предоставленную ему землевладельцем землю, называется «арендной платой», а он сам— «арендатором».

Ясно, что владельцы земли или капитала и экономически, и юридически в состоянии поставить лицам,

[1]) „Zur Beleuchtung..."

которым они предоставляют свою землю или свой капитал для производительного употребления, условие полного возвращения земельного участка или капитала по истечении срока и регулярной уплаты арендной платы или процентов, а эти лица в свою очередь экономически и юридически в состоянии исполнить эти условия в отношении владельцев земли и капитала. Владельцы экономически в состоянии поставить эти условия, а предприниматели—их исполнить на следующем основании: поземельная рента и прибыль на капитал высчитываются и получаются только после полного возмещения или восстановления участка или капитала, благодаря чему не только создается возможность с течением времени вполне восстановить земельный участок или капитал, но также получается регулярно возвращающийся фонд, из которого могут быть уплачиваемы арендная плата или проценты. Владельцы и юридически в состоянии поставить указанные условия, а предприниматели—их исполнить: ибо последние, исключительно благодаря собственности первых, поставлены в возможность получать поземельную ренту или прибыль на капитал и, следовательно, отдать им часть в виде арендной платы или процентов и удержать себе остальное. Таким образом землевладельцы и капиталисты не совершают в отношении предпринимателей никакой несправедливости, требуя арендной платы или процентов, и для предпринимателей нет оснований не желать их платить. Другими словами: несправедливость, которую находят в получении процентов и ради последовательности должны бы находить и в получении арендной платы, заключается не в разделении добычи, полученной от рабочих землевладельцами и капиталистами, не в разделении поземельной ренты или прибыли на капитал между владельцами и предпринимателями, но в самой добыче, *в получении поземельной ренты или прибыли на капитал*, из которых уплачиваются арендные деньги или проценты. Если я утверждаю, что землевладельцы или капиталисты юридически в состоянии требовать арендной платы или процентов, а предприниматели должны их платить, если я, следовательно, признаю юридическое обоснование арендной платы или процентов, то

здесь дело идет только об отношении между владельцами и предпринимателями, но не об отношении тех и других к рабочим, дело идет только об арендной плате или процентах, но не о поземельной ренте или прибыли на капитал. Неравномерность той и другой с точки зрения естественного права так же мало подлежит сомнению, как законность процентов и арендной платы при предположении законности поземельной ренты и прибыли на капитал...

При посредстве мерила стоимости, выраженного в деньгах, проценты могут быть высчитаны по отношению к переданному капиталу точно так же, как прибыль в отношении к затраченному капиталу; как во втором случае получается норма прибыли, так в первом получается норма процента, которая, подобно барометру высоты процента, влияет на уравнение процентов со всех переданных в пользование капиталов и через это и предпринимательских барышей во всех отдельных предприятиях. Из этого можно видеть, сколько приносит *владение* имуществом само по себе, и потому все расчеты доходов в производительных предприятиях, даже в тех, которые ведутся не на занятый капитал, делаются в такой форме, что проценты в размере обычной нормы вычитаются из прибыли на капитал и причисляются предпринимателем к издержкам, а предпринимательский барыш, *это только другая часть прибыли на капитал*, рассматривается как «чистая прибыль».

Если, таким образом, в норме процента дается масштаб для стоимости дохода, приносимого определенным капиталом, то та же норма процента дает также масштаб для определения капитальной стоимости земельного участка, от которого получается доход в виде поземельной ренты. Другими словами, подобно тому, как капитал в 1.000 талеров по норме 5% приносит 50 талеров процентов, поземельная рента в 50 талеров по норме 5% дает стоимость земли в 1.000 талеров. Если при этом право допускает продажу земельных владений, то путем оборота капитальное имущество превращается в поземельное имущество, и наоборот. Вследствие этого нередко новички в экономической науке считают поземельную ренту процентами за вложенный в земельное имущество капитал и отождествляют таким образом позе-

мельную ренту с прибылью на капитал, но они упускают из виду, что при одинаковых условиях в одном случае величина капитальной стоимости определяет собой величину получаемой суммы процентов, а в другом случае величина ренты определяет собой величину уплачиваемой капитальной суммы. И г. Тьер со своей много раз упомянутой книгой принадлежит к числу этих новичков. Если поземельная собственность отчуждаема, то капитал дается взаймы также и для покупки земельных участков, и в этом случае проценты по данной норме их вычитаются из поземельной ренты, так что, за исключением мотов или несчастливых хозяев, все проценты, имеющие быть уплаченными в стране, уплачиваются или из прибыли на капитал, или из поземельной ренты нации. Проценты гипотечного капитала составляют часть поземельной ренты, гипотечный заем является по своей природе «покупкой ренты». Проценты, которые уплачиваются предпринимателем в какой-либо форме за занятый для его предприятия капитал, составляют часть прибыли на капитал. Арендная плата по своей природе есть всегда поземельная рента.

Для того, чтобы получились поземельная рента и прибыль на капитал, не требуется никакой прибавки стоимости; тем более не требуется ее для того, чтобы дать возможность арендатору или заемщику уплачивать арендную плату или проценты или же предпринимателю получать предпринимательский барыш. Поземельная рента и прибыль на капитал, как я показал, остаются в результате вычета стоимости, который заработная плата рабочих претерпевает в отношении естественной стоимости своего продукта, а так как арендная плата или проценты уплачиваются только из поземельной ренты или прибыли на капитал или из обоих вместе, а предпринимательский барыш составляет только ту часть прибыли на капитал, которая остается за покрытием процентов, то ясно, что и проценты, и предпринимательский барыш получаются только из указанного вычета стоимости и не имеют ни малейшего влияния на естественную цену продукта.

e) Основания, определяющие высоту частей ренты [1])

После того как я вывел понятия поземельной ренты и прибыли на капитал, предпринимательского барыша, арендной платы и процента, а также стоимости земли, я перейду к объяснению тех условий, которые определяют в национально-хозяйственном развитии народа высоту этих частей.

Прежде всего,—что называется здесь высотой?

Высота прибыли на капитал и процента определяется их отношением к капиталу. Чем большая величина прибыли или процента приходится на определенную сумму капитала, тем выше прибыль или проценты. У всех цивилизованных народов принята за единицу измерения капитальная сумма в 100, которая и дает масштаб для вычисляемой высоты. Чем больше, следовательно, относительная цифра, выражающая собой величину прибыли или процентов на капитал в 100, другими словами, чем «больше процентов» дает капитал, тем выше оказываются прибыль и процент.

Высота поземельной ренты и арендной платы определяется их отношением к определенному земельному участку. Чем больше величина поземельной ренты или арендной платы, падающая на поземельный участок определенной площади, тем выше поземельная рента или арендная плата. У различных цивилизованных наций мера пространства, служащая единицей для вычисления высоты поземельной ренты, не одинакова. Значительная часть немцев, как известно, считает на магдебургские моргены. Чем больше, следовательно, сумма поземельной ренты или арендной платы, получаемая с одного магдебургского моргена, или сумма, причитающаяся на один морген при разделении всей поземельной ренты или арендной платы земельного участка на число моргенов, тем выше поземельная рента или арендная плата.

Высота стоимости земли определяется капитализацией поземельной ренты определенного земельного участка.

---

[1]) „Zur Beleuchtung..."

Чем больше капитальная сумма, какую дает капитализация поземельной ренты участка определенной меры, тем выше стоимость земли. В каждой стране мера пространства, служащая для исчисления высоты стоимости земли, та же самая, что и для вычисления высоты поземельной ренты и арендной платы.

Проценты и арендная плата, как я показал, уплачиваются из прибыли на капитал и из поземельной ренты, а стоимость земли есть не что иное, как капитализированная поземельная рента. Поэтому, исследование оснований, определяющих высоту прибыли на капитал и поземельной ренты, представляет также фундамент для исследования о высоте предпринимательского барыша, арендной платы, процентов и стоимости земли.

Что же определяет высоту прибыли на капитал и поземельной ренты?

Во всех национально-экономических вопросах общество предполагается существующим на определенной площади земли, в стране неизменной величины. Поэтому, при рассмотрении какого-либо национально-экономического вопроса, напр., в предстоящем исследовании о высоте поземельной ренты и прибыли на капитал, нельзя представлять себе один раз страну бóльших размеров, чем в другой раз, но необходимо проводить рассуждение в одних и тех же пространственных границах будет ли то один морген, тысяча квадратных миль или целый земной шар. Ответ на поставленный выше вопрос я сведу в несколько кратких формул и приведу затем их доказательства.

1. При данной стоимости продукта или при продукте данного количества труда, или, что то же самое, при данном национальном продукте, высота ренты вообще находится в обратном отношении к высоте заработной платы и в прямом отношении к высоте производительности труда вообще. Чем ниже заработная плата, тем выше рента; чем выше производительность труда вообще, тем ниже заработная плата и выше рента.

2. Если при данной стоимости продукта дана высота ренты вообще, то высота поземельной ренты и высота прибыли на капитал находятся в обратном отношении между

собой, а также к высоте производительности труда в производстве сырья и в производстве промышленных изделий. Чем выше или ниже поземельная рента, тем ниже или выше прибыль на капитал, и наоборот. Чем выше или ниже производительность труда в производстве сырья или в производстве промышленных изделий, тем ниже или выше поземельная рента или прибыль на капитал, и обратно, тем выше или ниже прибыль на капитал или поземельная рента.

3. Высота прибыли на капитал определяется исключительно высотой стоимости продукта вообще и высотой стоимости сырого и промышленного продукта в частности, или отношением производительности труда вообще и труда по производству сырья и промышленных изделий в частности; высота поземельной ренты зависит, кроме того, также от величины стоимости продукта или от количества труда или производительной силы, которая затрачивается в производство при данной производительности.

Доказательство к пункту 1. Независимо от той части стоимости продукта, которая необходима для возмещения капитала и которая может быть оставлена без внимания, ясно, что чем большую часть стоимости от данной стоимости продукта поглощает заработная плата, тем меньшая часть остается для образования ренты вообще или поземельной ренты и прибыли на капитал, вместе взятых, и наоборот. От величины этой части, остающейся в виде ренты, зависит, очевидно, высота ее. Ибо, во-первых, величина земельной площади, на которую часть ренты высчитывается в качестве поземельной ренты, очевидно, не затрагивается тем, что остающаяся в виде дохода часть стоимости продукта делится в любом отношении на заработную плату и ренту. Во-вторых, если даже заработная плата не уплачивается предпринимателем только из реализации продукта, но выдается вперед и, таким образом, требует также начисления прибыли, то величина всего вложенного в производство сырья и промышленных изделий капитала, на которую должна высчитываться другая часть ренты в виде прибыли, изменяется; именно она изменяется таким образом, что в случае, если заработная плата падает, т.-е. составляет впредь меньшую долю всей стоимости продукта, весь капи-

тал, на который высчитывается другая часть ренты в виде прибыли, становится меньше. Однако только отношение между стоимостью, делающейся прибылью на капитал или поземельной рентой, и капиталом или земельной площадью, на которые та и другая, как таковые, должны высчитываться, составляет высоту их. Если, следовательно, заработная плата оставляет для ренты бо́льшую стоимость, то на уменьшенный даже капитал и на прежнюю площадь земли должна высчитываться бо́льшая стоимость в качестве прибыли на капитал и поземельной ренты; относительная величина той и другой становится больше, и, таким образом, обе эти части, вместе взятые, или рента вообще, оказываются выше. Здесь само собой предполагается, что стоимость продукта вообще остается неизменной, другими словами, что весь продукт продается по прежней цене, хотя з а р а б о т н а я п л а т а и падает; это предположение вполне отвечает правилу, что стоимость сообразуется с количеством труда, которого стоил продукт, так как вследствие уменьшения заработной платы, которою оплачивается труд, еще не уменьшается количество труда, которого стоит продукт.

Что же определяет при современных условиях, когда заработная плата не регулируется, а предоставляется свободной конкуренции, долю стоимости продукта, которую берет эта заработная плата, и тем самым косвенно высоту ренты вообще? Несомненно, масса исторических, политических и статистических условий, которые не могут быть здесь подробно выяснены, но которые, по единогласному воззрению экономистов всех школ, при развитии оборота под действием свободной конкуренции, ведут к тому, что заработная плата в общем и на продолжительное время удерживается н а у р о в н е н е о б х о д и м ы х с р е д с т в с у щ е с т в о в а н и я, т.-е. для определенной страны и для определенного периода времени н а д о в о л ь н о о д н о о б р а з н о м и о п р е д е л е н н о м к о л и ч е с т в е р е а л ь н ы х п р о д у к т о в. Если это так (а это несомненно так), то высота стоимости продукта, или относительная стоимость определенного реального количества продукта, должна определять величину той доли, которую заработная плата занимает в стоимости продукта определенной величины или в продукте равного ко-

личества труда [1]). Ибо, если заработная плата, как необходимые средства существования, составляет определенное реальное количество продукта, она должна иметь большую стоимость, если стоимость продукта высока, и малую стоимость, если стоимость продукта низка; равным образом, так как предполагается, что в раздел поступает одинаковая стоимость продукта, заработная плата должна поглощать большую часть стоимости продукта, если последняя высока, и незначительную часть, если она низка, и соответственно этому должна оставлять или малую или большую долю стоимости продукта в виде ренты.

Если, однако, действует правило, что стоимость продукта равна количеству труда, которого он стоил, то относительно высоты стоимости продукта решает исключительно производительность труда, или отношение количества продукта к количеству труда, употребленного на его производство. Ибо, если то же самое количество труда создает больше продукта, другими словами, если производительность растет, то на то же количество продукта приходится меньше труда; наоборот, если то же самое количество труда создает меньше продукта; другими словами, если производительность падает, то на то же количество продукта падает больше труда. Однако количество труда определяет стоимость продукта, а относительная стоимость определенного количества продукта—высоту стоимости продукта. Таким образом, и стоимость продукта тем выше, чем ниже производительность, и, наоборот, тем ниже, чем выше последняя.

Следовательно, 1) так как рента тем выше, чем больше та доля стоимости продукта определенной величины, какую

---

[1]) Необходимо обратить особенное внимание на понятие „высоты стоимости продукта". Может существовать одинаковая по своей величине стоимость продукта при весьма различной высоте этой стоимости. Одинаковая по величине стоимость продукта есть продукт равного количества труда, как бы ни было велико количество его продукта или как бы ни была низка стоимость продукта. По своей высоте стоимость продукта равна, если одинаковое количество продукта стоило одинакового количества труда, сколько бы труда ни затрачивалось в производство, т.-е. как бы ни была велика стоимость продукта. Высота стоимости продукта и величина стоимости продукта относятся друг к другу, как производительность и производительная сила. (От автора.)

оставляет для ренты заработная плата, 2) так как доля, которую заработная плата оставляет для ренты, определяется высотой стоимости продукта и притом оказывается тем выше, чем ниже стоимость продукта, и, наконец, 3) так как высота стоимости продукта определяется производительностью труда, при чем стоимость продукта тем ниже, чем выше производительность труда,—то, очевидно, и рента вообще, или поземельная рента и прибыль на капитал, вместе взятые, должны быть тем выше, чем выше вообще производительность труда.

Доказательство к пункту 2. Уже выше при выяснении общего принципа поземельной ренты и прибыли на капитал я указывал, что, так как стоимость продукта труда, подлежащая разделу в качестве ренты, состоит из стоимости сырого продукта плюс стоимость промышленного продукта, рента должна делиться дальше пропорционально стоимости этих частей; следовательно, доля, которую составляет стоимость сырого продукта во всей стоимости продукта, будет определять величину части ренты, падающей на сырой продукт, а доля, которую составляет во всей стоимости продукта стоимость промышленного продукта, будет определять величину той части ренты, какая приходится на промышленный продукт. Если теперь принять, что высота ренты вообще точно также дана в определенной стоимости продукта, то, очевидно, высота поземельной ренты и прибыли на капитал должна зависеть от величины этих долей. Чем больше часть ренты, падающая на сырой продукт, или доля, которую составляет во всей стоимости продукта стоимость сырого продукта, и чем меньше, следовательно, часть ренты, падающая на промышленный продукт, или доля, которую составляет во всей стоимости продукта стоимость промышленного продукта, тем выше должна быть поземельная рента и тем ниже прибыль на капитал; при обратных условиях тем ниже должна быть поземельная рента и тем выше прибыль на капитал. Ибо часть ренты, которая приходится на промышленный продукт и определяет норму прибыли на капитал, распределяется в качестве прибыли не только на капитал, действительно затраченный на со-

здание этого продукта, но и на всю стоимость сырого продукта, фигурирующую в предпринимательском фонде фабриканта, как стоимость материала; наоборот, такая стоимость материала отсутствует для той части ренты, которая приходится на сырой продукт и из которой сначала высчитывается прибыль на затраченный в производстве сырья капитал по норме прибыли в промышленности, а остаток остается в виде поземельной ренты. Теперь ясно, что, чем больше стоимость сырого продукта или стоимость материала, на который также высчитывается в виде прибыли часть ренты, падающая на промышленный продукт, тем ниже должна быть прибыль, и чем меньше эта стоимость, тем выше прибыль. Ибо при этом не только становится ниже процентная норма прибыли соответственно большей стоимости сырого продукта или стоимости материала, но также, чем больше стоимость сырого продукта, тем меньше в то же время часть ренты, приходящаяся на промышленный продукт, так как тем меньше при этом (ибо здесь идет речь о долях стоимости сырого и промышленного продукта во всей стоимости продукта) стоимость промышленного продукта и величина части ренты, определяемой этой стоимостью и приходящейся на промышленный продукт. Норма же прибыли, которая таким образом определяется частью ренты, падающей на промышленный продукт, устанавливает также норму, по которой должна высчитываться из части ренты, падающей на сырой продукт, прибыль на затраченный здесь капитал; если стоимость сырого продукта высока, то, очевидно, в виде поземельной ренты должна оставаться большая доля ренты, так как величина части ренты, падающей на сырой продукт, сообразуется с высотой стоимости сырого продукта, и чем выше эта стоимость и чем больше, следовательно, часть ренты, на нее приходящаяся, тем ниже будет, по вышеуказанным двум основаниям, прибыль на капитал. Та бо́льшая часть доли ренты, приходящейся на сырой продукт, которая остается в виде поземельной ренты, дает более высокую поземельную ренту, потому что площадь земли или число моргенов, на которые

она высчитывается, остаются те же самые и, следовательно, на один морген приходится бо́льшая сумма стоимости. Обратное отношение должно иметь место, если стоимость сырого продукта низка, а стоимость промышленного продукта высока. Ибо в этом случае стоимость материала незначительна; высчитываемая на нее в виде прибыли на капитал доля ренты, которая здесь к тому же велика в силу высокой стоимости промышленного продукта, дает высокую норму прибыли; а так как по этой норме прибыли должна вычитаться из доли ренты, падающей на сырой продукт, также и прибыль на затраченный при этом капитал, то для поземельной ренты получается тем меньший остаток, что в этом случае соответствующая часть ренты и без того мала вследствие низкой стоимости сырого продукта. Опять-таки и здесь относительная высота стоимости сырого продукта и стоимости промышленного продукта или доли, которые они имеют в общей стоимости продукта, определяются исключительно производительностью труда в производстве сырья или в промышленности. Стоимость сырого продукта будет тем выше, чем ниже производительность труда в производстве сырья, и наоборот. Точно так же стоимость промышленного продукта будет тем выше, чем ниже оказывается производительность в промышленности, и наоборот. Поэтому, так как высокая стоимость сырого продукта обусловливает высокую поземельную ренту и низкую прибыль на капитал, а высокая стоимость промышленного продукта обусловливает высокую прибыль на капитал и низкую поземельную ренту, то и при данной высоте ренты вообще, высота поземельной ренты и высота прибыли на капитал находятся в обратном отношении не только между собой, но и к производительности соответствующего труда, именно труда по производству сырья и труда промышленного.

Доказательство к пункту 3. Я уже упоминал, что высота прибыли на капитал исчисляется отношением стоимости, приходящейся на промышленный продукт в виде ренты, к общей стоимости капитала, на который эта стоимость должна распределяться в виде прибыли, а высота поземельной ренты выражается отношением той стоимости, которая остается от доли ренты, приходящейся на

сырой продукт, после вычета обычной прибыли на капитал, к числу моргенов, на которые эта стоимость должна распределяться в виде поземельной ренты. Далее, я приводил доказательства того, что высота прибыли на капитал и поземельной ренты зависит от высоты производительности труда вообще и труда по производству сырья и промышленного в частности. Возьмем мы, таким образом, определенную высоту производительности труда вообще и труда в производстве сырья и в промышленности в частности, возьмем далее определенную этим высоту ренты вообще и высоту прибыли на капитал и поземельной ренты в частности, и поставим себе вопрос, может ли, при таком определенном отношении производительности, изменение в величине стоимости продукта, подлежащего разделению, другими словами, изменение в количестве труда или производительной силы, затраченной в производство, повести к изменению в высоте прибыли на капитал и поземельной ренты? Возьмем сначала прибыль на капитал. Положим, что при данной высоте стоимости продукта или при данном отношении производительности и, следовательно, при данном разделении стоимости продукта на заработную плату и ренту и ренты на поземельную ренту и прибыль на капитал, стоимость продукта, подлежащая разделению, увеличивается, так как в производстве прилагается больше производительной силы или труда и, следовательно, при одинаковой производительности или одинаковой высоте стоимости продукта создается большая сумма стоимости; ясно, что тогда должно получаться и *больше* прибыли на капитал; так как прежнее отношение распределения предполагается неизменным, то и вновь созданное количество стоимости продукта делится в том же отношении, как и ранее созданное, если же от прежде созданного продукта получалась в каком-либо отношении прибыль на капитал, то это должно иметь место и для вновь созданного. Вопрос заключается в том, может ли это увеличение прибыли на капитал также повысить ее? Это могло бы случиться только в том случае, если бы через это соответственно изменилось бы отношение между прибылью и капиталом. Но ясно, что этого не может быть. Ибо, так как при уве-

личенной стоимости продукта предполагается то же самое отношение производительности, как и при прежней стоимости и, следовательно, отношение стоимости сырого и промышленного продукта остается прежним, то и увеличенная сумма прибыли на капитал должна высчитываться на соответственно больший капитал против того, на который высчитывалась прежняя сумма прибыли на капитал. В том же отношении, в каком *увеличивается* в силу увеличения стоимости продукта сумма прибыли на капитал, *увеличивается* так же и сумма стоимости капитала, на которую должна высчитываться прибыль, и прежнее отношение между прибылью и капиталом совершенно не изменяется этим увеличением прибыли на капитал. Иначе обстоит дело для поземельной ренты! И здесь прежде всего ясно, что и поземельная рента увеличивается вследствие указанного увеличения стоимости продукта при той же самой высоте этой стоимости вообще и стоимости сырого и промышленного продукта в частности и, следовательно, при прежнем распределении стоимости продукта. Вопрос заключается в том, изменит ли это увеличение поземельной ренты ее прежнюю высоту? И для поземельной ренты это могло бы произойти только в том случае, если бы через это изменилось отношение между поземельной рентой и числом моргенов земли. Такое изменение в поземельной ренте, очевидно, и должно в действительности произойти. Ибо с увеличением поземельной ренты число моргенов, на которое она распределяется, не растет в той же пропорции, подобно тому, как с увеличением прибыли на капитал необходимо должен увеличиваться капитал, на который высчитывается прибыль, но оно остается той же самой территорией, тем же земельным владением, тем же числом моргенов, в границах которых и совершается национально-экономическое развитие. Таким образом принимается, что количество труда, которым создается увеличение стоимости продукта, затрачивается на ту же территорию, на то же земельное владение, на то же число моргенов. Следовательно, при увеличении поземельной ренты прежнее отношение между ней и числом моргенов, на которое она распреде-

ляется, во всяком случае изменяется, так как на число этих моргенов приходится теперь бо́льшая сумма ренты, чем раньше.

ж) Краткое обозрение основ изложенной теории ренты и ее отличие от прежних теорий [1])

Теория ренты, которую я изложил, отличается от теорий прочих экономистов, в частности и от теории Рикардо.

Я отмечу еще раз ее характерные черты. Она объясняет из разделения продукта труда, наступающего с необходимостью, если имеются налицо два условия—достаточная производительность труда и собственность на землю и капитал—все явления заработной платы и ренты, прибыли на капитал, поземельной ренты, предпринимательского барыша, процента, арендной платы, стоимости земли, объясняет существование различных классов в обществе, наконец, бедность многих в противоположность богатству единичных лиц, значительно превосходящему производительную способность индивида. Моя теория выясняет, что *хозяйственная возможность* такого разделения продукта обусловливается всецело достаточной производительностью труда, так как эта производительность дает стоимости продукта такое большое реальное содержание, что им могут существовать еще и другие лица, которые сами не работают; она объясняет, что только собственность на землю и капитал обусловливает *юридическую действительность* такого разделения, так как она вынуждает рабочих делить их продукт с неработающими собственниками земли и капитала, и притом в таком отношении, что как раз они, рабочие, получают из него только самое необходимое для существования.

Чтобы выяснить эти явления, которые могут быть изображены в обороте только в форме распределения *стоимостей*, моя теория исходит *из предположения, что стоимость продукта равна труду, которого он стоил*. Правда, это предположение встречается в жизни не во всякое время, не везде, не во всех единичных слу-

[1]) „Zur Beleuchtung"...

чаях. В действительной жизни рыночная стоимость отклоняется то вверх, то вниз от пункта, указанного суммой затраченного труда, так как в предоставленном самому себе обороте отсутствует руководящая рука, которая могла бы заключаться только в законах общества и их исполнительных средствах. Но рыночная стоимость, по крайней мере, постоянно тяготеет к этому пункту. Во всяком случае, для того, чтобы правильно вывести указанные явления из разделения продукта, следует исходить хотя из изменяющейся стоимости, но из стоимости, изменяющейся по постоянному закону, так как иначе исследование будет лишено единства своего основания; поэтому, несмотря на почти постоянное отклонение рыночной стоимости от ее центра тяготения, теория может исходить из той стоимости, которая проявляет в отношении рыночной стоимости, по крайней мере, наиболее сильное влияние и постоянную притягательную силу. Теория не могла бы исходить из этой стоимости только в том случае, если бы рассматриваемые явления с необходимостью предполагали другую, а не нормальную стоимость, если бы, напр., поземельная рента или процент при какой-либо высоте не могли бы быть объяснены из нормальной стоимости. Но она д о л ж н а это сделать, если колеблющаяся рыночная стоимость оказалась лишенной этого единства основания.

После того как, согласно этой теории, при достаточной производительности труда та часть стоимости продукта, которая остается в виде дохода после возмещения капитала, разделяется, вследствие собственности на землю и капитал, между рабочими и владельцами, как заработная плата и рента, теория объясняет из дальнейшего разделения этой части стоимости, остающейся в виде ренты, также прибыль на капитал и поземельную ренту. Именно, она доказывает, что, если два различных владельца или два класса владельцев предпримут,—одни работы по производству сырья, другие промышленную его переработку,—и, следовательно, владение продуктом будет разделяться между этими двумя владельцами или классами владельцев, то тогда часть стоимости, остающаяся в качестве ренты, должна далее делиться между ними пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта. Теория показывает далее, как часть ренты,

приходящаяся на промышленный продукт, рассчитывается в качестве прибыли на промышленный капитал, как по определяемой отсюда относительной норме высчитывается из части ренты, падающей на сырой продукт, прибыль на капитал, прилагаемый в производстве сырья; наконец, она показывает, как, благодаря тому, что к промышленному капиталу причитывается вся стоимость сырого продукта, в качестве стоимости материала, а в капитале, служащем производству сырья, такая составная часть отсутствует, после вычета прибыли на последний капитал необходимо должен остаться от части ренты, падающей на сырой продукт, остаток, называемый поземельной рентой, так как он не может достаться никому иному, кроме землевладельца.

Теория объясняет далее, как арендная плата, процент и предпринимательский барыш являются только результатом дальнейшего деления поземельной ренты и прибыли на капитал, которое происходит в силу того, что владельцы земли или капитала не предпринимают сами производительных работ, но отдают для этой цели свое владение в заем другим и за это делят вместе с «предпринимателями» поземельную ренту или прибыль на капитал. Она ставит тем самым вне сомнения правомерность в отношении *предпринимателей* получения владельцами земли и капитала *арендной платы и процентов*, но тем более подчеркивает неправомерность в отношении рабочих получения владельцами и предпринимателями поземельной ренты и прибыли на капитал.

Эта теория может далее объяснить то влияние, которое изменения в производительности и в количестве национального труда или в плотности населения оказывают на национальный доход и, в частности, на доли ренты. Она выясняет, что, если заработная плата зависит от действия предоставленного самому себе оборота и потому удерживается на уровне «необходимых средств существования», то каждое увеличение производительности национального труда должно вести к падению заработной платы и к повышению ренты вообще, но что в этом повышении ренты вообще отдельные части ренты, именно поземельная рента и прибыль на капитал, принимают участие обратно пропорционально

изменению производительности труда. Она доказывает затем, что единственными конечными причинами изменяющейся высоты заработной платы и прибыли на капитал служат только что указанные изменения в производительности труда вообще и труда в производстве сырья и в промышленности в частности, или изменения в условиях разделения стоимости продукта, что высота поземельной ренты обусловливается, кроме того изменением, в количестве национального труда или в величине подлежащей разделению стоимости продукта, другими словами, изменениями в плотности населения; она объясняет при этом, почему увеличение заработной платы, прибыли на капитал и поземельной ренты, вытекающее из увеличения стоимости национального продукта, не может повысить в нации ни заработной платы, ни прибыли на капитал, так как бóльшая заработная плата распределяется теперь между большим числом рабочих, а бóльшая прибыль на капитал падает на увеличивающийся в той же пропорции капитал, но почему оно необходимо должно повысить поземельную ренту, так как последняя всегда падает на неизменные по величине земельные участки. Таким образом, теория объясняет вполне удовлетворительно огромное повышение стоимости земли, представляющей собой не что иное, как капитализированную по обычному проценту поземельную ренту, не прибегая в своей аргументации к уменьшению производительности сельскохозяйственного труда, что решительно противоречит как идее усовершенствования человеческого общества, так и всем агрономическим и статистическим фактам.

Наконец, эта теория служит во всех своих частностях доказательством того, что те панегиристы современных отношений собственности, которые основывают собственность на труде, попадают в полнейшее противоречие с своим собственным принципом. Она доказывает, что современные отношения собственности покоятся как раз на всеобщем нарушении этого принципа и что крупные индивидуальные имущества, накопляющиеся в современном обществе, возникают не из различия, как думает господин Тьер, производительных способностей индивидов или индивидуального труда, — которому юридически, действительно, достаются

различные положения собственности,—и не из наследственного права,—юридически столь же священного, как и сама собственность,—но из исторических фактов, которые непрерывно и при возрастающей производительности все в большей мере удерживают от каждого труда часть его продукта и с каждым вновь родившимся рабочим увеличивают издавна накопляющуюся в обществе добычу (Raub). Таким образом, эта теория, как мне кажется, избегает неясности и заблуждений французских социалистов и превращает положение «собственность есть кража» в более верное положение «собственность должна быть оберегаема от кражи».

Изложенная теория, как мне кажется, избегает также ошибок прежних национально-экономических систем и восполняет их важнейшие пробелы.

По мнению всех экономистов, начиная с Адама Смита, стоимость продукта распадается на заработную плату, поземельную ренту и прибыль на капитал, так что идея основать доход различных классов, в том числе и части ренты, на разделении продукта не представляет новизны. Однако, экономисты тотчас же впадают в заблуждения. Все они,— не исключая даже школы Рикардо,—делают прежде всего ту ошибку, что принимают не весь продукт, не законченное благо, не весь национальный продукт за единое целое, в разделе которого принимают участие рабочие, землевладельцы и капиталисты, но представляют себе разделение сырого продукта, как особый процесс, в котором участвуют три участника, и разделение промышленного продукта, как особый процесс, в котором участвуют только два участника. Таким образом, эти системы рассматривают и сырой и промышленный продукты, как особые самостоятельные блага, составляющие доход. Затем они делают,—за исключением, впрочем, Рикардо и Смита,—вторую ошибку, принимая естественный факт, что труд без содействия материи, следовательно, без земли, не может произвести ни одного блага, за экономический факт, и считая тот общественный факт, что при разделении труда необходим капитал в современном смысле слова, первичным явлением. Они создают воображаемое основное экономическое отношение, в котором, при обособленном в обществе

владении землей, капиталом и трудом, доли этих различных владельцев образуются таким образом, что поземельная рента проистекает из содействия земли, предоставляемой землевладельцем для производства, прибыль на капитал—из содействия капитала, употребляемого для этой цели капиталистом, и заработная плата, наконец, из содействия труда. Школа Сэя, которая полнее всего развила эту ошибочную теорию, создала даже понятие производительных услуг земли, капитала и труда, соответствующих долям различных владельцев в продукте, для того, чтобы объяснить это участие в продукте производительными услугами каждого. Наконец, третья несообразность заключается в том, что заработная плата и части ренты выводятся из стоимости продукта и в то же время стоимость продукта выводится из заработной платы и частей ренты, т.-е. одно взаимно обосновывается другим. У некоторых писателей эта нелепость выступает с такой очевидностью, что в двух главах, непосредственно следующих одна за другой, излагается сначала «влияние рент на цены продуктов», а затем «влияние цен продуктов на ренты».

Вследствие этих заблуждений экономисты не только лишились всех плодотворных выводов из принципа разделения стоимости продукта на заработную плату и на части ренты, но и впали в ряд дальнейших, легко объяснимых заблуждений.

Представление производства сырья и промышленной его переработки, как особых самостоятельных производств благ, и изображение разделения сырого продукта, как особого процесса, в котором участвуют три участника, и разделения промышленного продукта, как особого процесса, в котором участвуют только два участника,—привели к тому, что до сих пор все экономисты, за исключением последователей Рикардо, разделяют относительно поземельной ренты в сущности заблуждения физиократов. Это вполне признает Цахариэ. Действительно, если рассматривать производство сырья, как самостоятельное производство благ, а разделение сырого продукта, как особое самостоятельное распределение продукта, то можно исходить даже из правильного взгляда на труд, как на единственный с экономической точки зрения

производительный элемент, и тем не менее, не принадлежа к школе Рикардо, не быть в состоянии иначе ответить на вопрос, почему один только сельскохозяйственный труд приносит, кроме заработной платы и прибыли на капитал, еще поземельную ренту, как согласно учению физиократов. Если же мы положим в основание распределения между современными управомоченными сторонами, как и должно быть, уже вполне готовый продукт, в котором выполнены не только сельскохозяйственные, но и промышленные работы, словом, все работы, делающие его вполне готовым для конечного потребления, то должны будем признать, что сельскохозяйственный труд принимает такое же участие в образовании прибыли на капитал фабриканта, какое промышленный труд принимает в образовании поземельной ренты землевладельца, и что весь продукт делится только пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта. Кроме того, мы должны будем признать, что от стоимости сырого продукта остается поземельная рента только потому, что норма прибыли на капитал, диктуемая производству сырья со стороны промышленности, благодаря отсутствию в сельскохозяйственном капитале стоимости сырого продукта, или материала, присчитываемой к промышленному капиталу, никоим образом *не может* поглотить всей стоимости продукта, которая остается за покрытием возмещения капитала и заработной платы.

Другое представление, по которому разделение продукта на заработную плату и части ренты вытекает из взаимодействия различных производительных услуг труда, земли и капитала, совершенно исключает правильный взгляд на экономическое отношение труда к продукту и, следовательно, на общественное, экономическое и юридическое положение рабочих. Тем не менее, как раз это учение и дало французским социалистам,—Прудон сюда не принадлежит,—главное оружие в руки. В то время как оно пытается объяснить мнимые производительные услуги капитала и земли исключительно «естественными силами», оно само собой приводит к вопросу, каким образом меньшинство получило возможность присвоить себе естественные силы, одинаковые с воздухом и солнечным светом,—к вопросу, который, в слу-

чае верности отправной точки, не мог бы быть отклонен ввиду богатства этого меньшинства и бедствий массы. Таким образом, указанное представление, хотя и явно противоречит вечному праву труда, ведет к сомнениям в правомерности собственности на землю и капитал—сомнениям, уже ясно высказанным по отношению к земельной собственности Сэем,—но без одновременного указания нити, выводящей из лабиринта этой несправедливости.

Третье представление, наконец, по которому стоимость продукта должна происходить из стоимости заработной платы и частей ренты и в то же время заработная плата и части ренты должны происходить из стоимости продукта,—повело прежде всего к вреднейшему из всех выводу, будто бы цена продукта определяется сверх прочего высотой заработной платы, будто бы высокая заработная плата препятствует конкуренции на мировом рынке, а потому расцвет национальной торговли и благосостояние рабочих классов находятся в естественном взаимном противоречии; кроме того, это представление делает невозможной *какую бы то ни было* теорию о естественной высоте заработной платы и частей ренты. Поэтому пытались объяснить высоту прибыли на капитал и поземельной ренты страны только степенью конкуренции, не ставя себе при этом вопроса, чем же должна быть объяснена степень конкуренции. Итак, можно сказать, что господствующие теории заключают в себе еще массу заблуждений и нерешенных загадок, которые практически далеко не безразличны, так как становятся в жизни предрассудками, делающими невозможным уразумение необходимых улучшений оборота.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА [1])

Когда вся земля в стране перешла в частную собственность, когда вместе с тем сложилась частная собственность на весь капитал, земельная и капиталистическая собствен-

[1]) Из „Zur Beleuchtung d. soz. Frage, T. I, 2 soz. Brief“.

ность стала проявлять принуждение по отношению к освобожденным или свободным рабочим. Ибо эта собственность производит, во-первых, подобно рабству, то, что продукт принадлежит не самим рабочим, а господам земли и капитала, и, во-вторых, то, что рабочие, ничем не владеющие, в противоположность господам, владеющим землей и капиталом, чувствуют себя довольными, если получают только часть продукта своего собственного труда для поддержания своего существования, т.-е. для продолжения своего труда. Без сомнения, вместо распоряжения рабовладельца появился договор рабочего с работодателем, но этот договор свободен только формально, а не материально, и голод почти вполне заменяет плеть. То, что раньше называлось кормом, теперь именуется заработной платой.

Рента и заработная плата составляют, таким образом, доли, на которые распадается продукт, поскольку он является доходом. Отсюда следует, что чем больше одна доля, тем меньше должна быть другая [1]).

Если рента (поземельная и капиталистическая ренты вместе взятые) обнимает большую долю продукта, то для заработной платы может остаться только небольшая доля. Если одна доля изменяется в своей величине, то другая должна изменяться в противоположном направлении. Так как величина долей в продукте в то же время определяет высоту их стоимости, то для характеристики состояния и изменения ренты и заработной платы употребляются выражения «высокая», «поднимается» и «низкая», «падает», которые являются относительными понятиями. Говорят, что рента стоит «высоко» или «поднимается», а заработная плата стоит «низко» или «падает», если первая составляет значительную или возрастающую долю продукта, а вторая—небольшую или уменьшающуюся долю.

О высоком или низком состоянии заработной платы, о ее повышении или понижении говорят еще и в другом отношении. Именно, наука ввела позорное понятие «необ-

[1]) Здесь рассматривается относительное изменение заработной платы и ренты при предположении одинакового количества труда, т.-е. одинакового рабочего населения и неизменной или изменяющейся производительности. (От автора.)

ходимой заработной платы», т.-е. платы, заключающей в себе лишь столько благ, сколько нужно рабочему для продолжения его работы; тем самым она незаметно начинает рассматривать свободного рабочего, как раба, стоящего столько корма, сколько машина стоит расходов на ремонт. Эту сумму необходимой заработной платы принимают за указатель, за решающее мерило, и говорят, что заработная плата высока или поднимается, или наоборот, что она низка или падает, смотря по тому, отдаляется ли она от этого пункта или приближается к нему, к выгоде или вреду для рабочих. Однако этим понятием необходимой заработной платы еще не сказано, что действительная заработная плата не может упасть ниже этого пункта, и что она представляет собой по количеству меру, одинаковую для всех времен и стран.

Необходимо, конечно, различать состояние (Stand) и движение заработной платы в этих двух отношениях, так как они совершенно не совпадают. Заработная плата может в одном отношении быть высока или повышаться, в то время как в другом отношении она будет низка или будет падать, или наоборот. Все дело будет только зависеть от степени или изменения производительности труда. Если, напр., то же самое количество труда создает большое или возрастающее количество благ, то заработная плата, рассматриваемая как доля в продукте, может быть низка или падать, в то время как по сравнению с уровнем необходимых потребностей она может стоять высоко и еще даже повышаться. Нужно освоиться с представлением об этом двояком движении заработной платы, так как оно должно иметь в будущем решающее влияние на науку и действительность.

Глава пятая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОЯ

а) Пауперизм и торговые кризисы [1])

Так как вся земля и весь капитал принадлежат не обществу, как таковому, а отдельным частным владельцам, которым предоставлено право распоряжаться ими с неограниченной властью собственника над своей собственностью,— то разделение труда не является в существующих условиях государственно-хозяйственным общением всех членов общества, хотя право и признает их всех одинаково свободными, общением, которым руководил бы какой-либо орган общества, какое-либо учреждение, руководил бы в соответствии с наличными общественными средствами и потребностями. Наоборот, теперь отдельные поземельные и капитальные собственники присвоили себе функции этого учреждения, и они выполняют их, руководствуясь исключительно своими частными интересами. А разделение труда теперь ограничено особым сословием—многочисленным классом рабочих, которые и выполняют порученные им производственные функции за плату и на службе у собственников земли и капитала. Эта своеобразная форма разделения труда оказывает глубокое влияние на распределение общественного продукта. Участие в последнем не ограничивается уже одними только производителями, рабочими, оно не совершается сообразно известному масштабу, определяемому правом,—как это могло и должно было бы быть. Теперь в распределении общественного продукта, кроме производителей, рабочих, участвуют также и владельцы общественного производительного фонда. Только основание, титул долей в продукте определяется теперь правом, мера же их предоставлена слепой силе обращения. Ради достижения этой меры общество возвращается назад к первобытному хозяйственному состоянию. Вспыхивает bellum omnium contra omnes, общество живет в непрерывном военном состоянии и это ради того, чтобы

[1]) Из „Die soziale Bedeutung, 1 soz. Brief“.

получить ту долю в общественном продукте, какая должна была бы определяться правом. Но право упустило или не смогло этого сделать.

Нужно помнить об этих основных чертах нынешнего обращения. Они являются результатом ряда правовых эмансипаций, которые, с другой стороны, рассматриваются, как ряд правонарушений. В них скрыта причина двух замечательных явлений, к которым можно свести все хозяйственные бедствия, постигающие ныне общество. Я имею в виду причину *пауперизма* и *торговых кризисов*.

О пауперизме говорилось много, и я могу быть здесь краток. Торговые кризисы еще не обсуждались всесторонне, а потому я посвящу им больше внимания.

Сперва о пауперизме. Вот уже несколько десятилетий, как замечено, *что обнищание постоянно возрастает*, и что в отдельных странах оно растет даже в большей пропорции, чем народонаселение. Ныне обнищание достигло таких размеров, что значительная часть народа не может уже жить на собственные средства и в той или иной форме вынуждена пользоваться вспомоществованием со стороны остальной части общества. Эти факты можно считать известными, и ни один экономист или статистик с именем не станет их оспаривать. Несмотря на то, что частная благотворительность в настоящее время (безразлично, в силу каких мотивов) делает больше, нежели раньше, расходы на бедных в отдельных муниципалитетах растут быстрее, чем население. И этот факт многократно доказывал возрастающее обнищание. То, что Büret доказал в большом масштабе для Англии,—то же самое в малом масштабе можно обнаружить и у нас: стоит только посетить рабочие квартиры в любом прусском городе.

На-ряду с этим фактом, наблюдается другой, столь же несомненный, факт, который еще резче подчеркивает первый; а именно, одновременное увеличение национального богатства. Национальное имущество увеличилось не потому только, что увеличилось народонаселение, и увеличившееся население стало производить больше; ибо если даже возросшее национальное имущество разделить на число душ также возросшего населения, то на одного человека теперь придется бóльшая сумма.

Дитерици, например, вычисляет, что в Пруссии приходилось:

в 1815	г.	на	душу	15	рейхс-талеров.
„ 1831	„	„	„	25	„
„ 1843	„	„	„	30	„

Отдельные цифры могут быть неверны, но относительное увеличение, несомненно, верно. Подобное относительное возрастание национального богатства имело место и в большинстве остальных цивилизованных стран, в Англии оно было несравненно более сильным.

Равным образом, этот прирост национального богатства выражается не в одном только увеличении суммы стоимости. Последнее могло бы иметь место, если бы все продукты стали дороже, что не противоречило бы возрастанию нужды, которая измеряется количеством, а не стоимостью товара, приходящегося на душу населения. В своих заслуживающих внимания трудах о производстве и потреблении в Таможенном Союзе Дитерици, однако, доказывает, что увеличилось и количество приходящегося на душу населения товара. И это относится к большинству наиболее важных товаров. Я не стану долее останавливаться на этом факте, который в статистике точно так же стоит вне всяких сомнений.

Итак, оба эти явления, как это ни удивительно, развиваются параллельно друг-другу: обнищание в нации растет быстрее, чем растет население, и, одновременно, национальное имущество растет быстрее, чем население; следовательно, обнищание возрастает одновременно с национальным богатством. Очевидно, это одновременное обнищание и обогащение возможно благодаря тому, что только часть общества пользуется возрастающим национальным имуществом, а другая часть исключается из этого. И, таким образом, те статистические расчеты, которые доказывают возрастание богатства, по крайней мере, постольку скрывают в себе обман, поскольку нуждающаяся часть общества не становится богаче благодаря приросту богатства. Если бы даже было доказано, что при увеличении национального богатства, обнищание растет только пропорционально приросту населения, или если бы даже обнищание уменьшалось, но только

не в той пропорции, в какой растет национальное богатство,—то и в таком случае перед нами было бы чудовищное нарушение естественных правил истинной справедливости. Конечно, различия в доходе имеют свои веские оправдания, но эти естественные различия не могут оправдать того, что при возрастании национального богатства одна часть общества получает все больше и больше, а другая все меньше и меньше.

Более внимательное наблюдение над государственно-хозяйственными отношениями убеждает в том, что таков именно удел рабочих классов.

Правда, чтобы избежать того молчаливого упрека, который содержится в этом замечании, пробовали было оспаривать саму противоположность рабочих классов другим деятельным классам общества. Но неправильность этого— очевидна. Труд—больше функция тела, чем духа, он больше повинуется навыку, чем идее, его можно измерять временем и продуктом, и, поэтому, он может оплачиваться определенной мерой оплаты, по часам или поштучно. Всеми этими признаками труд, несомненно, отличается от всякой другой человеческой деятельности. Это различие не умаляется тем, что бывают такого рода деятельности, которые, повидимому, почти что ничем не отличаются от «труда». В реальном мире все образуют одну сплошную цепь, и если встречаются такие органические образования, в которых различие между животным и растительным царством, повидимому, почти отсутствует,—то никто не станет, на основании этого, оспаривать отличие дуба от лошади. То же самое нужно сказать и относительно области истории, которая часто при помощи таких переходных явлений и понятий достигает следующих ступеней своего развития. История доказывает, что именно деятельность, характеризующаяся вышеуказанными признаками, может называться трудом. Точно так же история доказывает, что эта деятельность, обычно называющаяся трудом, выпадает на долю исключительно одной части населения. Естественным и своеобразным следствием отсюда является то, что эта часть населения получает свой доход и средства к жизни почти исключительно от своего труда. И эта оплата труда такова, что до сих пор почти совершен-

но лишала ее благодеяний цивилизации. Ввиду совпадения столь многих характерных обстоятельств, и язык и наука не обратили никакого внимания на возражение против особого понятия «рабочие классы». Их название и факт их существования могут исчезнуть только тогда, когда с течением времени благодеяния цивилизации станут общим достоянием, когда труд станет общим бременем в обществе. И инстинктивная справедливость, в награду за большую жизненную тяжесть, падающую на долю этих классов, только их одних наделяет названием «рабочие» и—тем правом, которое история готова уже развить отсюда.

Итак, почти исключительно одни только эти классы выполняют механические работы, почти исключительно отсюда черпают они свои средства к жизни. Классы эти простираются вплоть до рядов тех капиталистов, которые ныне образуют «сословие мелких ремесленников» и которые точно так же живут, главным образом, «трудом своих собственных рук», хотя и имеют небольшой собственный капитал,—и именно эти рабочие классы становятся жертвой указанного возрастающего обнищания. Их рядами ограничивается это явление, ставшее общественной проблемой. Если статистика, которая должна служить самопознанию общества, так еще отстала, что не может подкрепить этого утверждения цифровыми данными,—то правильность последнего может доказать более внимательное знакомство с статьями расходов на бедных в любом коммунальном бюджете.

Это—новое явление в истории. Без сомнения, бывали периоды, когда, на-ряду с прогрессирующим накоплением богатства в руках все уменьшающейся кучки людей, наблюдался общий рост обнищания. Такой характер должно было носить время упадка Римской империи. Бывали также периоды, когда какой-либо отдельный класс общества испытывал тяжесть временного и преходящего бремени. В таком положении довольно часто находятся даже классы землевладельцев и капиталистов. Но в истории раньше никогда не бывало, чтобы наблюдалось постоянно возрастающее частичное обеднение общества, постоянный рост обнищания одного и того же класса на-ряду с одновременным и постоянным возрастанием национального богатства. Правда, от

прежнего правового положения рабочих классов зависело, что такая судьба постигала их. Правда, чума и голодные годы время от времени еще ужаснее свирепствовали среди них,—но ни рабство, ни различные ступени зависимости и подданничества, ни jus prohibendi строгого цехового права не знали пауперизма, хотя им и было знакомо нечто худшее. Поэтому, язык обозначил этот новый факт и новым названием, которое уже одним своим словообразованием свидетельствует о том, что факт этот есть варварство среди цивилизации.

Едва ли меньшее страдание, чем пауперизм, принесли обществу *торговые кризисы*.

Приблизительно с того самого времени, когда пауперизм привлек к себе общее внимание, стали периодически повторяться так называемые торговые кризисы, вносящие расстройство в обращение. Нетрудно указать внешние признаки этих мировых хозяйственных бедствий. В главных отраслях промышленности наступает неожиданное затруднение в сбыте, который только что был вполне обеспечен; вскоре то же самое передается остальным промыслам; все товарные цены, которые только что были еще так прибыльны, быстро падают; стоимость производительных имуществ падает, вплоть до полного обесценения; почти всеобщая невозможность выполнять принятые обязательства; временное или частичное ограничение или приостановка производства; оставление тысяч рабочих без хлеба—таковы быстро сменяющиеся и воздействующие друг на друга симптомы явлений кризиса, уничтожающего капитал и отнимающего у рабочего его последние лохмотья.

Эти кризисы всегда начинаются в мировых центрах обращения, и отсюда их влияние распространяется вплоть до последних торговых пунктов обоих полушарий. Как раз там, где имеются наиболее подходящие условия для национального благосостояния, где капиталы изобильны, где кредит наиболее развит, производительность самая высокая, где рабочие пользуются наибольшей свободой,—именно здесь, прежде всего дают себя знать те удары, которые вскоре после того потрясают весь связанный обращением мир. И наиболее тяжко удары эти отражаются именно здесь, и

по какому-то чудовищно-нелепому сочетанию проклятие нищеты сильнее всего дает себя знать там и тогда, где и когда проявляются наибольшие успехи промышленности.

Все подобные кризисы, постигавшие связанный обращением мир, все они сопровождались однородными обстоятельствами. И это дает нам право предположить, что они имеют одну и ту же глубоко-лежащую причину. История государственного хозяйства впервые узнала такие катастрофы со времени общего мира 1815 года, когда нации получили возможность беспрепятственно отдаться индустриальной деятельности и великие промышленные изобретения предыдущих десятилетий в более полной мере смогли оказать свое влияние. Эти катастрофы, следовательно, впервые появились лишь тогда, когда богатство всех цивилизованных наций, встречая на пути своего возрастания меньше внешних препятствий, стало развиваться быстрее, чем когда-либо раньше. И каждая из этих катастроф наступала вслед за периодом быстрого промышленного расцвета. Всем им без исключения предшествовали такие признаки, которые давали возможность рассчитывать на необычайную степень благосостояния. Всякий раз до наступления катастрофы товарные цены были достаточно высоки и давали значительную прибыль; всякий раз производительные предприятия или необычайно возрастали в своем количестве, или повышали свою производительность введением новых изобретений; всякий раз накопление капиталов происходило усиленным темпом и ссудный процент понижался; всякий раз национальные банки, эти великие денежные хранилища общества, бывали до краев переполнены вкладами и наличными деньгами; всякий раз кредит был так доступен, что давал возможность создавать миллионные предприятия; всякий раз заработная плата шла на повышение и доставляла рабочему достаточное пропитание (если принять тот унизительный взгляд, по которому высота заработной платы измеряется ценой самых необходимых средств существования). И всякий раз в этом полном благополучии неожиданно раздавался удар грома. Вся эта цепь благоприятных обстоятельств каждый раз снова рушится, звено за звеном, быстрее, чем она создавалась. Иногда упа-

док начинается с потрясения кредита, иногда с значительной потери капитала, иногда с неурожая, а чаще всего дело начинается самым общим и самым резким симптомом, который повторяется во всех кризисах,—падением товарных цен. Сбыт затруднен. В каналах обращения скопляются товары, словно волны большой реки перед скучившимся льдом. Но на этом сравнение это и кончается. Река разрушает запруду, устремляясь в низменности и равнины; а из запруженного потока обращения товаров ничего не изливается на нуждающиеся области общества. Он стоит на месте, ибо его сковывают узы частной собственности. Только стоимость этого товарного потока растекается, к ущербу владельцев товара и без всякой пользы для кого-либо в обществе. Эта остановка в сбыте начинает собой печальную реакцию, охватывающую затем весь указанный ряд благоприятных условий для развития производства и накопления богатств. Больше всех страдает рабочий, который лишается даже того нищенского куска хлеба, который он получал до того, и остается совсем без хлеба. А так как сам он не может уже покупать хлеб, то тем самым ухудшается положение того, кто может продать этот хлеб. Так производство частично или временно стоит без движения. А затем, когда сдавленная массой товаров потребность снова начинает оживать, когда в каналах обращения снова мало-по-малу начинается движение,—тогда здесь и там снова начинается робкое восстановление производства, и снова проясняются мрачные перспективы капиталистов и рабочих. А когда заканчивается этот процесс разрушения и национальная экономия начинает подсчитывать своих мертвецов, то оказывается, что капиталисты потеряли миллионы ценностей, многие тысячи рабочих семейств разорены, и никогда уже в своих подвалах и чердаках они не смогут опять выбиться из нищеты.

С каждым разом, по мере того как росло богатство, росла и разрушительная сила этих кризисов, умножались уносимые ими жертвы. Кризис 1818—1819 г., хотя и навел панику на торговлю и привел в замешательство науку, был незначителен по сравнению с кризисом 1825—1826 г. Последний кризис нанес капитальному имуществу Англии такие раны, что знаменитейшие политико-экономы сомневались, на-

станет ли когда-либо полное исцеление. И все же, кризис 1836—1837 г. превзошел его. Кризисы 1839—1840 и 1846—1847 г.г. причинили еще более сильные опустошения, чем предыдущие кризисы. Когда подобное бедствие минует, то обращение, словно слабый выздоравливающий, еще некоторое время испытывает слабость, а затем вскоре снова оживает и в течение немногих лет открывает новые просторы для чудес промышленности. И все это, повидимому, лишь для того, чтобы новая гроза имела материал для большего разрушения. Невозможно высчитать, как сильно возросло бы уже общественное богатство, если бы государственное хозяйство сумело предохранить его от этих смертельных болезней.

Между тем, уже имевшийся опыт показывает, что кризисы возвращаются через все более и более краткие промежутки времени. От первого до третьего кризиса прошло 18 лет; от второго до четвертого—14 лет; от третьего до пятого—12 лет. Уже растут признаки нового близкого несчастия, хотя, несомненно, 1848 год приостановил его наступление. Как будто прежние кризисы, отделенные друг от друга долгими промежутками времени, имели менее острый характер, чем позднейшие. Во всяком случае, в промежутках между последними никогда полностью не сглаживались следы перенесенной болезни. Эти позднейшие и более сильные припадки, повидимому, являются доказательством, что здоровье хозяйственного организма постепенно разрушается страданиями, ставшими хроническими...

б) СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС [1])

Пауперизм и торговые кризисы,—таковы, следовательно, те жертвы, ценою которых общество купило свою свободу. С помощью переворота в праве общество освобождается от всех своих прежних оков. Оно сполна пользуется своими производительными силами. Механика и химия дают ему власть над природой. Кредит открывает перспективы устранения всех других препятствий. Одним словом, в полной

1) „Die soziale Bedeutung".

мере имеются налицо материальные предварительные условия, чтобы осчастливить свободное общество. И все же старая неправда лишь заменяется новой. Рабочие классы, которые раньше были принесены в жертву правовой привилегии, теперь становятся добычей фактической привилегии. И эта фактическая привилегия временами с уничтожающей силой обращается против самих привилегированных.

Было бы излишне дальше расписывать размеры этого безумия в обществе разумных существ. Могут быть, однако, такие читатели этого «Письма», которые до сих пор бессмысленно или тупо относились к ежедневно обнаруживающейся нелепости этих обоих явлений. Ведь повседневное часто больше всего ускользает от познания, и в особенности от познания толпы. И вот этим-то читателям и нужно постоянно открывать глаза на это, ныне господствующее в государственном хозяйстве, вопиющее противоречие между возможностью и действительностью, между наличными условиями и наличными результатами. Действительно: пять шестых нации до сих пор не только лишены большинства благодеяний цивилизации, благодаря незначительности своего дохода, но время от времени им приходится переживать длительные периоды беспросветной нищеты, под вечной угрозой которой они постоянно находятся. И, тем не менее, они являются создателями всего общественного богатства. Их труд начинается с восходом солнца и кончается с его заходом, он длится вплоть до ночи. И никакое усилие не в состоянии изменить этой участи. Не будучи в состоянии повысить своего дохода, они лишаются только всякого досуга, который мог бы остаться у них для духовного развития. Мы готовы считать, что прогресс цивилизации до сих пор нуждался, как в пьедестале, в столь многих страданиях. Но вот неожиданно открывается возможность изменить эту печальную необходимость, открывается, благодаря ряду изумительнейших изобретений, более чем во сто крат умножающих рабочую силу человека. Национальное богатство—национальное имущество в отношении к населению—увеличивается благодаря этому в возрастающей прогрессии. Я спрашиваю: может ли быть более естественный вывод, более справедливое требование, чем следующее: созидатели

старого и нового богатства также должны иметь какую-либо выгоду от этого роста? Или должен увеличиться их доход, или должно сократиться время их труда, или все большее и большее число их членов должно переходить в ряды тех счастливцев, которым в настоящее время предоставлено право пользоваться плодами труда.

Но государственное хозяйство или, лучше, народное хозяйство оказалось в состоянии осуществить только как раз обратное. В то время как национальное богатство растет, растет и обеднение тех классов. Приходится даже издавать специальные законы против удлинения рабочего времени. И, наконец, рабочий класс увеличивается в большей пропорции, нежели остальные классы.

Но этого еще недостаточно!

В сотни раз возросшая производительная сила, которая нисколько не облегчила положения пяти шестых нации, периодически приводит к катастрофе и остальную шестую часть нации, а благодаря этому, и все общество. Это старое замечание, но оно слишком истинно и слишком мало обращают на него внимания, так что оно заслуживает того, чтобы его повторяли. В виде машин общество располагает новым видом самых искусных рабов, не нуждающихся в той свободе, которую предоставляет правовая идея. Если в древности, при отсутствии машин, часть общества вынуждена была принять на себя участь рабов, то теперь свобода древних могла бы стать уделом всего общества. А ход вещей сложился как раз обратный. Триста миллионов рабов, представляемых силой английских машин, лишь превратили в себе подобных живых рабочих, т.-е. сделали их такими же машинами. И это еще самый благоприятный исход. Рабочие должны голодать, если они не могут работать ежедневно по 12 часов.

Здравому смыслу, очевидно, противоречит тот факт, что имеющиеся налицо производительные силы, которые могли бы произвести достаточно благ, не в состоянии помочь нужде. Но эта нелепость—пустяки сравнительно с тем, что создается ныне ростом производительных сил. В настоящее время именно избыток, этот результат возросших производительных сил, создает нужду. Когда эти возросшие производительные силы, которые могли бы заложить основы

счастья для всего общества, по временам обнаруживают свое всемогущество, создавая такие массы благ, которых было бы достаточно, чтобы помочь всем, — то именно это обстоятельство и усиливает ныне нищету одних и наносит самые чувствительные удары благосостоянию других. «Пока существует еще явное богатство, ни один бедняк не должен умереть от голода»,—это слова Питта, а не мои. Но с тех пор нелепость общественной организации стала так велика, что бедняки умирают от голода именно тогда, когда этого явного богатства становится так много, что даже владельцы его терпят потери. Когда руководители производства, по каким-либо соображениям, начинают напрягать силы последнего, когда перед обществом готовы уже открыться перспективы всеобщего изобилия, богатства и счастья,—тогда устремившиеся за этим изобилием люди оказываются неожиданно перед новым лишением. Миф о Тантале, повидимому, готов осуществиться в современном обществе, несмотря на все чудеса промышленности.

Очевидно, оба эти явления, пауперизм и торговые кризисы, взаимно друг-друга обусловливают. Благодаря бедности рабочих классов, их доход никогда не может служить руслом для выходящего из берегов производства. Если бы избыток продуктов попадал в руки рабочих, то он не только мог бы улучшить их положение, но, вместе с тем, повысил бы стоимость того, что остается у предпринимателей. И, таким образом, последние получили бы возможность продолжать свое производство в прежнем размере. Но, находясь в руках предпринимателей, избыток этот так сильно понижает стоимость всего продукта, что эта возможность исчезает, и, в лучшем случае, рабочие попрежнему остаются при прежней нужде. А благодаря торговым кризисам, рабочие классы, несмотря ни на какие благоприятные обстоятельства, никогда не могут выбиться из пауперизма, они никогда не могут вместе с владеющими классами, хотя бы и в скромных размерах, пользоваться благодеяниями возрастающей производительности. Как только рабочие классы начинают несколько подниматься, новый наступающий кризис опять низвергает их в еще более глубокую нищету и тем лишь подготовляет для себя самого пути к возвращению.

Но если современная общественная жизнь оказывается до такой степени противной здравому смыслу, то она, в то же время, нуждается как раз в обратном. Если результатом нынешнего производства и распределения является пауперизм, то, в то же время, общество нуждается, как в необходимом условии своего дальнейшего существования, в повышении материального уровня рабочих классов. Если другим результатом является ограниченное применение производительных сил и приостановка производства, то, в то же время, общество нуждается в беспрепятственном росте его богатства.

Я должен обосновать это подробнее.

Рабочие классы ныне обладают полной личной свободой и входят в государственный союз с теми же правами и обязанностями, что и имущие классы. Если где-либо это осуществилось еще не вполне, то один 1848 год подвинул вперед развитие в этом направлении на целые десятилетия. Да и вообще нельзя на долгое время лишать равных политических прав тех, кто уже получил равные гражданские права и равные политические обязанности. Но, в таком случае, уже все члены общества входят и составляют современное государство. Отсюда вытекает целый ряд естественных результатов и следствий. Прекратился тот порядок вещей, когда, как в древности, наибольшая часть общества стояла вне государства, как чужеземцы или рабы, и когда государство замыкалось вокруг немногих свободных граждан, которые и представляли его. Прекратился также и тот порядок вещей, когда, как в средние века, несмотря на то, что уже все общество входило в государство, последнее представляло собой конгломерат отдельных соподчиненных союзов, и государственные права и обязанности членов этих союзов были вполне отграничены друг от друга. Вместо этого теперь создался такой порядок вещей, когда общество представляет собой обширный, лишенный всяких различий, союз равноправных граждан государства. Благодаря этому, отпали все естественные следствия прежних порядков, и из нового порядка вещей создались новые последствия. Пало, таким образом, то следствие, которое исключало рабочие классы из круга забот государства. В древности рабочие

классы вообще не имели никакого права на внимание со стороны государства, в средние же века, это право исчерпывалось правом на внимание со стороны одних только соответствующих союзов. А теперь, напротив, очевидно пришли к противоположным результатам, и эти классы получили право на внимание непосредственно со стороны нового государственного общества. Уничтожилось, далее, теперь и еще одно следствие прежних порядков: в древности материальное положение рабочих классов было безразлично для государства, оно было предоставлено своекорыстию отдельных личностей; в средние века они должны были довольствоваться столь же незначительной долей внимания со стороны соответствующего правового союза. А теперь, напротив, налицо противоположные результаты: рабочие классы предъявляют требование на непосредственное участие в общественном богатстве. Несомненно, и в новом обществе должны быть правовые и политические основания, которые указывают меру этого участия рабочих классов в общественном богатстве; но неоспоримо также и то, что свободный гражданин, выполнивший свои обязанности по отношению к обществу, имеет право требовать от последнего соответствующей доли участия в сообща произведенном продукте.

Еще более, чем в праве современного общества, находят свое обоснование такие требования в политике.

Общественное развитие несовместимо с условиями восточных деспотий, с представлением о праве безраздельного господства деспота над страной и людьми, и, следовательно, государство может выбирать только между двумя системами: системой внешнего воспитания одной части общества в ущерб другой и системой внутреннего воспитания свободной и самодеятельной воли. В каждой из этих систем основы нравственности являются иными: там авторитет и верность, здесь—свободное самоопределение и равное уважение друг к другу. В каждой из этих систем и средства воспитания этой нравственности иные: там—подчинение и различные его институты, здесь—обучение и его различные учреждения. Глупо верить, что общество может удержаться между обеими этими системами на промежуточной позиции полицейского государства. И столь же глупо верить, что

какая-либо из этих систем может существовать, употребляя средства другой.

Но в настоящее время общество не знает даже ни той, ни другой системы. Полицейское государство, существующее в пустом пространстве между обеими системами и по меньшей мере обязанное, если оно вообще может иметь притязание на историческое оправдание, перебросить мост от одной системы к другой,—это полицейское государство расточало время и средства, необходимые для этого строительства. И в настоящее время, когда полицейское государство само уже находится в состоянии разрушения, в обществе имеются лишь негодные развалины старой системы и пока еще бездействующие основы новой системы.

Итак, общество возможно скорее должно воссоздать эту отсутствующую моральную основу, оно должно возможно скорее снова сделать выбор между обеими системами,—если оно имеет возможность этого свободного выбора. Но право уже лишило его этой свободы выбора, и своекорыстию остается только уступить прогрессу и помочь делу создания средств, необходимых для воспитания новой нравственности общества.

Но смотрите!—все народные воспитательные учреждения оказываются безуспешными, благодаря современному материальному положению рабочих классов. И не только потому, что во все возрасты жизни у них недостает времени для обучения; не только потому, что даже при наличии обязательного обучения последующий рабский труд снова уничтожил бы всякие его следы,—но, главным образом, потому, что при их нынешнем материальном положении, обучение и пример непрестанно противоречили бы друг-другу. Одним словом, невозможно, чтобы, при все возрастающей нужде, школа — пусть даже это будет улучшенная школа— встретила в семье надлежащее отношение.

Итак, если политика не хочет допустить, чтобы разрушился весь организм современного общества, она должна выступить с самыми решительными требованиями. Раньше рабочие классы так покорно переносили ярмо неоплачиваемого труда, а ныне они не только восстают против постигающих их невыносимых страданий, против недостаточности и

поверхностного характера принимаемых для их спасения мер,—но они уже чувствуют свое право и готовы сбросить с своих плеч всю тяжесть. Есть величайшая опасность, что они предпочтут разрушить культуру общества, чтобы только не нести дольше бедствий, связанных с этой культурой. Есть величайшая опасность, что новый поток варваров, на этот раз идущий изнутри самого общества, снова опустошит центры цивилизации и богатства. Безумно, ввиду этой опасности второго переселения народов, полагаться на армии. Рим завоевали те варвары, которые служили в войсках Рима.

Едва ли менее глубоко то противоречие, которое существует между торговыми кризисами и запросами общества. Раньше существовал взгляд, что добровольные лишения являются добродетелью, что они служат основным правилом для общества. Этот взгляд признан ныне ложным и оставлен. Наслаждение не содержит в себе зародыша пороков, оно не является и опасностью для общества. В настоящее время труд, в отношении наслаждения, поставлен в лучшее положение, нежели это было во времена рабства. И хотя отношение это ныне очень далеко еще от того, чтобы быть вполне справедливым, однако, оно уже настолько справедливо, чтобы не дать обществу погибнуть благодаря богатству и наслаждению. В настоящее время признано, что прогресс всего общества связан с прогрессом богатства, что последний есть не что иное, как одна из сторон первого, выражает собой не что иное, как подчинение природы власти человека. Кто, поэтому, отвергает богатство общества, отвергает могущество, а вместе с тем, и его прогресс, и его добродетель. Кто препятствует увеличению богатства, тот препятствует и прогрессу общества вообще. Всякое увеличение в обществе знания, воли и мощи связано с увеличением богатства. С какими ничтожными жертвами для имущих классов могло бы увеличение общественного богатства создать улучшение и в положении рабочих классов! Как сильно могло бы возрасти число служителей науки, если бы увеличение богатства сделало излишним их участие в непосредственном созидании богатства! В какой сильной степени увеличилось бы количество открытий и изобретений, если

бы рост богатства дал возможность более широкого применения необходимых для этого средств! В настоящее же время общество иной раз бывает вынуждено насильственно задерживать этот рост богатства.

Итак, какие противоречия, в особенности, в хозяйственной области! И какие противоречия, вообще, в области общественной жизни! Общественное богатство растет, а спутником этого роста является рост нищеты. Созидательная сила производительных средств растет, а результатом этого является приостановка производства. Общественный порядок требует, чтобы материальное положение рабочих классов было поставлено на одинаковую высоту с их политическим положением, а хозяйственный порядок отвечает на это еще более глубоким понижением уровня их жизни. Общество нуждается в беспрепятственном развитии своего богатства, а нынешние руководители производства должны задерживать это развитие, чтобы не оказать помощи нищете. Только в одном есть гармония! Извращенности такого порядка вещей соответствует извращенность господствующей части общества, извращенность, выражающаяся в том, что основание зла часто ищется там, где его нет.

Эгоизм, слишком часто облекающийся в одеяние морали, усматривает причину пауперизма в пороках рабочих. На их мнимую притязательность и нехозяйственность взваливает он то, в чем повинна сила фактов действительности. А в тех случаях, когда нельзя уже не видеть их безвинности, создается теория о «необходимости бедности». Без устали взывают к рабочим: ora et labora, ставят им в обязанность воздержание и бережливость. А в крайних случаях, к нужде рабочих присоединяется еще правонарушение: создаются принудительные сберегательные учреждения. Этот эгоизм не замечает, что слепая сила обращения превращает молитву о труде в проклятие вынужденной безработицы, бережливость становится невозможностью или жестокостью. Он не замечает, наконец, что мораль всегда оставалась бесплодной в устах тех, о ком поэт сказал: «Тайком они пьют вино, а открыто проповедуют воду».

Столь же извращены и взгляды насчет причины торговых кризисов. Виновность в них приписывают опрометчи-

вости предпринимателей, но тем самым произносят обвинительный приговор современному народному хозяйству. Ибо как может общество допустить, чтобы благодаря легкомыслию немногих отдельных лиц средства общего благосостояния стали средствами ужаса и гибели общества? Но никого в отдельности нельзя винить. Когда преобладающая часть общества влачит еще нищенское существование, то предприниматели, повидимому, только выполняют свой долг по отношению к ней, если предоставляют полный простор действия тем производительным средствам, какие положительное право отдало в их распоряжение. Если легкость кредита и прибыльность операций дают возможность открывать предприятия также и лицам, не обладающим достаточными средствами, то в возникающем избытке не больше повинны новые предприниматели, начинающие свои промыслы, нежели старые, которые продолжают вести свои прежние предприятия. Ведь в руках предпринимателей, как старых, так и новых, находятся все производительные силы, и достаточно немногих недель напряженной деятельности, чтобы произведены были громадные массы товаров. Ведь признаки рынка, рекомендующие такое напряжение сил, носят столь общий и неясный характер, что предприниматели едва в состоянии определить то место, откуда идет спрос, еще менее в состоянии они определить размер спроса. Поэтому все эти упреки в опрометчивости поистине неуместны, когда деятельность этих производительных сил неожиданно переходит границы, указываемые рынком. Громадное, вырабатывающее до миллиона тонн, железное производство Англии на четвертую долю сосредоточено в руках трех предпринимателей. Что же тут удивительного, если последним, в случае возрастания спроса, достаточно мигнуть своим слугам, вооруженным волшебными силами,—и спрос неожиданно будет задушен в их предприятиях? В Ливерпуле год из году лежат громадные запасы хлопка. Ныне достаточно немногих часов,—и все эти запасы будут проглочены машинами в Манчестере и Стокпорте. Эти машины представляют собой миллионы рабочих. Что же тут удивительного, если новое проявившееся на рынке оживление спроса, за которым все следят, для которого все работают, вызывает еще боль-

шее оживление производства? Кто станет здесь приписывать вину отдельным личностям? А между тем, такому нелепому обвинению придается практическое значение. Ограничивают кредит, чтобы воспрепятствовать расширению производства, и в лучшем случае заключают торговые договоры, чтобы создать сбыт для излишних товаров. Но ограничение кредита разрушает лишь суррогат накопления капитала, препятствуя неимущим приобретать имущество. А заграничный сбыт имеет такое же значение для торговых затруднений, как благотворительность для пауперизма,—в конце концов, они возрастают лишь благодаря этому.

Нельзя уже дольше противиться признанию следующей истины: в государственно-хозяйственной организации имеется скрытый порок. Правовое развитие общества шло до известного пункта успешно, пока не проявились в полной мере последствия этого порока. Государственное хозяйство должно распознать его, оно призвано бороться с ним. Государственное хозяйство должно начать теперь преобразование общества с того пункта, на котором остановилось право. От права ничего уже нельзя более ждать для разрешения этих вопросов. Только в одном отношении оно может еще итти своей прежней дорогой: праву осталось еще уничтожить поземельную и капитальную собственность. Но допустим даже, что будущее развитие права искупит эту стародавнюю несправедливость. Все же, это ни в каком случае не произойдет раньше, чем государственное хозяйство докажет, что замена здесь возможна. Не произойдет раньше, чем государственное хозяйство найдет такую организацию, которая могла бы взять на себя и выполнять иным образом те необходимые функции, какие в настоящее время лежат на обязанности поземельной и капитальной собственности. Эти необходимые функции суть: определение общественной потребности, применение производительного фонда соответственно этой потребности, возмещение, а также увеличение общественного капитала, распределение национального продукта среди имеющих право на него. До сих пор право могло итти путем переворотов, не считаясь с наукой о государственном хозяйстве. Когда право уничтожало отношения личной зависимости, различно-

го рода ограничения поземельной собственности, крепостные, вассальные права—препятствия, стоявшие на пути к свободному приложению капитала,—то оно делало это лишь после доказательства его обязанности устранить все это. И, в то же время, само собой было понятно, что пользовавшаяся общим признанием поземельная и капитальная собственность, предоставленная руководству личного интереса, в состоянии будет вести хозяйственные дела общества. До сих пор, следовательно, государственному хозяйству приходилось лишь на втором плане помогать праву. И так оно было в действительности, ибо наука о государственном хозяйстве всегда доказывала, в свою очередь, бесхозяйственность тех институтов, несправедливость которых раньше была доказана правом. Но с настоящего момента отношение становится обратным, и юридическому доказательству несправедливости поземельной и капитальной собственности должно сперва предшествовать доказательство, что и в государственно-хозяйственном отношении она может быть заменена.

Итак, какую бы роль мы ни приписывали праву в будущем, но пока все еще государственное хозяйство должно руководить общественным развитием. Оно одно будет повинно в том, если общественное развитие приостановится; на нем одном будет лежать ответственность, если общество и дальше будет терзаться теми страданиями, какие я изобразил выше. Оно одно должно дать ответ на те вопросы, которые, благодаря этим страданиям, настоятельно требуют от общества своего разрешения. И значение и настоятельность этих вопросов нельзя было бы лучше оценить, как назвав их преимущественно общественными, хотя они и имеют только хозяйственное значение.

Но какой же ответ дает государственная наука? Приходится сознаться с печалью: практика беспомощно озирается в сторону теории, а последняя почти еще более беспомощна, нежели первая.

Действительно, в сравнении с этими неотложнейшими и неоспоримыми требованиями, господствующая теория представляет собой печальную картину. Со сложенными руками взирает она на страдания и сознается, что в этой пассивности и состоит ее наука. Она не игнорирует этих страданий.

Она признает нарушение государственно-хозяйственного равновесия, которое выражается как в голоде рабочих классов, так и в потерях имущих классов. Но она утверждает, что голод и имущественные потери всегда снова сами собой приводят к восстановлению равновесия. Она настолько бессердечна и слепа, что готова использовать, в качестве регуляторов и коррективов обращения, те страдания, от которых именно она и должна была бы оберегать общество. Мои взгляды на систему свободной торговли известны. Поскольку система эта хочет связать народы и обеспечить свободный выбор труда, я являюсь ее безусловным сторонником. Но система эта не знает мероприятий для правильного распределения национального продукта. И одобрять ее с этой стороны—значило бы жертвовать действительностью ради теории.

Однако бессилие господствующей теории не должно еще нас беспокоить. Государственное хозяйство еще юно. Неудивительно, если оно не тотчас же смогло разрешить самые трудные задачи, какие когда-либо возникали в истории. Правда, на первый взгляд, сравнение беспомощности науки с величием предъявляемых к ней требований производит печальное впечатление. Но впечатление это становится более отрадным, если сравнить нынешнее состояние ее развития с ее способностью к развитию, ибо в слабостях ее нынешней теории можно заметить зародыши ее будущей силы. Только школьное высокомерие усматривает завершение науки там, где имеются лишь зародыши к развитию. К тому же ее представители так непонятно развивали эту науку, которую нужно было бы проповедывать на торжищах, что она превратилась в своего рода тайное учение, недоступное даже для образованной части общества. Поэтому, пока эта наука из достояния отдельных умов не станет достоянием нации,—до тех пор никто не должен сомневаться в разрешимости указанных проблем.

ж

Глава шестая

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

а) Государственное хозяйство без частной собственности на землю и капитал [1])

Обусловленное разделением труда общественное хозяйство, называемое иначе государственным хозяйством, или национальной экономией, получает совершенно иной характер, правда, только по степени развития в зависимости от того, предполагается ли оно без или с наличием собственности на землю и капитал.

В чем заключается особенность существующей собственности на землю и капитал? И какие требуются перемены в существующем праве для уничтожения этой собственности, при сохранении, однако, разделения труда и национальной экономии?

Наиболее значительное влияние нынешней собственности на землю и капитал заключается в том, что продукт труда поступает в собственность не работникам, а другим частным лицам, именно собственникам земли и капитала. Без сомнения, последние бывают иногда соработниками, еще чаще управляющими производственных хозяйств, и, в качестве таковых, они выполняют определенный вид работы, который точно так же может претендовать на вознаграждение. Но ни в качестве работников, ни в качестве управляющих, а исключительно в силу своей собственности на землю и капитал становятся они собственниками продукта работников, тогда как эти последние никогда не бывают собственниками произведенных ими продуктов. Как бы часто отношение это ни игнорировалось, как бы часто ни понималось прямо противоположно, как бы сильно оно ни противоречило естественному правовому чувству, оно существует в настоящее время повсюду, как в отдельных случаях, так и в движении национального хозяйства. В част-

[1]) Из „Das Kapital, 4 soz. Brief".

ности это обнаруживается при первом взгляде на всякий промысел. В общем виде это явление обнаруживается в движении национального продукта при разделении труда. В то время как весь этот национальный продукт движется с одной ступени производства на другую и как в целом, так и в своих частях создается общим трудом, он никогда на всем этом пути не принадлежит работникам или даже их управляющим, как таковым,—он принадлежит каким-то иным, относительно, немногим лицам,—«собственникам земли и капитала». Исключительно последним принадлежит в настоящее время индивидуальная собственность на продукт, созданный трудом различных работников в бо́льших или меньших долях. Составляя исключительную собственность этих третьих лиц, не принадлежащих к числу работников, национальный продукт движется вперед—посредством обмена,—пока он не начинает распределяться в качестве национального дохода; и лишь после распределения частью достается работникам, в качестве собственности, посредством чего они реализуют в национальном доходе свидетельства, которыми является их денежная плата, на уже совершенный им труд. Остальная часть представляет ренту и распределяется между вышеупомянутыми собственниками в качестве поземельной ренты или ренты на капитал.

Если теперь это отношение должно быть уничтожено, то что могло бы занять его место? Ни в каком случае не индивидуальная собственность работника на его непосредственный продукт, благодаря чему исчезло бы разделение труда, а вместе с ним и само общество и возможность дальнейшего его развития.

Никогда—утверждаю я—при разделении труда, не может быть индивидуальной собственности работника на его непосредственный продукт. Каким образом может принадлежать кому-либо на правах индивидуальной собственности вырабатываемое им острие иглы, отнюдь не металл этого острия? Что является вообще индивидуальным продуктом, понимая это физически, одного из пятидесяти работников, которые день за днем работают

сообща в каком-либо крупном сельском хозяйстве для производства годовой жатвы? Каким образом подобный работник-собственник мог бы, при распределении общественного продукта, обменивать свои непосредственные индивидуальные продукты, напр., миллион булавочных острий, которые расходятся по всем странам?

Все это—абсолютные невозможности, приводящие к утверждению, что индивидуальная собственность работника на его непосредственный продукт может существовать лишь до всякого разделения труда—если тогда вообще могла быть речь о «праве и собственности»—что, напротив, при разделении труда, может существовать или нынешняя земельная и капитальная собственность, где одному принадлежит общий продукт труда многих других, или же общественная собственность на землю и капитал, причем каждому принадлежит известная доля *стоимости* общего продукта. В обоих случаях работник лишается индивидуальной собственности на свой непосредственный продукт. Но в первом случае он лишается еще той части стоимости, которая образует ренту собственника, тогда как в последнем эта часть стоимости достается прямо работникам.

Общественная собственность на землю и капитал может быть понимаема либо так, что она простирается только на землю и капитал, служащие для производства в отдельных производственных хозяйствах— и, поэтому, также только на произведенный в этих отдельных производственных хозяйствах продукт; либо так, что она простирается на совокупный продукт всего общества, на всю национальную землю и на весь национальный продукт.

Первое имеют в виду крайние приверженцы «ассоциаций». Переходом к ассоциации они считают «паевое хозяйство», (Anteilswirtschaft), т.-е. участие работников в прибыли земельных и капитальных собственников, получаемой в отдельных предприятиях. Общественная собственность работников в этой форме,—которая является по существу частной собственностью данной корпорации работников, как ныне собственность какой-либо коммуны является тоже лишь частной собственностью,—разбила бы государство на очень малень-

кие производственные и торговые общества, которые должны были бы, через посредство поверенных, поддерживать сношения друг с другом. Я, с своей стороны, считаю эти идеи, даже в их самой умеренной форме паевого хозяйства, неосуществимыми и тем менее останавливаюсь на них, что они не могут пролить большего света на национальную экономию, а также и потому, что те предположения, какие я намерен сделать, лежат в совершенно другой области.

Общественную собственность на землю и капитал я понимаю в самом широком смысле, предполагая, что земля и национальный капитал вполне свободны от частной собственности, также и от частной собственности какой-либо общины, и, таким образом, принадлежат всей нации, как таковой.

Вследствие этого и весь национальный продукт до тех пор остается общей собственностью, пока он не распределится, в качестве национального дохода, для потребления между индивидуумами.

Однако этот коммунистический порядок не исключает совершенно собственности.

Можно представить себе коммунизм с уничтожением собственности только в отношении земли и капитала нации, без коммунизма в распределении. В этом случае уничтожается только приносящая ренту собственность, но не собственность вообще. Напротив, тогда собственность сводится именно к принципу—труду, и хотя она не заключается в индивидуальной собственности работника на его непосредственный продукт,—что вообще невозможно при разделении труда,—однако, она состоит в индивидуальной собственности работника на всю стоимость его продукта. Этот коммунизм, распространяющийся только на землю и капитал нации, вместе с собственностью индивидуума на стоимость его продукта, есть тот правовой порядок, который я предполагаю вместо частной собственности на землю и капитал.

Какой вид и какое направление примет государственное хозяйство, покоящееся на таком предполагаемом правовом основании?

В таком общественном строе разделение труда

может в общем сохранить тот же вид, какой оно имеет в настоящее время, при существовании собственности на землю и капитал. Оно может остаться без всяких изменений. Нынешние сельские хозяйства, нынешние фабрики, словом, все отдельные производства, сколько бы их ни было, в каком бы масштабе и в каких бы организационных формах они ни велись работниками, могли бы продолжать существовать в том же самом виде, как и в настоящее время. Все эти производства могли бы так же производить те же самые блага, что и ныне, и после превращения частной собственности на землю и капитал в общественную собственность на них, когда ренты не взимались бы больше в пользу прежних собственников, а вносились бы только в общественный бюджет. Действительно, если бы собственность на землю и капитал была бы уничтожена путем выкупа их у частных владельцев, то мог бы остаться тот же характер потребления, как по роду, так и по количеству благ, и лишь постепенно, по мере того как увеличение национального дохода повышало бы доход и потребление рабочих классов, национальное производство изменялось бы по своему содержанию [1]).

---

[1]) Выкуп всей поземельной и капитальной собственности не является химерой, и, с национально-экономической точки зрения, эта мера вполне выполнима. Эта мера, вероятно, оказала бы самую радикальную помощь обществу, которое, главным образом, страдает от роста ренты — поземельной и капитальной. При этом, выкуп был бы единственной формой уничтожения поземельной и капитальной собственности, которая ни на минуту не остановила бы обращения и прогресса национального богатства. Действительно, если бы рента, при этом выкупе, была фиксирована в своем нынешнем размере, то, при возрастании производительности, она мало-по-малу все уменьшалась и уменьшалась бы, пока, наконец, не превратилась бы в бесконечно малую часть национального дохода; тогда как вред, который она приносить ныне обществу, состоит именно в том, что она всегда сама поглощает результат повышения производительности.

Если бы собственность на землю и капитал не была бы уничтожена без вознаграждения, а была бы выкуплена, то совершенно неизменившийся спрос оставил бы также без изменения все прежние производства; тогда как, в противном случае, при уничтожении собственности на землю и капитал без вознаграждения, т. - е. при неожиданной полной отмене ренты, во все национальное производство было бы внесено гибельное замешательство.

(От автора.)

Лучше всего можно понять различие национально-экономического характера двух общественных укладов, из которых в одном существует частная собственность на землю и капитал, а в другом—общественная собственность на них, если прежде всего представить общее движение национального производства и распределения, как оно происходит в обоих порядках.

Это движение в обоих случаях одинаково. Как там, так и здесь в одно и то же время один класс производителей постоянно доставляет из земли сырой продукт, — другой класс постоянно превращает сырой продукт в полуфабрикат, а на последней производственной ступени последний класс производителей постоянно превращает фабрикат в блага, составляющие доход, и эти последние, как там, так и здесь распределяются между всеми, которые принимали участие в производстве, на его различных ступенях и в надлежащие периоды времени, и за это имеют право на доход, как на вознаграждение за свое участие.

Напротив, совершенно различным является в обоих порядках, как способ этого движения, так и титул и отношение долей, приходящихся лицам, имеющим право на доход.

Характерная национально-экономическая черта общества с частной собственностью на землю и капитал заключается, во-первых, в том, что движение национального производства и распределения совершается посредством менового обращения; во-вторых, в том, что помимо самих производителей, еще и другие лица, а именно, частные собственники на землю и капитал должны быть рассматриваемы как участники производства и, поэтому, как имеющие право на долю в национальном доходе.

На самом деле только собственность на землю и капитал придает обществу характер «менового общества». Только вследствие существования собственности на землю и капитал, все национальное производство совершается посредством купли и продажи, производители полуфабрикатов покупают сырой продукт и продают полуфабрикаты и т. д. Только вследствие существования земельной и капитальной собственности, все распределение национального дохода

регулируется куплей и продажей,—рабочие должны продавать свой труд, собственники земли и капитала могут продавать вероятные доли своей ренты за определенные доли в общественном продукте, условленную аренду или условленный процент; наконец, собственники готовых благ, составляющих доход, продают эти последние, и потребители покупают их на те стоимости, которые достались на их долю.

Все эти покупщики и продавцы выполняют в настоящее время, дурно ли, хорошо ли, необходимые государственно-хозяйственные функции, и они должны их выполнять, так как собственность на землю и капитал вынуждает их к этому, независимо от их воли. Равным образом, только частная собственность на землю и капитал обусловливает и то обстоятельство, что принцип собственности (труд) постоянно нарушается, и что рабочим приходится делиться продуктом своего труда с собственниками земли и капитала.

Напротив, национально-экономический характер общества, в котором господствует общая собственность на землю и капитал, заключается, во-первых, в том, что движение национального производства и распределения совершается посредством общественного распоряжения и конституирования; во-вторых, в том, что принцип собственности осуществляется в его чистом виде, т.-е. участниками в производстве, а поэтому также и имеющими право на долю в национальном доходе считаются только одни производители.

На самом деле, если национальная земля и национальный капитал, следовательно, и совокупный национальный продукт, до его распределения в качестве дохода, и по праву будет составлять общее достояние общества, а не только по существу дела, как это имеет место в настоящее время, то необходимо должно прекратиться меновое обращение, во всех указанных видах его, прекратиться его роль посредника для национального производства и распределения. Станет невозможным существование частных лиц, которые покупали бы сырой продукт, обрабатывали бы его в полуфабрикат, снова продавали бы другим частным лицам; а последние, после совершения над ним надле-

жащих манипуляций, в свою очередь, продолжали бы тот же образ действия до тех пор, пока сырой продукт, превратившийся в готовое благо, не был бы продан также частными лицами потребителям.

Действительно, все эти частные лица могут совершать такие покупки и продажи лишь как частные собственники соответствующих долей национального капитала, что не может иметь места с уничтожением частной собственности.

Тогда это посредничество будет осуществляться тем, кому, благодаря собственности на землю и капитал, и поэтому, также и на национальный продукт, принадлежит распоряжение над ним. С отменой частной собственности эта роль принадлежит одному обществу. Но в таком случае, вместо того, чтобы покупать у себя самого сырой продукт, снова продавать его себе самому, как полуфабрикат и т. д., оно должно только так проявить свою волю, чтобы сырой продукт шел на фабрики и, после того, как он пройдет по различным производственным ступеням, распределялся бы между потребителями. Общественная воля распоряжается и коституирует там, где прежде боролись и договаривались индивидуальные воли. «Меновое общество» меняет свой внешний вид с изменением своей сущности. Оно—по форме своего *проявления* становится тем, чем оно всегда было по существу дела, именно обществом, основанным на совместном труде, регулируемым общественной волей и планом. Равным образом, лишь после уничтожения частной собственности на землю и капитал, рента может быть присоединена к заработной плате и, благодаря этому, заработная плата может повыситься до полного дохода, проистекающего из труда, и тем самым принцип собственности может быть осуществлен в его чистоте.

Позвольте мне теперь подробней остановиться на этом общественном порядке. Прежде всего, какие в нем должны существовать органы, выполняющие различные виды государственно-хозяйственной деятельности?

Общество, как таковое, может осуществлять свою волю, проявлять свою деятельность только посредством уполномоченных лиц, чиновников, учреждений. С отменой частной собственности, всему обществу, обществу-государству,

принадлежит вся земля и весь капитал. Следовательно, в последней инстанции только один орган *всего* общества может управлять землей и капиталом нации и руководить национальным производством и распределением. Но один орган всего общества является *центральным* органом, центральным учреждением.

Это центральное учреждение, оно может быть монархическим или демократическим—что безразлично с хозяйственной, но не с этической точки зрения,—это учреждение могло бы в одних руках соединить все государственно-хозяйственные функции, которые в настоящее время в самой незначительной степени подлежат ведению общественного учреждения, именно «министра финансов», главным же образом распределены между частными лицами, рассеяны между различными собственниками земли и капитала; и это учреждение выполняло бы эти функции таким способом и с таким результатом, которые вполне соответствовали бы как его целостному характеру, так и направлению его деятельности, непосредственно отвечающему своей цели.

Следовательно, общественное учреждение соразмеряло бы национальное производство с национальными потребностями, держало бы национальный продукт на высоте производительных средств, регулировало бы распределение национального дохода сообразно принципам общественного права.

Каким образом оно должно было бы выполнять эти деятельности?

Для того, чтобы национальное производство соответствовало национальным потребностям, оно прежде всего должно было бы привести в известность последние. Как оно может это выполнить? Какие потребности следует удовлетворять, так как число как общественных, так и индивидуальных потребностей бесконечно?

Существуют общественные потребности, к удовлетворению которых индивидуумы принуждаются обществом, и частные, удовлетворение которых последнее предоставляет каждому. Национальная экономия вообще может не приводить в известность первый вид потребностей, они определяются общественной волей (является ли последняя в лице государя, народного представительства или

плебисцита) и, таким образом, даются национальной экономии (в бюджете расходов). Таким образом, дело идет только о возможности выяснения индивидуальных потребностей.

В чем заключается, в сущности, трудность выяснения частных потребностей? Далеко не в том, какими потребностями обладают индивидуумы, и чем должно их удовлетворять, так как потребности образуют у каждого человека в общем одинаковый ряд, и можно также считать за известное, какие и сколько необходимо средств удовлетворения для отдельных потребностей. Трудность заключается в выяснении того, насколько ряд потребностей каждого отдельного человека должен быть удовлетворен различными средствами, следовательно, она заключается в сравнении производительной силы нации и участия каждого в ней с его подлежащими удовлетворению потребностями.

Но именно в национальной экономии без собственности на землю и капитал такое сравнение возможно.

Если только известно количество рабочего времени, которое берется затратить всякий занимающийся производительным трудом, то возможно также определить, насколько достаточны средства для удовлетворения ряда потребностей каждого отдельного человека. Но знание этого позволяет также определить, какие потребности следует удовлетворять, следовательно, также какие и сколько средств удовлетворения следует производить.

Я говорю: количество рабочего времени, которое берется затратить каждый отдельный человек, является таким средством сравнения между производительной силой нации, а также участием каждого в ней, и его подлежащими удовлетворению потребностями. Знание того, например, что миллион производительных работников желает работать в год, каждый по 300 дней, уже дает национальной экономии возможность определить отдельные потребности, на удовлетворение которых следует употребить эти данные производительные силы.

Если справедливо, что только количество рабочего времени служит общей мерой производительной силы и потреб-

ностей, то, без сомнения, дальнейший образ действия национальной экономии ясен.

Публичное право определяет не только, какие общественные потребности должны быть удовлетворены, но также и то, насколько должны содействовать этому отдельные производители, поскольку количество рабочего времени дает такую меру, постольку национальная экономия будет также в состоянии определить как то, сколько рабочего времени требуется в целом для удовлетворения общественных потребностей, так и размер участия в нем каждого отдельного производителя. Таким образом, она будет знать также, сколько рабочего времени остается в распоряжении у каждого отдельного человека для удовлетворения его индивидуальных потребностей, и так как всякий производитель получает всю стоимость продукта своего труда, лишь за вычетом его участия в несении общественных тягостей,—то она будет также в состоянии определить, насколько этот остаток служит для удовлетворения индивидуальных потребностей отдельных лиц. Тогда национальной экономии остается только распределить, сообразно полученному результату, по отдельным производствам все количество рабочего времени, которое должно быть доставлено.

Может ли, однако, труд служить подобной мерой для государственно-хозяйственного учреждения при существующем разделении труда, когда:

во-первых, различные работы в различных производствах требуют различных количеств труда и силы, и, поэтому, одинаковые количества рабочего времени в различных производствах не имеют одинакового производительного значения;

во-вторых, различные работники в одном и том же производстве различаются прилежанием и ловкостью, и, поэтому, опять-таки одинаковые количества рабочего времени различных работников не имеют одинакового производительного значения;

в-третьих, производительность труда вообще изменяется, а, следовательно, и вследствие этой последней причины, одинаковые количества рабочего времени не имеют одинакового производительного значения.

Все эти затруднения возможно, впрочем, устранить.

Первое затруднение, проистекающее из различия характера работ, можно устранить принятием нормального рабочего времени.

Так как в различных производствах измеряемый по времени день труда (Zeittag Arbeit) имеет различное производительное значение, то необходимо произвести сравнительную оценку различным работам, сводя их к нормальному рабочему времени. Необходимо установить, что в одном производстве «один рабочий день» или «один рабочий час» заключает в себе столько-то, в другом столько-то нормальных часов или нормальных минут, и поэтому, для всех различных производств, «нормальный рабочий день» или «нормальный рабочий час» будут представлять одинаковую единицу меры, а последняя—норму, определяющую производительную ценность работы данной продолжительности в каждом отдельном производстве [1]).

Можно справиться также и с второй трудностью, проистекающей из различия работников, путем установления нормальной поденной работы (Tagewerk).

Учреждению снова придется только выяснить, по отношению к соучастникам разделения труда, как велика производительная работа среднего по прилежанию и ловкости работника в течение нормального рабочего дня в каждом производстве, и эту среднюю величину принять за нормальное количество продукта, создаваемого в определенный промежуток нормального рабочего времени. В природе, как и в обществе, играют определяющую роль, вообще, только средние числа, и отклонения от этой средней величины, в ту или другую сторону, взаимно уравновешиваются.

Таким образом, при помощи этой нормальной поденной работы, этого среднего продукта, производимого средним работником в известный период нормального рабочего времени, учреждение будет в состоянии опреде-

[1]) В сущности, это происходит уже и в настоящее время. Рабочий день в различных промыслах не всегда имеет одинаковую продолжительность, и, однако, оплачивается как полный рабочий день, даже там, где он по времени короче. (От автора.)

лить, несмотря на различие работников, насколько данная сумма нормального рабочего времени достаточна для удовлетворения потребностей.

Следовательно, если бы производительность не изменялась, то учреждение, несмотря на различие работ и работников, могло бы на основании данной суммы повременной работы судить также и о подлежащих удовлетворению потребностях. Напр., если бы всякий соучастник разделения труда брался затратить 300 рабочих дней и, сообразно определению публичного права, с него взималось бы 10 рабочих дней на покрытие общественных потребностей, и, таким образом, для удовлетворения своих индивидуальных потребностей он имел бы 290 рабочих дней, то учреждение могло бы—если предположить постоянную производительность—при помощи нормального рабочего времени и нормальной поденной работы, точно определить, насколько это количество рабочих дней может удовлетворить национальную потребность, какие потребности как в отдельности, так и в целом должно удовлетворять производство,—и одно только количество рабочего времени могло бы быть в обществе мерою удовлетворения.

Но хотя государственно-хозяйственное учреждение такого общественного строя и знает данную производительность труда, так как оно является собственником всех производительных средств, как земли, так и капитала, однако, никоим образом невозможно устранить изменения производительности. Именно в возрастании производительности, в том, что то же самое количество труда, вследствие перехода к более высоким классам земли, вследствие культуры лучших продуктов, улучшения орудий, машин и способов производства, доставляет все больше и больше предметов удовлетворения,—исключительно в этом кроется истинная причина увеличения богатства. Таким образом, хотя при данной производительности или в данное время, учреждение может, посредством нормального рабочего времени и нормальной поденной работы, определить, сколько предметов потребления может доставить данное количество труда,—однако, эта мера мало-по-малу перестает быть верной, так как, вследствие возрастания производительности, то же

самое количество труда постоянно создает все большее и большее количество продуктов; так как, поэтому, все менее и менее труда требуется для доставления известного, необходимого для удовлетворения потребностей, количества средств удовлетворения; и, следовательно, данной суммой в 290 рабочих дней возможно удовлетворить все большее и большее количество индивидуальных потребностей.

Однако и это затруднение можно устранить путем периодической проверки меры нормального рабочего времени и нормальной поденной работы.

Достаточно лишь указать на это обстоятельство, чтобы оно стало ясно само собой.

Таким образом, зная количество рабочего времени, *которое при разделении труда берется затратить всякий соучастник*, учреждение тем самым знает также, сколько следует производить для удовлетворения индивидуальных потребностей. Благодаря *предварительному определению* количества труда, который желают выполнить индивидуумы, оно в состоянии заранее определить, как в целом, так и в отдельности, те потребности, для удовлетворения которых следует употребить вышеупомянутую сумму труда. Если не будет этого предварительного подсчета, то учреждение окажется в том же положении, в каком находятся нынешние предприниматели: оно будет в состоянии лишь на основании прошлого заключать о будущем.

Если, таким образом, приведена в известность национальная потребность, то приведение в соответствие с нею национального производства не может быть затруднительным. Центральное учреждение, знающее всю сумму национального труда и распоряжающееся совокупным национальным капиталом, должно только, сообразно приведенным в известность потребностям, организовать отдельные производства и затем распределить между ними труд и капитал нации. Для этого необходимы только соответствующие с его стороны распоряжения.

Для того же, чтобы выполнить *вторую* задачу, удержать национальный продукт на высоте наличных производительных средств, центральное учреждение должно будет только направлять всякий наличный труд в соответствии с

характером его в различном производстве, организовать последнее в самых удобных для этого местах и вести при помощи самых подходящих средств. Ему совершенно незачем будет дожидаться спроса на труд, как следствия спроса на продукт. Всякий наличный труд будет создавать непосредственно спрос на себя, ибо всякая выполненная работа вознаграждается не более и не менее, как всею стоимостью ее продукта. Ему не-зачем будет также дожидаться «сбережения» и «накопления» капитала. Капитал сам по себе вообще ни «сберегается», ни «накопляется», а производится, при правильном разделении национального труда. Он — результат, а не условие труда. В предположенном общественном строе было бы необходимо лишь направить капитал, посредством соответствующего распоряжения, в подлежащие производственные хозяйства, так как частный капитал, капитальное имущество, собственность на капитал, которая, без сомнения, должна «сберегаться» и «накопляться», в этом строе уже не существует. Не будет искусственных монополий, так как всякий прогресс производительности центральное учреждение тотчас будет делать общим достоянием, и всякое отдельное производственное хозяйство будет в соответствии с его естественными условиями, наличными вспомогательными средствами и данными отношениями к потребителям.

Каким образом должно разрешить центральное учреждение третью задачу—распределять национальный доход сообразно принципам правового порядка? Эти принципы— не «коммунистические», т.-е. они не предполагают, что индивидуальная доля независима от индивидуального труда и определяется только общественным произволом. Напротив, они определяют, что всякий имеет право собственности на полную стоимость продукта своего индивидуального труда, и что из дохода, таким образом выраженного, отдается или взимается определенная доля в размере участия каждого в покрытии общественных потребностей.

В настоящее время, при существовании частной собственности на землю и капитал, продукты свободно обмениваются друг на друга и, благодаря этому, получают свое значение по отношению друг к другу, свою стои-

мость. Посредством этой условленной между обменивающимися сторонами стоимости того продукта, который каждый вносит в обращение, в общем определяется величина той доли, какую он получает в качестве вознаграждения из национального продукта.

В предположенном здесь общественном строе государственно-хозяйственное учреждение устанавливало бы принципы взаимного значения, как продуктов по отношению друг к другу, так, следовательно, и продукта по отношению к доходу. Именно учреждение должно определить, сколько стоимости заключается в продукте труда каждого, по отношению ко всякому иному продукту труда и, следовательно, также и по отношению к готовым благам, составляющим доход, и затем на его попечении лежит забота о том, чтобы всякий получал в свое распоряжение соответствующий доход.

В состоянии ли центральное учреждение выполнить эту задачу?

Оно может достигнуть этого двояким путем:

а) путем конституирования стоимости всех продуктов;

б) путем создания денег, вполне соответствующих своей идее;

Каким образом может быть конституирована стоимость?

Разве, в последнем счете, она не зависит от потребности? И разве существует что-либо более разнообразное и более изменчивое, чем потребность? Разве стоимость общественных продуктов не является рядом математических отношений? Разве всякое конституирование стоимости не будет тотчас же ниспровергнуто, раз только какая-либо потребность не будет удовлетворена продуктами, и, следовательно, пропорциональность окажется нарушенной?

Без сомнения, да!

Но если государственно-хозяйственное учреждение поддерживает производство в соразмерности с потребностями, то, без сомнения, стоимость может быть конституирована.

Соответствие производства потребностям, конечно, безусловно необходимо, но я показал уже, что оно вполне достижимо в общественном порядке, в котором земля и ка-

питал составляют общественную собственность и только доход становится частной собственностью; в котором, следовательно, учреждение управляет землей и капиталом. Следовательно, это условие, это conditio sine qua non следует рассматривать осуществленным в данном общественном порядке, и остается, следовательно, разрешить только один вопрос, возможно ли конституировать в общей мере стоимость, или значение продуктов по отношению друг к другу, в том случае, если наличные продукты, по качеству и количеству, всегда прямо соответствуют наличным потребностям? Существует ли такая мера, которая, нисколько не нарушая правовой и хозяйственной гармонии разделения общего продукта, точно указывает, сколько следует каждому отдельному производителю за его продукт из общественного дохода?

И я отвечаю: «*труд* есть такая мера».

В своем предыдущем письме я показал, каким образом издержки на производство всякого продукта могут оцениваться трудом. Они состоят из непосредственного труда + посредственный, т.-е. тот труд, который следует присоединить вследствие изнашивания орудия, т.-е. $m + \frac{n}{x}$ труда.

Стоимость можно *конституировать* сообразно сумме этого непосредственного и посредственного *труда*, которого стоит продукт.

Однако против этого политико-экономы могут многое возразить. Каким образом, спросят они, стоимость может быть конституирована сообразно труду, каким образом труд может быть масштабом стоимости,

если, во-первых, работы в различных производствах отличаются неравной интенсивностью, требуют неодинакового труда и ловкости, поэтому, представляют также неодинаковые периоды времени; другими словами, если в различных производствах рабочий день—не одинаковой продолжительности;

если, во-вторых, работники в одном и том же производстве—не одинакового качества, если они отличаются не одинаковым прилежанием, не одинаковой ловкостью и не одинаковой силой; другими словами, если в одном и

том же производстве поденная работа различных работников не равна;

если, в-третьих, труд не одинаково производителен, напр., на земельном участке А, вследствие бо́льшего плодородия, он доставляет больше продуктов, чем равный этому труд на соседнем участке В;

если, в-четвертых, с течением времени изменяется также и производительность труда, если тот же труд, с ростом культуры, спустя год доставляет больше продуктов, чем в настоящее время?

Все эти возражения правильны, ибо указанные различия существуют, *но, конечно, сами эти различия могут быть преодолены и устранены*, и, таким образом, можно устранить и эти возражения.

Прежде всего, различие работ и работников может быть устранено мерой *нормального труда.*

Выше я объяснил меру «нормальное рабочее время», которая уравнивала различие работ. Я объяснил также «нормальную поденную работу», которая уравнивала различие рабочих. Мера *«нормальный труд»* есть результат «нормального рабочего времени» и «нормальной поденной работы». Труд, которого стоит нормальная поденная работа, есть нормальный труд. Любое количество продукта содержит в себе с этой точки зрения столько нормального труда, сколько затрачено его в нормальное рабочее время и при нормальной поденной работе. Количество продукта, равное половине нормальной поденной работы, будет стоить вдвое меньшего количества нормального труда, хотя бы в действительности, благодаря лености и неловкости специального производителя, оно стоило даже вдвое большего количества труда. Труд, сообразно которому должна конституироваться стоимость, не может быть трудом, продолжительность которого измеряется по солнечным часам, а только — нормальным трудом. Стоимость любого количества какого-либо продукта должна конституироваться сообразно тому количеству нормального труда, которого стоило создание

этого количества продукта. Формула $m + \frac{n}{x}$ труда теперь означает $m + \frac{n}{x}$ нормального труда.

Если стоимость будет конституирована в нормальном труде, то тяжелый труд уже не будет оцениваться наравне с легким, поденная работа ленивого работника—наравне с поденной работой прилежного. Наоборот, теперь всякая дробь приводится к одному знаменателю. Различие работ принимается во внимание или, скорее, уничтожается в нормальном рабочем дне, определенном по времени (der normale Zeit-Arbeitstag), различие работников,—в нормальном рабочем дне, определенном по работе (der normale Werkarbeitstag), и в нормальном труде создается образцовая мера, которая измеряет значение и всякого индивидуального трудового продукта и вознаграждение за него равными и справедливыми весами.

Но разве так трудно установить для всякого производства нормальный рабочий день, нормальную поденную работу и нормальный труд? Напротив, так легко достигнуть этого, что фактически, хотя и в несовершенной форме, все это уже существует в наших современных условиях. Обществу только пришлось бы во всех производствах гарантировать постоянную, определенную плату за «аккордную работу»—и в результате этого не только быстро исчезло бы отвращение работников к аккордной работе, но последняя точно и справедливо уравняла бы различие работ и работников в необходимых, для этого установленных, нормах.

Равным образом, и третье неравенство (производительности труда в различных условиях) возможно устранить, или, скорее, оно уже само собой устраняется, вследствие предположенного здесь коммунизма на землю и капитал.

Возьмите какой-нибудь продукт горно-заводской промышленности. Рудники отличаются неодинаковым богатством, и даже одно и то же количество нормального труда производит, поэтому, в более бедном руднике меньше продукта, чем в более богатом. Напротив, при общественной собственности на землю и капитал эти различные естествен-

ные свойства земли не достаются ни отдельному индивидууму, ни отдельной корпорации. Все общество пользуется ими. Стоимость какого-либо количества продукта должна теперь конституироваться уже не только сообразно нормальному труду местно-разъединенных индивидуумов, но, вместе с тем, и сообразно среднему количеству труда, которого стоил общественный совокупный продукт данной категории. Средняя стоимость заступает место монопольной цены. Последняя понижается до первой, и местная благосклонность природы уже не наделяет отдельных индивидуумов или отдельные корпорации незаслуженной выгодой в виде дифференциальной прибыли, но, будучи сведена к средней стоимости, она становится всеобщим достоянием всего общества, в то время как субъективные различия индивидуумов попрежнему сохраняют свое значение.

Следовательно,—одновременно в соответствии с нормальным трудом и общественным средним трудом — национальный продукт как в целом, так и в своих отдельных частях мог бы конституироваться по своей стоимости. Совокупный сырой продукт нации обладал бы стоимостью равной всему непосредственно-затраченному на него труду + посредственный труд, который заключается в изнашивании и в содержании в надлежащем виде орудий. Полуфабрикат обладал бы таким же образом выраженною стоимостью + стоимость сырого продукта; равным образом и фабрикат обладал бы таким же образом выраженною стоимостью + стоимость полуфабриката и т. д. Стоимость национального продукта в вполне готовом виде или национального дохода состояла бы из совокупного непосредственного и посредственного труда, затраченного на последней ступени производства + совокупный непосредственный и посредственный труд, затраченный на всех предшествующих ступенях. Она равнялась бы совокупной сумме работ, действительно выполненных в надлежащий период— и выраженных в нормальном труде. Из конституированной совокупной суммы стоимости вытекла бы сумма стоимости каждой отдельной категории продуктов. Из последней—сумма стоимости любого количества продукта.

Конституированная стоимость, напр., шеффеля пшеницы равнялась бы частному от деления совокупной суммы стоимость пшеницы на число шеффелей средней жатвы.—Как бы ни показалось затруднительным практически это конституирование, но принципиально оно возможно и справедливо.

Но и практическая трудность не так велика. Главное значение стоимости заключается именно в том, чтобы быть регулятором распределения, чтобы не обделять и не давать преимущества одному производителю в ущерб другому. Поэтому, при конституировании все дело сводится не столько к тому, чтобы верно установить ее высоту для национального продукта в целом, сколько к тому, чтобы точно определить пропорциональность субъективного труда, определить верно нормальный рабочий день и нормальную поденную работу. Первое, повидимому, представляет неизмеримые трудности. Если взять, напр., любой продукт, то кажется едва возможным точно определить его стоимость по формуле $m + \frac{n}{x}$ труда. Но, конечно, легко перевести во всех промыслах сумму данного труда на нормальный труд и, сообразно последнему, оценивать доставленные в среднем количества продуктов сперва в целом, а затем и в отдельности. Если будет выполнена эта последняя и более легкая задача, то ошибка в пропорциональной высоте стоимости различных продуктов не может причинить никакого ущерба взаимной справедливости распределения между производителями.

Наконец, также и последнее затруднение (изменение производительности труда во времени), как я уже указал выше, устраняется периодическим пересмотром нормировок. Так как стоимость, главным образом, имеет значение только как средство справедливого распределения между одновременно трудящимися работниками, то дело, собственно, сводится только к тому, что она устанавливает справедливые отношения между одновременно трудящимися участниками общения. Если общественный труд мало-по-малу становится производительней, то, без сомнения, то же количество продукта представляет все меньшее и

меньшее количество труда. Конституирование стоимости сообразно прежнему количеству оказалось бы в этом случае неправильным. Так как и теперь индивидуумы будут требовать себе вознаграждения сообразно доставленной ими (конституированной) стоимости, то *прибавочный* продукт, полученный вследствие возросшей производительности, совсем не будет распределяться. Он останется лежать в общественных магазинах. Это и будет моментом пересмотра прежде конституированной стоимости. Стоимость нужно будет понизить, благодаря чему повысится реальный доход до его действительного размера.

Государственно-хозяйственное учреждение будет выдавать каждому производителю свидетельство на такое количество доставленного нормального труда, сколько заключает в себе действительно произведенный им продукт, причем расчет производится сообразно только что изложенным принципам. Это свидетельство точно обозначает произведенную стоимость и, поэтому, может также служить для предъявителя свидетельством на получение такого же количества стоимости. Предъявив это свидетельство, он может получить эту стоимость в качестве вознаграждения за свой труд из общественных магазинов в любых благах, составляющих доход, подобно тому как ныне получают блага за деньги из магазинов частных лиц.

Эти нормальные трудовые свидетельства будут служить в этом общественном порядке средством обращения, насколько в нем будут еще нуждаться. Действительно, так как вся почва и весь капитал составляют общее достояние производителей, и, следовательно, одно учреждение заведывает ими, то нет никакой *нужды в средствах обращения*, *для того*, *чтобы*, напр., шерсть попала в руки прядильщику, другими словами, чтобы совершалось все движение капитала с одной производственной ступени на другую. Это будет совершаться при помощи административного распоряжения, приблизительно так, как в настоящее время в сельском хозяйстве необходимо лишь распоряжение управляющего для того, чтобы вымолоченная рожь была доставлена на другой ток для очистки. Эти нормально-трудовые свидетельства будут служить лишь сред-

ством ликвидации для связанных разделением труда производителей, они лишь выражают точно, сколько следует получить всякому производителю из сообща произведенного дохода. Они представляют собой самые совершенные деньги, какие только мыслимы. Деньги, которые, во-первых, являются самой совершенной мерой стоимости, так как каждое бумажное денежное свидетельство выражает известное количество стоимости в той самой мере, в какой была конституирована стоимость; они, во-вторых, дают абсолютную уверенность, так как они выпускаются только тогда, когда действительно имеется в наличности обозначенная на них стоимость; они, в третьих, сами по себе представляют не что иное, как не имеющий никакой стоимости клочек бумаги, который, однако, самым совершенным образом выполняет все функции денег.

Исключительно при тех предположениях и сообразно тем принципам, какие я только-что указал, возможно осуществить конституирование стоимости и выпуск подобных денег.

Действительно, исключительно при предположении, что собственность на землю и капитал уничтожена и что оба они находятся в распоряжении общественного учреждения, которое приводит в соответствие производство с потребностями, и исключительно в соответствии с нормальным трудом, конституированная стоимость может приспособляться ко всем изменениям образующих ее факторов и может сохранять свою пропорциональность. И исключительно при этих предположениях и сообразно этим принципам может быть создан род денег, которые, в противоположность нынешним металлическим деньгам, не будут представлять собой залога и не нуждаются в залоге, род денег, которые, не обладая сами по себе никакою стоимостью, представляют всегда наличную, реальную стоимость.

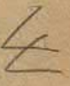
При помощи подобного конституирования стоимости и введения таких денег государственно-хозяйственное учреждение этого строя вполне могло бы регулировать как в общественном, так и в частном отношении, распределение

национального дохода сообразно действующим правовым принципам.

Для большей наглядности забудем на минуту об общественных потребностях и предположим, что последних совсем не существует. В таком случае, всякий производитель получал бы в указанных деньгах свидетельство на всю конституированную стоимость своего продукта, и всю эту стоимость он мог бы, следовательно, обратить в свой частный доход.

Благодаря этому был бы правильно ликвидирован национальный доход, и, однако, национальный капитал беспрерывно воспроизводился бы. Ибо распределяющаяся совокупная стоимость национального дохода строго равнялась бы сумме стоимости индивидуальных продуктов и, следовательно, также сумме всех отдельных притязаний. Точно так же и производители благ, не поступающих в непосредственное потребление—орудий и т. д., получали бы свое вознаграждение в национальном доходе, так как стоимость конституировалась бы по формуле $m + \frac{n}{x}$ труда, другими словами, стоимость изнашивания и починки орудий подсчитывалась бы в стоимости продуктов, составляющих доход. Равным образом, так как на всех ступенях национального производства—в добывающей промышленности, в производстве полуфабрикатов, в фабричной промышленности—работа всегда производилась бы одновременно, и производитель получал бы свидетельство на одновременно изготовляющийся национальный доход лишь за *уже произведенную* трудовую стоимость,—то, несмотря на вышеупомянутое распределение *всего* национального дохода между потребителями, совокупный национальный капитал снова сам собою и без помощи «сбережения» воспроизводился бы. Все распределение совершалось бы правильно и воспроизводство происходило бы беспрепятственно.

Но именно наличность *общественных* потребностей составляет характерную особенность *общества, как органического общения*, а не простого только агрегата индивидуумов. И потребности эти с национальным развитием будут все расти и расти, хотя бы род этих потреб-

ностей и изменился, хотя бы, напр., нынешние военные бюджеты были заменены соответствующими бюджетами воспитания и образования. Следовательно, в распределении необходимо отвести место и общественным потребностям.

В таком случае, никакой производитель не может уже получить свидетельства на всю стоимость своего продукта. Напротив, из этой стоимости будет вычтено такое количество (трудовой) стоимости, какое необходимо для покрытия общественных потребностей, в соответствии с участием в нем каждого производителя. Этот вычет будет вручаться тем лицам, которые, посвятив себя удовлетворению общественных потребностей, имеют право требовать, чтобы другие доставляли им средства удовлетворения их индивидуальных потребностей. Центральное учреждение позаботится об организации отдельного производства средств удовлетворения общественных потребностей, и, соответственно этому, ограничит производства для удовлетворения индивидуальных потребностей, и распределение национального дохода, попрежнему, будет совершаться правильно.

Каков, однако, был бы результат подобной государственно-хозяйственной деятельности, выполняемой в таком общественном порядке?

На это можно ответить коротко. Этот результат—насколько дело касается национальной экономии—был бы во всех отношениях самым плодотворным. Не могло бы существовать никакого национально-экономического недостатка, тормозящего постоянный прогресс общественного богатства и образования.

Национальное производство соразмерялось бы не только с теми потребностями, удовлетворения которых люди желают достигнуть посредством затраты своего собственного труда,—но и национальная потребность никогда не оставалась бы неудовлетворенной, никогда национальное производство как в целом, так и в частностях не отставало бы от нее и не опережало бы ее. Никогда не могло бы быть такого случая, чтобы трудящийся человек нашел свой стол ненакрытым. Никогда не могло бы произойти недопроизводства или перепроизводства.

Производственные средства нации всегда

использовывались бы в максимальных размерах и, поэтому, национальный продукт всегда был бы максимальной величины. Труд всегда находил бы себе работу. Никогда не могло бы быть недостатка в капитале, никогда он не лежал бы без употребления.

Распределение национального дохода совершалось бы сообразно принципам совершенной правовой идеи, сообразно самому точному вознаграждению. Никогда никто не мог бы получить дохода, который не соответствовал бы стоимости его продукта. Никогда никто не был бы лишен в этом доходе плодов возрастающей производительности.

б) коммунизм [1])

Противопоставляя вышеочерченную коммунистическую систему нынешней индивидуалистической, я руководился исключительно теоретическим интересом. Тем не менее я считаю необходимым взять под свою защиту эту систему от тех упреков, какие, обыкновенно, делают коммунизму.

Очевидно, что национально-экономический порядок, очерченный мною выше, не имеет ничего общего с той картиной коммунистического общества, которую рисуют его противники.

Правда, земля и продукт нации, до распределения последнего в качестве дохода, остаются в общей собственности государства. Но государство не распоряжается в качестве собственника доходом отдельных лиц, ими самими и их волей. Напротив, здесь сохраняется частная собственность на всю стоимость продукта индивидуального труда, и личность и ее воля свободны настолько, насколько они вообще могут быть свободны в обществе. Обязанность пассивного повиновения не простирается далее, чем это требует народная воля, которая есть лишь сумма социально-индивидуальных воль. Регламентировка не больше, чем это имело бы место во всякой свободной ассоциации. Жизнь, талант и способности остаются собственностью всякого. Не запрещена никакая частная ассоциация, стремящаяся к более

[1]) „Das Kapital, 4 soz. Brief".

полезному и более приятному труду и запрещается лишь всякая частная ассоциация для приобретения земельной и капитальной собственности. Никогда сильный не должен выполнять работы слабого, прилежный — работы ленивого, искусный—работы неискусного; нет необходимости в большем отречении от своего я, в большем подчинении обществу, чем это, вообще, предполагается демократическим порядком равноправности. Поэтому, этот порядок не является ни эксплоатацией слабого сильным, ни сильного слабым, а исключительно, если можно так выразиться, свободной эксплоатацией самого себя. Он покоится не на угнетении и рабстве, а на свободном выполнении долга, на свободном выполнении тех обязанностей, на выполнении которых, вообще, покоится свободное государство. Вообще, только естественные условия будут ограничивать желание отдельного человека трудиться над тем, над чем он хочет, тогда, когда он хочет, столько, сколько он хочет. Одним словом, национально-экономический порядок, очерченный мною выше, хотя и заключает в себе коммунизм на землю и капитал, но ни в каком отношении не противоречит свободному проявлению наших способностей, нашим лучшим склонностям и чувствам.

Я утверждаю даже большее! В этом порядке с коммунизмом на землю и капитал не только собственность является более обеспеченной, свобода более полной, равноправность более общей, чем в нынешнем даже наиболее свободном порядке с частной собственностью на землю и капитал, но и вообще чистое и полное осуществление собственности, свободы и равноправности возможно исключительно лишь в таком порядке.

Где вы найдете в общественном порядке с частной собственностью на землю и капитал—пусть даже в нем будет осуществлена величайшая гражданская и политическая свобода—собственность не нарушенной, свободу и равноправность не ограниченными?

Лишь в коммунистическом порядке собственность сводиться к своему принципу, к праву на продукт труда, ибо лишь в этом случае—как того желает Тьер—труд является основанием и мерой собственности. Лишь в этом случае, свобода становится всеобщей, ибо лишь в этом случае

прекращается всякая зависимость от чужой индивидуальной воли, прекращаются служба и господство, всякий служит только самому себе и именно, вследствие этого, также всему обществу. Лишь *в этом случае* вполне осуществляется равноправность, ибо лишь в этом случае становится действительностью то, что при гражданской и политической равноправности вечно должно остаться фразой.

Следовательно, лишь в этом порядке, лишь при коммунизме на землю и капитал, общество будет вполне освобождено как от индивидуального, так и от общественного деспотизма, как от господства отдельных личностей, так и от того, чем наделяет коммунизм обыденное мышление. Ибо лишь тогда будет возможно общество «свободных и равных», над которым не будет никого, кроме общественной воли, в которой все принимают участие. Лишь тогда будет вполне принято во внимание как различие индивидуальных способностей, так и различие их применения. Лишь этот порядок заполняет в системе свободного приобретения ту роковую пустоту, в которой очутились незначительные подражатели великого основателя этой системы, пустоту предоставленного самому себе распределения. Лишь этот порядок может воплотить в себе наиболее ценное в этой системе,—интернациональную свободу обращения и свободный выбор занятий,—уничтожив все ее отрицательные стороны. *Не индивидуализм, а социализм замыкает ряд эмансипаций, начавшихся с реформации.* Лишь он дает этому ряду последнее звено.

Я вполне убежден поэтому, что если когда-либо право и свобода должны будут *вполне* осуществиться на земле, то общество должно итти навстречу вышеочерченному мной порядку. Я открыто заявляю,—я верю в будущее уничтожение собственности на землю и капитал. История, современность и наука одинаково укрепили во мне эту веру.

Бросьте беглый взгляд на историю! При всех великих социальных потрясениях, при всех общественных переворотах, которые принесло с собой новое время, всегда, хотя бы на одно мгновение, возникала перед смущенными современниками коммунистическая идея. Возьмите начало христианства, этой первой и наиболее глубокой попытки осво-

бождения человека,—и вы увидите даже осуществление коммунизма, конечно, в наиболее наивной и простой форме. Но христианство с своими прямыми заповедями нравственности—бессильно против античного порока. Оно может выполнять свою задачу только окольным путем, посредством личного совершенствования, посредством требований субъективного права. Поэтому коммунизм в наше время является уже не заповедью морали, а в каждом новом социальном движении он возникает как последнее требование объективного права.

Освобождение городского населения, совершавшееся в XIV столетии по всей Европе, Реформация, первая французская революция, июльская, февральская революции—все эти движения, в скрытой форме, являются движениями коммунистическими, коммунистическое направление проявляется в них в качестве последнего логического следствия. И притом, все в более и более определенном виде, все в более и более отчетливых и научных формах. Это коммунистическое направление выступает в XIV столетии в жакериях и в походах Уата Тайлера, как инстинктивное требование со всеми его крайностями. Слова: «Война—дворцам, мир—хижинам!» раздаются именно в это время. В век Реформации это направление становится более общим, и беспорядочные практические коммунистические попытки народа соединяются уже с коммунистическими воззрениями ученых. Мор, Кампанелла, Бэкон, Верасс в XVI и XVII столетиях написали свои: Утопию, Царство Солнца, Атлантиду, Историю Северамбов. Но для них коммунизм еще утопия, страстное стремление к далекой, недостижимой стране. Наконец, век французской революции делает систематические попытки к осуществлению «Утопии». Рядом со все более и более пробуждающимися коммунистическими требованиями масс, Мабли, Бебёф, Фихте, С.-Симон, Фурье, Оуэн, Кабе, люди всех состояний, теоретики и практики, далекие от побуждений ненависти и своекорыстия, создают обширные, детально разработанные и рассчитанные на современные условия системы и требуют, чтобы было положено начало осуществлению коммунистического государственного устройства, от которого одного можно ждать возрождения современного общества. Неужели же в этих

коммунистических стремлениях, которые при всяком социальном потрясении снова проявляются все в большей и сильнейшей степени, во всех этих Утопиях и ситемах всего этого ряда благороднейших и проницательнейших людей—от Платона до Оуэна—совсем нет ни капли истины? Неужели же все эти системы являются лишь порождением зависти и своекорыстия, или же игрой фантазии?

Посмотрите на современность! Все современное развитие, во всех областях практической жизни, в обращении, в праве, в нравах в особенности, кажется мне, идет по направлению к коммунизму. Разве наши наиболее значительные и полезные учреждения не носят коммунистического характера, и разве они не становятся тем значительнее и полезнее, чем более они проникнуты этим характером? Разве право не вынуждено отыскивать новые формы для этих коммунистических начал и разве в противоречии существующего права этим началам не лежит наиболее крупный недостаток современности? Разве в наших нравах не становится господствующим стремление сделать наслаждение общим достоянием, и разве это стремление не встречает поддержки в общественных отношениях всякого рода и, прежде всего, в наиболее принудительных из этих отношений—в частно-экономических? Конечно, большинство этих коммунистических элементов ограничивается еще собственностью на землю и капитал, но замечательно то, что эта собственность наиболее значительные из своих доходов получает именно из этого источника, что она сама вынуждена содействовать развитию коммунистических элементов. Короче, никто, думается мне, уже не может отрицать того, что в настоящее время *фактически* во всех общественных отношениях господствует коммунизм, в праве, в нравах и в идеях; что он уже имеет защитников в лице достойных уважения школ и в лице еще более достойных уважения партий; одним словом, что он представляет из себя силу, с которой индивидуалистическое государство очень скоро *должно будет вступить в компромисс.*

Посмотрите, наконец, на науку, на политическую экономию! Нигде, по моему мнению, невозможно отчетливее констатировать конец индивидуализма, как в этой области. После того, как господствующая система политической эконо-

мии, по бессознательной наивности, но под влиянием действительно существующих условий, признала голодную смерть рабочих и потерю имущества собственников необходимыми регуляторами хозяйства и осудила рабочие классы на вечную рабскую работу и вечное рабское пропитание, она пришла в ужас, очутившись перед тем зеркалом, какое поставил перед ней социализм, и неожиданно, отрицая все факты, не приводя никаких имеющих цену новых научных оснований, она перескочила к положению о вечной хозяйственной гармонии, об участии в возрастающих общественных богатствах все более и более широких кругов населения. Но если произвести несколько более глубокое теоретическое исследование, то легко убедиться, что в основании всей национальной экономии лежат только коммунистические понятия, и что все национально-экономическое развитие есть не что иное, как постепенное проявление этих коммунистических начал.

Но, хотя я и верю в будущность коммунизма, хотя и верю, что современное общество уже несется вперед по коммунистическим волнам, однако, я думаю, что уничтожение собственности на землю и капитал не так еще близко к нам. Противоположные политико-экономические и правовые убеждения, масса связанных с собственностью на землю и капитал интересов, интеллектуальное и нравственное состояние как господствующих владеющих классов, так и подчиненных рабочих классов,—все это, кажется мне, еще на много десятилетий делает невозможным падение столь крепко коренящегося института. Я не думаю также, чтобы «о с в о б о ж д е н н ы й т р у д» мог уже в достаточной степени озаботиться об искусстве и науке, о большинстве благороднейших благ цивилизации. Ныне общество в ы н у ж д е н о выполнять прибавочный труд, вследствие которого процветают искусства и науки. Оно вынуждено к этому, так как м а т е р и а л ь н ы е средства для этих высших жизненных стремлений берутся заранее с помощью ренты из продукта труда работников, и последние должны, поэтому, затрачивать добавочный труд. Оно вынуждается теперь к этому, как и всегда вынуждалось, хотя бы собственность на землю и капитал означала последнюю историческую стадию этого принуждения.

Поистине, было бы прекрасно, если бы общество уже миновало и эту стадию! Было бы прекрасно, если бы «воспитание человеческого рода» уже настолько развило нравственную силу индивидуума, что он свободно и сам по себе затрачивал бы необходимый для этого труд. Я говорю, индивидуума, и под этим разумею также и собственника, а не одного только прежнего работника, ибо наслаждение искусствами и науками без труда не трудное занятие. Я говорю также: воспитание, ибо принуждение и дисциплина всегда были предварительной школой свободы и всегда будут иметь этот характер, хотя средства воспитания постоянно изменялись, хотя принуждение путем привилегии, прямое принуждение одною личностью другой было вытеснено принуждением, основанном на собственности на землю и капитал; и последнее, наконец, уступит место принуждению простых естественных отношений, напр., увеличения народонаселения. С тех пор, как лучшие умы признали незаконность рабства, потребовалось однако целое тысячелетие, чтобы уничтожить его последние следы в форме наследственного подданства, и притом лишь в цивилизованных государствах Европы. Хотя ныне ход истории быстрее, но зато собственность на землю и капитал срослась с обществом гораздо прочнее, чем это имело место в отношении рабства. Притом, она так часто сочетается с собственностью, не противоречащей принципу собственности, в настоящее время она в такой сильной степени представляет смешение справедливого и несправедливого, что нельзя не задеть справедливую собственность, если немедленно уничтожить несправедливую.

Поэтому, я думаю, что, поскольку история всегда «шла вперед только путем компромиссов», постольку ближайшей задачей нашей науки является отыскание компромисса между трудом и собственностью на землю и капитал. Мне легко было бы детально развить указанные выше основные черты национальной экономии без собственности на землю и капитал—с одною только собственностью на стоимость продукта своего труда. Но эта работа была бы столь же бесполезной для освобождения общества от угнетающих его бедствий, насколько легко выполнимой.

Более трудным и более полезным представляется мне научно разработать вышеуказанный компромисс, и лишь эту более трудную и более полезную задачу я поставлю себе. Я ограничусь тем, что покажу, как можно урегулировать отношения платы так, чтобы на будущее время рабочие классы получали надлежащую долю, но чтобы вместе с тем это регулирование совершалось без всякого ущерба для личной свободы, свободы передвижения, свободного выбора занятий и т. д. Несомненно, поскольку вообще существует плата, остается несправедливость собственности на землю и капитал; однако, практические влияния этой несправедливости можно низвести до такой незначительной степени, что для рабочих классов это окажется более, чем просто выгодным. Социальному строю можно придать такое направление, что собственники земли и капитала, вместо того, чтобы быть, как ныне, господами общества, которым труд должен приносить жертвы, станут в известной мере людьми полезными, получающими в своей ренте лишь вознаграждение за руководство производительными предприятиями. Общество должно же оплачивать подобную услугу руководства производством. Итак, задача заключается в том, чтобы собственность на землю и капитал стала более «должностью», а ее рента более «жалованьем»! Или, быть-может, не социальные науки, а практика всегда должна изыскивать эти компромиссы? Неужели же политической экономии предстоит только выбор: или быть «предсказанием», или «повернуть спину к истине»? Несомненно, однако, что социальные науки только тогда получают законченную форму, когда они в состоянии не только описать познаваемую цель, но ясно и точно наметить путь развития, ведущий к этой цели; и, несомненно, в последнем случае, они не поворачивают спины к истине, а идут как раз прямой дорогой к ней.

Глава седьмая

МЕРОПРИЯТИЯ К РАЗРЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА

(Из наброска III отдела II части „К освещению социального вопроса") [1].

а) выступление (Vorgehen) правительства

То, что здесь разумеется под выступлением, должно было бы произойти в таких формах, которые, на-ряду с созданием впечатления о серьезном и зрелом решении правительства, вызвали бы доверие у трудящихся классов. Предполагаемые реформы и их основная тенденция должны, поэтому, быть провозглашены в каком-либо правительственном акте, например, в тронной речи или в случайном приветствии его величества государя, или в выступлении министра-президента в палатах.

Все это имеет свое значение, ибо, поскольку предполагается серьезное выступление, оно может быть произведено с пользой лишь тогда, когда королевская власть явится творцом и руководителем реформы.

Что касается содержания правительственного выступления, то оно определяется двумя принципами, господствующими в современной агитации и совершенно исключающими друг-друга. Принципом—laissez faire, laissez allez, в том крайнем толковании его, какое защищает так называемая ман-

[1]) Набросок представляет собой конспект ненаписанного III отдела II части „К освещению социального вопроса", который должен был содержать конкретные предложения в области экономической политики и законодательства, необходимые для разрешения или смягчения социального вопроса. Этот набросок был найден в бумагах Родбертуса и опубликован в „Zur Beleuchtung der sozialen Frage", II (S. 247—263), изданном А. Вагнером и Т. Козаком. Первую часть „Zur Beleuchtung" составляют II и III письма, переизданные под таким заголовком самим Родбертусом в 1875 г.; вторая часть должна была, по предварительному плану автора, состоять из 3-х отделов. I — „О развитии современного народного хозяйства", включает „I Социальное письмо" и специальное введение к „Zur Beleuchtung", опубликованные в названной выше книге (стр. 1—192). Первое письмо подверглось здесь, со стороны Родбертуса, некоторому незначительному и почти исключительно мелко-редакционному исправлению. II отдел посвящен вопросу „об исторической и социаль-

честерская школа, и принципом организации производства, защищаемом, в его крайних выводах, социалистами. Так как государство консервативно по своей природе, то оно должно стремиться переходить от одного недостаточно изученного состояния к другому без неурядиц и потрясений, что может быть осуществлено только при постепенности и осторожности. Соответствующие этому реформы должны были бы в ближайшем будущем заключаться в следующем:

I КЛАСС

Подготовительные мероприятия, полностью опирающиеся на фундамент современных отношений:

1. Оказывающие косвенное влияние на отношения между рабочей силой и капиталом:

a) Всеобъемлющая и точная анкета о состоянии рабочего населения.

b) Реформа налогового законодательства. Отмена косвенных налогов на необходимые жизненные продукты, потребляемые народными массами. Высокое обложение денежного капитала, занятого в биржевых сделках. (Возражения о том, что благодаря этому торговые сделки («Geschäft») будут утекать из страны,—ложны. Основные причины, делающие местом заключения торговых сделок крупные пункты, центральные в политическом и социальном отношении, слишком сильны для того, чтобы их влияние могло в какой-либо мере изменяться от соответствующего обложения.)

Введение высокого обложения наследства, как в Англии,

ной необходимости иного направления в развитии современного народного хозяйства, в связи с усовершенствованием народного хозяйства путем его превращения в государственное хозяйство". Этот отдел не написан. От III отдела, который должен был трактовать „о путях и средствах", имеется только нижеследующий набросок, сконструированный на основании отдельных отрывков, оставленных Родбертусом, издателями его наследства. Мы помещаем здесь (за исключением одной вставки, отмеченной скобками) только основную часть конспекта без дальнейших приписок Родбертуса, имеющих большею частью лишь пояснительный характер.

Прим. составителей.

но в таких формах, чтобы всякая сумма, полученная в наследство, облагалась бы тем больше, чем дальше степень родства наследника с наследодателем, и наисильнейшим образом должны быть обложены те наследства, где вообще нет никакого родства.

В целом же направление налогового законодательства должно заключаться в следующем: обложение в первую очередь крупного денежного капитала, во вторую—прочего движимого капитала, в третью—земли, в четвертую—рабочей силы.

2. Мероприятия, оказывающие непосредственное влияние на взаимоотношения между капиталом и рабочей силой:

а) Введение нормального рабочего дня, вначале, в соответствии с существующими отношениями, ограниченного десятью часами эффективного труда ежедневно, с выделением посменной работы, где таковая имеется. Это должно иметь силу для каждого крупного промышленного предприятия, с установлением особых различий для каждой отрасли производства и при условии последующего установления нормальной производительности рабочего дня (и в конечном счете установление нормального дохода за нормальную производительность). Строгое запрещение воскресной работы и регулирование ночной, с допущением отдельных исключений только там, где это диктуется необходимостью.

b) Назначение фабричных инспекторов (denominatio a potiori) с гарантией того, что они серьезно будут выполнять свою обязанность защиты рабочей силы от капитала в соответствии с законами. Гарантии эти (кроме дельного выбора соответствующих чиновников) заключаются в следующем: занятие исключительно только этой работой,—соответствующая присяга,—высокий оклад,—строгий надзор особого отделения министерства, — регулярные и, по возможности, гласные отчеты о своей деятельности.

Так как оба института (Einrichtungen), отмеченные пунктами а и b (нормальный рабочий день и фабричные инспектора) показали себя на опыте в Англии, то нет ничего легче, как оспаривать ex praxi возражения, направленные против них.

II КЛАСС

Мероприятия, заключающие в себе зародыш будущей организации производства.

«Государство не должно вести производства», говорит манчестерская школа. «Государство и только государство должно вести и управлять производством», говорят социалисты. «Государство может и должно, когда это разрешают обстоятельства, вести производство», говорим мы.

Утверждают, однако, что государство неспособно на это. В ответ мы можем заявить: государство организовало гигантские институты—почту и телеграф, железные дороги, и постоянное войско, почему же оно не могло бы справиться с другими индустриальными организациями?

К счастью, налицо убедительное доказательство опыта. Существующая в различных странах табачная монополия доказывает, что государство с совершенным успехом может быть и крупным фабрикантом, и оптовым торговцем, и розничным продавцом.

Не в меньшей мере подкрепляется это убеждение и тем обстоятельством, что чем дальше, тем большего масштаба достигает переход железных дорог в руки государства, ибо только на этом пути угроза монополизации с других сторон может быть успешно предотвращена.

Поскольку, однако, речь идет о государственной организации, нужно начать с освещения одного пункта, исключающего всякие отговорки, а именно—допустимо ли, чтобы государство издерживало свои средства «на содействие частным интересам одного класса», рабочего класса?

Здесь допустимы три рода возможностей. Во-первых, организация может,—как и было уже в указанных случаях,—итти одинаково на пользу всего населения. Затем,—что тесно связано с первым,—государственная промышленность исключает монополизацию и расширение монополии со стороны частных предпринимателей там, где она сделать это в состоянии. Мы имеем при этом в виду современную лихорадочную деятельность акционерных предприятий, предпола-

гаемой конечной перспективой которых должно явиться расширение монополии во многих областях.

Третья возможность дана там, где само государство выступает в роли потребителя. А оно чрезвычайно крупный потребитель. Никто не может возражать против того, чтобы государство само производило для себя необходимые предметы и само извлекало «капитальную прибыль», которую до сих пор извлекали крупные поставщики или крупные предприниматели, и этот новый доход употребляло бы на цивилизаторские мероприятия.

б) руководящие точки зрения

А. Стремления к смягчению или разрешению социального вопроса ограничиваются следующей задачей:

Каким образом, при современной социальной основе, заключающейся в свободе труда и в собственности на землю и капитал,—может быть обеспечен труду доход, возрастание которого соответствовало бы возрастанию национального дохода?

В. Старания церкви и школы, усилия частной помощи, и именно работодателей, самопомощь трудящихся классов—не в состоянии даже приблизительно разрешить эту задачу, а неограниченное, предоставленное самому себе, развитие свободы торговли, чем дальше, тем больше, отдаляет это разрешение. Решение, следовательно, может последовать только в результате национально-экономического вмешательства государства, осуществляемого путем особых законов и институтов; или, иными словами, вся та часть так называемого народного хозяйства, которая обнимает отношения заработной платы в национальном масштабе, должна быть предоставлена ведению государства.

С. Эти законы и институты должны избегать мероприятий, которые нарушали бы вытекающие из «свободы личности и собственности» индивидуальные права, а именно:

1. Свободу распоряжения земельной собственностью в праве наследования, при отчуждении и при закладывании.

2. Свободу капитала в его промышленном приложении.

3. Свободный выбор работы, а тем самым также и свободу переселения.

D. Они должны также избегать мероприятий, могущих ограничить прямо или косвенно личное производственно-хозяйственное господство отдельного предпринимателя над его капиталом или над его земельной собственностью; а равно тех мероприятий, которые могли бы со временем привести к такому ограничению. Они в большей степени должны стремиться к установлению и усовершенствованию чистой системы оплаты труда, с таким расчетом, чтобы все мероприятия, направленные к смягчению или разрешению социального вопроса, ограничивались задачей, точнее всего формулируемой следующим вопросом: каким образом можно обеспечить рабочему возрастающую с возрастанием национального дохода плату?

E. Пути и средства для осуществления такого рода чистой системы оплаты труда государство находит также не в отношениях отдельных рабочих и предпринимателей, или в специальных договорах каждого единичного предприятия, а в национально-экономических взаимоотношениях и ресурсах общего характера, которыми оно и должно распоряжаться, как высший, облеченный правами и обязанностями, представитель и покровитель народного хозяйства, заинтересованный в его успешном управлении и развитии.

Короче, формула Тюнена—a. p. в состоянии разрешить социальный вопрос только в том случае, если она применяется в отношении всего национального хозяйства в целом, а не каждой отдельной части его.

F. Для того, чтобы явилась возможность сделать удобоисполнимой формулу—a. p. в отношении национального хозяйства в целом, государством должны быть предприняты следующие мероприятия:

1. Система заработной платы должна быть основана во всех отношениях на рабочем времени (Werkzeit).

2. Должны быть созданы, основанные на стоимости рабочего времени (Werkzeitwert), кредитные деньги, эмиссию которых государство должно оставить только за собой.

3. В этих кредитных деньгах государство предоставляет всем работодателям, в соответствии с количеством занятых на их предприятиях рабочих, беспроцентные займы для расплаты с рабочими.

4. Возврат этих займов может происходить двояким путем, в соответствии с выбором государства: или

a) в продуктах соответствующих производств, при чем стоимость продуктов, измеряемая рабочим временем, должна быть равна полученной сумме в кредитных деньгах; или

b) в металлических деньгах, сумма которых должна быть исчислена по той цене, какую имеет в настоящее время соответствующее количество продуктов производства на рынке, количество, определяемое измерением стоимости рабочим временем, и сумма эта опять-таки должна равняться полученной сумме кредитных денег.

5. Располагая этими продуктами или соответствующими суммами в металлических деньгах, государство имеет возможность:

a) выстроить квартиры, отдаваемые в наем;

b) наполнить продуктами, покупаемыми рабочими, публичные базары. При помощи этих квартир и продуктов могли бы реализоваться и быть изъятыми из обращения перешедшие в руки рабочих кредитные деньги, чтобы затем вновь начать свой кругооборот, снова предоставляемые в заем работодателям [1]).

---

[1]) На этом заканчивается незаконченный Родбертусом набросок четвертый.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ [1])

1.

В экономической работе, которой я теперь занят и которую я издам под заглавием «Капитал», я говорю между прочим и о нормальном рабочем дне. Впрочем, под нормальным рабочим днем я разумею не то, чего теперь требуют рабочие.

Я попытаюсь здесь кратко выяснить основные пункты того, что я там думаю развить и обосновать, хотя мне и здесь придется бороться с такими же громадными ошибками относительно сущности капитала, какие мне пришлось одолевать относительно стоимости земли, когда я выяснял принцип ренты. К сожалению, в этом кратком очерке мне не удастся разоблачить ошибки относительно капитала так обстоятельно, как это я сделал относительно стоимости земли в своем сочинении «Zur Erklärung und Abhilfe der Kreditnot des Grundbesitzes».

Рабочие требуют теперь только нормального рабочего дня, состоящего из определенного количества часов. В различных производствах он, конечно, будет различаться по количеству часов, смотря по интенсивности труда в каждом отдельном производстве. Если, например, в одном производстве нормальный рабочий день определен в 10 часов, то в другом производстве он может быть определен в 8 часов и т. д.

Такой нормальный рабочий день (не превышающий определенного числа часов) уже мог бы, по мнению рабочих, защитить их от чрезмерной эксплоатации и гарантировать им достойную человека рабочую плату, т.-е. рабочую плату,

---

[1]) Перевод статьи Родбертуса „Der Normalarbeitstag“, 1871 год. Русский перевод Герценштейна, 1891 г.

соответствующую производительности национального труда.

Они ошибаются.

Такое ограничение рабочего дня только во времени не может оказать никакого влияния на решение «социального вопроса». Решение это, по моему убеждению, заключается в том, чтоб гарантировать рабочим плату, увеличивающуюся вместе с увеличением производительности национального труда. Наоборот, я даже думаю, что «железный закон», низводящий в экономическом строе, предоставленном самому себе, реальную рабочую плату до «необходимого содержания», будет в состоянии еще скорее оказать свое действие при коротком рабочем дне, чем при продолжительном. Кроме того, такое ограничение рабочего дня только во времени грешит против социальной справедливости, заключающейся в правильном распределении, так как в таком случае хороший работник не будет иметь никаких преимуществ перед дурным, и справедливые требования общества, представителями которых в настоящее время (хорошими или дурными, это другой вопрос) являются работодатели, останутся не защищенными.

Ограничение рабочего дня только во времени, которого в настоящее время добиваются рабочие, ни в каком отношении не отвечает преследуемой ими великой задаче. Задача эта заключается как в том, чтобы вырвать рабочих из когтей «железного закона» и гарантировать им плату, увеличивающуюся вместе с увеличением производительности труда, так и в том, чтобы примирить их право с их собственным интересом и с правом и интересом общества.

Чтобы нормальный рабочий день выполнил эту задачу, к ограничению во времени надо прибавить еще некоторые другие условия.

Прежде всего нормальный рабочий день, ограничиваемый во времени (Zeitarbeitstag), надо обратить в нормальный рабочий день, определяемый по работе (Werkarbeitstag), другими словами, нужно определить норму не только для времени, но и для работы (Werk).

Выполнить это следовало бы следующим образом.

После определения нормального рабочего дня по вре-

мени, т.-е. ограничения его в отдельных производствах 6, 8, 10 или 12 рабочими часами, нужно в каждом отдельном производстве определить нормальный рабочий день по работе, т.-е. нормальную работу такого дня, то количество работы или услуги (Werk oder Leistung), которую в состоянии выполнить средний рабочий при средней ловкости и среднем трудолюбии в продолжение такого нормального дня. Это количество работы или услуги представляло бы в каждом производстве равную нормальную работу одного нормального рабочего дня и составляло бы, таким образом, для каждого производства нормальный рабочий день, определяемый по работе (Werkarbeitstag), т.-е. то количество работы, которое в продолжение дня должен выполнить рабочий, чтобы получить плату за полный рабочий день, за нормальный рабочий день, определяемый по работе. Если рабочий в продолжение нормального дня сделал только половину нормальной работы, то он получает только половину платы; если он сделал в полтора раза больше нормальной работы, то получает плату за полтора таких нормальных рабочих дня.

Таким путем мы, по крайней мере, удовлетворили бы тому, что я называю распределительным принципом в системе рабочей платы.

Но и этого еще недостаточно!

Установивши нормальный рабочий день по времени и по работе, что очевидно может быть сделано только путем государственного вмешательства, мы должны осуществить еще кое-что и опять-таки при помощи государства.

В каждом отдельном производстве при помощи государства должна быть установлена рабочая плата за нормальный рабочий день, определяемый по работе. Плата эта должна быть установлена работодателями и рабочими сообща; она должна периодически подвергаться пересмотру и возвышаться вместе с возвышением производительности труда.

Такой нормальный рабочий день включает в себя в то же время и сдельную плату. Рабочие, как известно, теперь питают большое отвращение к системе сдельной платы. Дей-

ствительно, пока труд считается товаром, а рабочая плата определяется законом свободной конкуренции, они совершенно правы, потому что сдельная плата привела бы только к еще большей эксплоатации рабочего сословия. Напротив, раз плата за проектируемый мною нормальный рабочий день будет твердо установлена (государством ли при содействии сторон или сторонами при содействии государства),—соревнование между рабочими под влиянием сдельной платы не будет больше оказывать давления на реальную рабочую плату. Если, кроме того, эта установленная плата будет периодически подвергаться пересмотру и будет возвышаться вместе с возвышением производительности труда, тогда и рабочая плата в общем будет расти в прямом отношении к производительности национального труда.

Таким образом только тогда, когда к нормальному рабочему дню, ограниченному во времени, будет присоединено сделанное мною добавление, мы получим нормальный рабочий день, могущий выполнить свою задачу, могущий создать справедливую социальную систему рабочей платы. При такой социальной системе лучший рабочий должен быть лучше оплачиваем; только тогда право рабочих будет примирено с их интересом. Общество в таком случае не будет принуждено равным образом оплачивать хорошего работника и дурного, так что право и интерес рабочих не будут сталкиваться с правом и интересом общества. Наконец, при этой системе рабочая плата будет возвышаться вместе с возвышением производительности и увеличением дохода обоих владеющих классов.

Для всего этого необходимо государственное вмешательство, с которым так называемая господствующая система никак не хочет примириться. Она принципиально не признает вмешательства государства в экономическую область, а регулирование рабочей платы она считает несовместимым с своими взглядами на издержки производства и увеличение капитала. Для системы свободной конкуренции скоро, впрочем, настанет время, когда она перестанет даже называться «господствующей», когда она станет достоянием истории политической экономии. Ее можно сравнить теперь с мертвым рыцарем, доспехи которого отпадают один за дру-

гим. Правильно развитая теория докажет, во-первых, что государство принципиально призвано к управлению той частью экономической области, которую мы называем в настоящее время народным хозяйством; что если в настоящее время институт собственности (частной на землю и капитал) выполняет некоторые функции, которые по существу должны лежать на государстве, то с государственно-хозяйственной точки зрения на это следует смотреть только как на перенесение прав, обусловленное институтом частной собственности, при чем государство сохраняет право и даже обязанность вмешательства там, где это оказывается необходимым. Теория эта докажет, во-вторых, что регулирование и установление рабочей платы, так же как и высокая реальная плата, не оказывают никакого влияния на издержки производства и на образование капитала, что ни издержки производства, ни образование капитала не потерпят от таких мероприятий никаких изменений, так как в более глубоком анализе и то, и другое определяется совершенно другими моментами.

Мало того! Я уверен, что установивши нормальный рабочий день, мы можем притти к более совершенному решению задачи установления справедливой системы рабочей платы и приблизиться к разрешению другой важной экономической проблемы, именно к масштабу стоимости, более удобному, чем золото и серебро.

Об этом в следующей главе.

2.

До сих пор мы принимали, что вознаграждение за нормальный рабочий день совершается в металлических деньгах. Точно так же мы применяли наше теперешнее мерило стоимости как в нормальной работе, так и к самой плате. Употребление металлических денег при нормальном рабочем дне связано с большими неудобствами, так как это мерило стоимости само подвержено колебаниям, которые не совпадают с колебаниями в стоимости продукта, происходящими от изменения производительности труда.

Эти неудобства могут быть легко устранены, если нормальный рабочий день, определяемый по работе, получит

значение нормального труда, и если по этому нормальному труду будет не только

1) определяться стоимость продукта каждого производства, но и

2) выплачиваться рабочая плата в каждом производстве.

И то, и другое выполнимо.

Чтобы достигнуть первого, нормальный рабочий день, который в каждом производстве имеет значение дня, из скольких бы часов он ни состоял в различных производствах, и который представляет количество продукта, соответствующее нормальному дню работы, такой нормальный день, говорю я, должен получить значение нормальной работы и быть во всех производствах разделен на 10 частей, 10 часов работы (Werkstunden). Это и будет служить мерилом стоимости продуктов во всех производствах. Количество продуктов, равное такому полному нормальному рабочему дню, будет представлять один день, или 10 часов, хотя бы в действительности на него было употреблено только половина дня или же даже два дня, а продукт, равный половине дня, будет представлять или будет равен половине рабочего дня, или пяти рабочим часам, сколько бы ни было в действительности затрачено на его производство.

Продукт одного такого нормального часа в одном производстве был бы равен продукту такого же времени во всех прочих производствах, то-есть, говоря иначе, продукты равного нормального рабочего времени были бы по стоимости равны между собой.

Не следует, впрочем, думать, что сумма или количество нормального труда, заключающееся в каком-нибудь продукте, определяется только непосредственным или текущим трудом.

Рабочие работают с помощью орудий, которые содействуют производству и даже обусловливают степень производительности труда. Так как орудия при производстве портятся или изнашиваются, то к непосредственному или текущему труду, затраченному на производство какого-нибудь продукта, надо прибавить еще прошлый труд, заключающийся в изношенной части орудий. Величину этой при-

бавки определить нетрудно. Если, например, на производство какого-нибудь продукта рабочими израсходовано 50 часов текущего нормального труда, а в изношенной части орудий заключается 10 часов, то продукт имеет стоимость не 50 часов нормального труда, а 60. Выразить это в общей формуле можно следующим образом: если орудие стоит n труда и служит для производства X вещей, из которых каждая требует M непосредственного труда, тогда вещь есть продукт $M + \frac{n}{x}$ труда. Во-вторых, что касается определения рабочей платы по нормальному труду, то это можно было бы выполнить так же легко, как и определение стоимости продукта. Каждый рабочий получал бы в своей плате чек на такое количество нормального труда, какое он имеет право требовать для себя из всей стоимости продукта. Если бы одни только рабочие имели право на участие в стоимости национального продукта, тогда каждый рабочий получал бы в своей плате чек на все то нормальное время, в продолжение которого он работал, тогда стоимость всего национального продукта распределялась бы только между рабочими. Если бы, например, рабочий в продолжение нормального дня успел сделать работу $1^1/_2$ нормальных дней, то он получил бы в своей плате чек на 15 нормальных рабочих часов; если бы, напротив, он в продолжение того же времени успел сделать только половину нормальной дневной работы, то получил бы чек только на 5 часов. Весь национальный доход, стоимостью в X нормального труда, пошел бы целиком только на рабочую плату, стоимостью также в X нормального труда.

Впрочем, указанное предположение есть чистейшая химера, существующая только в воображении некоторых рабочих.

Национальный труд есть общность труда, а общность труда предполагает уже существование государства, как и само государство в свою очередь предполагает существование общности труда. Общность труда сама не может еще, кроме того, обойтись без исполнителей определенных экономических функций, выполняющих для народного хозяйства услуги нематериального характера, не находящие сво-

его выражения в материальном нормальном труде. Эти услуги заключаются в изучении национальных потребностей, в управлении орудиями производства, служащими для их удовлетворения, в управлении рабочими, работающими с помощью этих орудий и т. д. Так как все эти услуги необходимы для производства, то исполнители их имеют точно такое же право на продукты материального труда, как и само государство. Система жалования (Gehaltsystem), по которой вознаграждаются эти «чиновники, служащие народному хозяйству», может принять самые разнообразные формы. В настоящее время система эта основана на (частной) собственности на землю и капитал, которая создает нечто вроде наследственного экономического чиновничества, жалованье которого выплачивается в виде поземельной ренты и прибыли на капитал. То обстоятельство, что «при свободном экономическом обороте» жалование это часто непомерно велико, а сами чиновники напоминают скорее попов, имеющих богатые приходы и возлагающих всю работу на викариев, ничуть не изменяет верности самого положения.

Как бы то ни было, ясно, во-первых, что рабочий ни при каком общественном порядке не может получать всего продукта своего труда; что при всех условиях из этого продукта нужно вычесть как то, во что обходится содержание государства, так и то, что требуется для непосредственного управления национальным трудом, в виде жалования экономическим чиновникам. Последний вычет совершается в настоящее время в форме поземельной ренты и прибыли на капитал. Если рабочий в продолжение нормального рабочего дня выполнил работу в 10 часов нормального труда, то он получит в виде платы не 10 часов, а может быть только 3 часа; другими словами, право на стоимость продукта только 3-х часов, потому что из его 10-часового продукта высчитывается один час (т.-е. продукт одного часа) в пользу государства и по 3 часа в пользу поземельной ренты и прибыли на капитал. Во-вторых, не менее ясно, что, хотя чиновники, служащие государству и народному хозяйству (последние в настоящее время представляют собой обладателей поземельной ренты и прибыли на капитал) хо-

тят и должны жить на счет стоимости национального продукта, этой стоимости, исчисленной по нормальному труду, вполне достаточно для наделения всех участников. Для этого требуется только одно, именно, чтобы рабочие получали в виде платы меньше, чем они производят. При любом общественном порядке иначе и быть не может.

До сих пор я в своем изложении поступал педагогически, если смею употребить такое выражение; я развивал свои взгляды перед читателем по частям шаг за шагом. Теперь я попытаюсь охватить этот вопрос в его целом.

Для этого надо национальный продукт и национальный доход рассматривать, как цельные величины.

С этой точки зрения национальное производство представляется непрерывным потоком, вытекающим из недр земли, разливающимся в обществе и удовлетворяющим все национальные потребности. Национальный труд есть источник, из которого вытекает этот поток и который поддерживает его всегда в таком состоянии. Материальная субстанция его заключается в национальном продукте, который добывается из земли в виде сырья, потом постепенно перерабатывается в полуфабрикат, наконец, в фабрикат и распределяется как национальный доход. Работа идет одновременно на всех стадиях, и этим поддерживается непрерывное течение потока и та правильность, с какою он постоянно возобновляется во всех своих частях или стадиях производства. Этим же обусловливается и та правильность, с какою одна часть его, обращающаяся в национальный доход, постоянно предназначается для потребления. Поступит ли весь национальный доход в руки одних только рабочих (что, впрочем, представляется невозможным) или же из дохода делается вычет в пользу государства, а при существовании собственности на землю и капитал, в пользу поземельных собственников и капиталистов, во всяком случае количество национального дохода, поступающее ежедневно в потребление, соответствует количеству нормального труда, затрачиваемого ежедневно для получения этого дохода. В том и другом случае на затраченный труд можно смотреть как на стоимость дохода, в которой

все участники могут реализировать свои права на принадлежащие им доли дохода. Разница заключается только в том, что в одном случае (совершенно немыслимом в условиях общественной жизни) рабочие получают в виде платы все, что ими произведено, тогда как в другом случае (единственно возможном) они получают только часть, другая же часть идет в пользу государства и собственников земли и капитала. Предполагая, например, что X рабочих производят продукт стоимостью в 10 миллионов рабочих часов, мы принимаем, что они получают только 3 миллиона часов, потому что 1 миллион идет в пользу государства и по 3 миллиона каждому классу собственников. Таким образом, ясно, что и в последнем случае стоимость национального дохода и стоимость всех этих различных долей будут совершенно покрывать друг друга.

В нормальном труде мы, следовательно, нашли масштаб, который может нам служить для измерения стоимости продуктов и для определения расхода различных классов общества. Этот же масштаб послужит нам для определения рабочей платы.

Установление такого масштаба стоимости и платы за то, что я называю нормальным трудом, имеет пока только теоретическое значение. Если даже продукты будут оцениваться по такому масштабу и рабочие в своей плате получат чек на определенное количество нормального труда, то это еще не значит, что рабочие на самом деле получают точно такое же количество продуктов, какое они имеют право получить. Для этого нужны еще различного рода учреждения, о которых я поговорю ниже. Здесь я хочу сказать еще несколько слов о чисто теоретическом значении, которое имеет установление такого масштаба.

То положение, что стоимость всех экономических благ должна в последней инстанции измеряться трудом, нашло себе место в науке, как известно, с тех пор, как А. Смит установил его в общей форме, хотя и допускающей различные толкования. Значение этого положения значительно упрочилось с тех пор, как Рикардо точно определил, что

под этим надо понимать то количество труда, которое израсходовано на производство.

Положение это с самого же начала было встречено с энтузиазмом. Так, Христиан Якоб Краус (Versam. Schriften, Band II, S. 102) считает это положение Смитовского учения так же важным для политической экономии, как открытый Галилеем закон для физики. Я то же думаю, что закон нормального труда может получить такое значение. И теперь еще даже самые решительные противники А. Смита признают высокое значение этого положения. Реслер (Roesler), например, говорит в своем глубокомысленном сочинении «Über die Grundlehren der von A. Smith bergründeten Volkswirtschaftstheorie» в главе о стоимости следующее: «почти все сходятся в том, что на труд надо смотреть как на субстанцию стоимости вещей». В другом месте он продолжает: «Равенство: стоимость 20 аршин полотна = единицам труда означает, что стоимость 20 аршин полотна равна определенному количеству положительного труда, взятому 20 раз. Труд есть, следовательно, такая величина, которая подлежит измерению по количеству, то-есть в процессе образования стоимости мы не обращаем внимания на качественное различие труда и берем в основание только качественно одинаковый труд». Наконец: «Если в основу образования стоимости положен качественно одинаковый труд, то мы можем пользоваться временем как количественным масштабом». Многие решительно оспаривали истинность этого положения и сомневались в возможности нормирования качественно одинакового труда. Все эти сомнения сводятся, в сущности, к тому, что различие как между отдельными видами труда, так и между самими рабочими слишком велико, чтобы можно было когда-либо принимать труд за масштаб стоимости.

Кто занимался этими вопросами ближе, скажет, пожалуй, что это уже не ново и до сих пор приводило к жалкой неудаче. Так, Рейбо в своих «Etudes sur les reformateurs modernes», критикуя Оуэна, говорит следующее: «еще сильнее скомпрометировал себя Оуэн другим безрассудным предприятием, которое называлось labour-equitable-exchange. Сущность этого предприятия заключается в установлении

новых денег, основанных на «рабочих часах», при чем один «рабочий час» есть самая маленькая монета. За пару сапог можно получить определенное количество рабочих часов хлебопека или ткача; с этой целью были созданы бумажные деньги, выражающие эту стоимость. Почти непостижимо, как такой разумный человек, как Оуэн, мог притти к такой детской попытке, которая, впрочем, была подражанием недоноску, известному нам и во Франции. Работы так же мало похожи друг на друга, как и сами рабочие: один может в два часа сделать большую и лучшую работу, чем другой в четыре часа. И эта попытка была последствием злополучной системы, которая хочет основать равенство на очевиднейших неравенствах. Необходимым дополнением к этому разменному банку было основание общественных магазинов, в которых употребление металлических денег было отменено и обращение товаров совершалось путем взаимных расчетов. Через некоторое время, впрочем, как банк, так и магазины закрылись благодаря безучастию».

Вот что говорит Рейбо. Когда я в 1842 году в своем сочинении «Zur Erkenntnis unserer Staatswirtschaftlichen Zustände» впервые развил идею конституированной стоимости и основанных на ней деньгах, я не знал, что попытки такого рода когда-либо были сделаны во Франции или в Англии, и до сих пор не узнал ничего более подробного об этих попытках; Рейбо же я тогда еще не читал, хотя он получил за свои «Etudes» Монтиеновскую премию еще в 1841 году (у меня имеется издание 1848 года).

Впрочем, если противники не могут ничего лучшего возразить, как то, что работы так же не походят друг на друга, как и сами рабочие, то возражения их не очень вески. Кто приравнивает рабочий час сапожника (определяемый по времени) к рабочему часу ткача (определяемому также по времени), тот далеко не пойдет с такой системой стоимости. Не говоря уже о детской попытке основать эту систему в форме акционерного товарищества, она привела бы к вознаграждению за леность.

Все представляется в совершенно другом виде, если мы будем иметь дело с нормальным трудом, как я его понимаю и выше старался выяснить. Различие как рабочих, так и

работ совершенно сглаживается, если при помощи нормального рабочего дня, определенного по времени и по работе, мы получаем, говоря словами Реслера, «качественно одинаковый труд», нормальный труд, как я его называю, а потом делим рабочий день во всех производствах на равное число рабочих часов.

Спрашивается теперь, как установить этот рабочий день на практике? Как применить его к решению «социального вопроса», к установлению такой системы рабочей платы, при которой рабочий класс не будет ограничен «необходимым содержанием» и будет поставлен в возможность принимать все больше и больше участия в повышающейся национальной производительности?

Совершится это во всяком случае не само по себе. Только в сказках все совершается само собою. Уже в силу естественных законов нам, человеческому роду, ничего не достается даром; для этого требуется тяжелый индивидуальный труд.

По общественным законам этот продукт индивидуального труда приносит нам сам по себе чрезвычайно мало пользы; для достижения последней требуется еще тяжелая государственная работа. Поэтому для более глубокого решения социальной проблемы, при возможности потери нормального труда, необходимо вмешательство энергичной руки государства.

3.

Теперь я перейду к вопросу, каким образом это должно совершиться.

Социальный вопрос, как я его выше формулировал, можно решить при помощи установления нормального труда, не отнимая при этом ничего у земельных собственников и капиталистов из получаемой ими теперь ренты и прибыли. Увеличение рабочей платы будет иметь место только в будущем; оно будет основано на увеличении производительности труда. Мы таким путем достигнем того, что увеличение производительности перестанет поступать исключительно в пользу поземельной ренты и прибыли.

Этого мы достигнем в том случае, если

a) стоимость продуктов, по крайней мере тех, которые предназначаются для рабочей платы, будет установлена по нормальному труду;

b) плата, как доля этой исчисленной по нормальному труду стоимости продуктов, будет конституирована;

c) будут созданы учреждения, которые обеспечивают реализацию этой платы по принятому мерилу.

Предположим на одно мгновение, что все это совершилось. Ясно, что в таком случае вопрос решен, потому что реальная плата действительно будет увеличиваться вместе с увеличением производительности, не отнимая ничего из существующей в настоящее время ренты и прибыли.

Чтобы это все представилось в более ясном свете, я возвращаюсь к старому примеру.

Выше мы предположили, что из 10 миллионов рабочих часов нормального труда рабочие получают в виде платы 3 миллиона, государство на свои нужды отнимает 1 миллион, а на поземельную ренту и прибыль уходит по 3 миллиона. Если рабочие, получая 3 миллиона, теперь в состоянии удовлетворять, например, свои необходимые потребности, то через 20 лет, когда производительность труда удвоится и рабочие в продолжение того же времени произведут вдвое большее количество продукта, те же 3 миллиона часов дадут вдвое больше продукта, чем необходимо для существования. При экономическом строе, предоставленном самому себе, при так называемом свободном экономическом обороте, при котором «железный закон» постоянно низводит плату до необходимого содержания,—плата упала бы наполовину, рабочие при таком общественном строе, который по существу мы и переживаем теперь, получали бы вместо продукта стоимостью в 3 миллиона рабочих часов только продукт $1^1/_2$ миллиона, т.-е. только $^3/_{20}$ всего национального продукта. Напротив, раз плата конституирована в виде

определенной доли, в настоящем случае в виде $^{3}/_{10}$ всей стоимости национального продукта, рабочие в предположенном нами случае при той же номинальной плате получили бы вдвое большую реальную плату.

Замечу, кстати, для неспециалистов, что введение в науку общего понятия об «относительной рабочей плате» я считаю величайшей заслугой Рикардо; теорию же поземельной ренты его я считаю неверной. Хотя он вполне разделяет тот взгляд, что при «свободном обороте» плата всегда стремится к минимуму, необходимому для содержания, но он пришел все-таки к совершенно противоположным выводам, благодаря своей неверной теории поземельной ренты. По его мнению, только фабричный труд становится все более и более производительным; земледельческий же труд становится все менее и менее производительным, так что на производство шеффеля пшеницы через 20 лет, например, нужно будет, по его теории, затрачивать не вдвое меньше, а вдвое больше труда, чем теперь. Так как большая часть рабочей платы состоит из земледельческих продуктов, то он пришел к заключению, что относительная рабочая плата постоянно должна при свободном обороте не падать, как я думаю, а возвышаться, должна отнимать не уменьшающуюся долю из национального продукта, а увеличивающуюся. В связи с этим взглядом находится и другое утверждение Рикардо, что прибыль на капитал должна постоянно падать. Поэтому, по его теории, социальный вопрос, в конце концов, вообще не может быть разрешен; общество идет на встречу всеобщему голоду, своей экономической гибели.

К счастью, Рикардо неправ, и мы не колеблясь можем утверждать, что с выполнением трех вышеуказанных реформ, положение рабочих должно со временем постоянно улучшаться, потому что вместе с увеличением производительности в прочно конституированной «относительной рабочей плате» будет всегда заключаться бо̀льшая реальная плата.

Остается теперь еще один вопрос:

Каким образом все это можно осуществить?

Ответ на это может, конечно, быть следующий:

Только путем государственного вмешательства!

Если прежде, допуская существование металлических денег, мы пришли к необходимости государственного вмешательства, то тем больше должны мы настаивать на этом теперь, когда имеем дело с стоимостью и рабочей платой, определяемой нормальным трудом.

a) Стоимость, по крайней мере, тех предметов, которые предназначены для рабочей платы, должна быть конституирована по нормальному труду.

Для этого государство, установивши во всех производствах нормальный день, по времени и работе, должно определить нормальную дневную работу и периодически изменять эту норму, чтобы приводить ее в соответствие с успехами национальной производительности. Если, например, при теперешнем состоянии производительности X единиц продукта равно одному нормальному рабочему дню, то это количество теперь и приравнивается 1 дню или 10 часам труда. Если же через десять лет производительность труда удвоится, одному рабочему дню будет соответствовать 2 X единиц продукта. Другими словами: стоимость продукта, конституированная по нормальному труду, заключает в себе тем большее количество продукта, чем выше производительность.

b) Рабочая плата, как доля такой стоимости, должна быть фиксирована.

Для этого государство должно определить, как велика теперешняя стоимость национального продукта в металлических деньгах, и какую часть этой стоимости составляет теперешняя национальная денежная рабочая плата; далее, оно должно перенести ту же долю на продукт, определяемый по нормальному труду, и прочно установить ее на будущее время.

Результатом этого было бы то, что та же стоимость рабочей платы, например, три рабочих часа, будет представлять все бо́льшую и бо́льшую реальную плату с увеличением производительности.

c) Должны быть созданы учреждения, которые обеспечивают реализацию платы в предметах, служащих платой по этому масштабу.

Для этого государство должно сохранить за собою право выпуска денег, служащих для платы, как ныне сохраняет за собою право выпуска бумажных денег; должно выдавать предпринимателям в этих деньгах ссуды, которые будут уплачиваться стоимостью их продуктов, определяемой по нормальной работе, должно устроить склады для этих продуктов и должно, наконец, выдавать рабочим по установлении денег продукты по конституированной стоимости.

Таким путем осуществляется идея товарных денег (Waarennote) или ссуды, имеющей своим обеспечением непосредственно товары (auf Waaren fundierter Darlehns Kassenschein), но не в металлических деньгах, а в другом мериле.

При этом, однако, можно избегнуть тех опасностей, которые обыкновенно связаны с товарными деньгами.

Государство, очевидно, получило бы возможность открыть предпринимателям в этих деньгах очень дешевый кредит, который, в свою очередь, облегчил бы им соперничество с другими странами и склонил бы их в пользу реформы.

Рабочие деньги весьма вероятно сами собою и без государственных магазинов могли бы сохранить свое обращение между предпринимателями и рабочими, а государство ограничилось бы устройством меняльных контор для обмена металлических денег на рабочие деньги. Взаимное отношение этих двух видов денег определится вследствие того, что те же продукты, которые будут определены в труде, будут выражены и в стоимости металлических денег.

Путем такого вмешательства государство может фиксировать относительную рабочую плату; реальная плата с тех пор возвышалась бы вместе с производительностью национального труда, ничего не отнимая от теперешней поземельной ренты и прибыли.

Еще пару замечаний. Социальный вопрос—не частный вопрос, он касается всего общественного организма.

Все производство цивилизованного мира подвергается при современной системе периодическим торговым кризисам. Это бич, который от время до времени ударяет по тучному телу капитала. Но боль спытывает все общество, и всего больше те классы, которые этого всего меньше за-

служивают. Тогда наступает безумное явление, что все магазины полны товаров, а все рабочие страдают от лишений, т.-е. одновременно наступает то, что казалось бы не может существовать одновременно. Причиною тому служит не что иное, как падение относительной рабочей платы, наступающее при современных экономических условиях одновременно с повышением производительности труда. Доли стоимости, достающиеся различным классам общества, участвующим в национальном производстве, одни только и определяют их покупательную силу и поддерживают равновесие на рынке. На нарушение этого равновесия влияет вполне естественно постоянно уменьшающаяся покупательная сила одного из участвующих в производстве классов. Ясному пониманию этой истины мешают теперь металлические деньги, в которых выдается плата, и которые подчиняются своим самостоятельным законам. В металлических деньгах рабочая плата повышается часто в то самое время, когда она значительно понижается как доля в продукте, как относительная плата. Вследствие этого национальное производство преграждается в одном из трех рукавов потока, и получается переполнение магазинов одновременно с народным голодом. Могут, пожалуй, возразить, что количество силы, отнятое у одного, переходит к другим двум участникам и должно действовать на рынке с тем же результатом. Дело, однако, в том, что продукты теряют стоимость за отсутствием спроса. То, что в руках одного было бы стоимостью, становится в руках других излишним, т.-е. непродажным продуктом. Производство должно на некоторое время приостановиться, чтобы нагроможденные массы были распределены; оно должно в значительной степени преобразиться, чтобы то, что отнято у одного, опять получило в руках другого значение силы, влияющей на рынок.

Мало того! Во что обращается то, что постоянно отнимается от рабочих и переходит в руки других двух классов или, вернее, в руки одного капитала? Роскошь, не что иное, как роскошь! Ибо потребности этого и без того привилегированного участника были удовлетворены до пределов роскоши. Возьмем пример из жизни. Строят блестящие дворцы, а не здоровые рабочие жилища. И «господствующая си-

стема» отчасти права, потому что на рынок доставляется лишь то, на что существует спрос. Богатые фланеры могут оплачивать вид роскошных дворцов; рабочие же, получающие только необходимое содержание, не могут оплачивать постройки здоровых жилищ. Вся система движется по своеобразному пути: внизу, вследствие неравномерного распределения национального богатства, распространяется все больше и больше зависть, вражда и месть; вверху происходит другое движение: за стремлением к наживе следует жажда наслаждений, за жаждой наслаждений—порча нравов. Так пал Рим! Так падает Франция! А мы?

Но издержки!

Конечно, социальный вопрос будет стоить дороже, чем типографская краска полицейского распоряжения, на то это и социальный вопрос. Но если мы в прошлом десятилетии потратили много миллионов, чтобы причинить землевладению одну из величайших несправедливостей, то почему нам не затратить столько же миллионов, чтобы сотворить акт социальной справедливости, который обозначает новый период во всемирной истории?

В своей статье я только слегка коснулся самых глубоких проблем. Кто не задумывался над экономическими вопросами, тот немного поймет из того, что я сказал. Но я не сделал того, что должен был сделать, для тех, которые понимают эти вопросы; у меня нет обоснования того, что я наметил. Но чтобы удовлетворить научным требованиям, я должен был бы написать книгу. Здесь я хотел указать только на общую точку зрения, бросить взгляд на ряд трудностей, возникающих перед исследователем, подобно исполинским вершинам. Я хотел только показать (возвращаясь к тому, чем я начал статью), каким мизерным представляется в сравнении с моими требованиями нормальный рабочий день (ограниченный во времени), к которому стремятся рабочие, как мало он заслуживает шума, поднятого вокруг него, как сам по себе он не стоит стачки даже на один час.

Нет! Социальный вопрос не будет решен на улице, путем стачек, баррикад или петролеума. Когда нужно было только отменять, тогда декретов, составленных в бурное время, было достаточно, но тогда социальный вопрос на-

ходился в зародыше. Теперь социальный вопрос достиг полного развития, он почти перерос нас. Для решения его уже мало только отменять; нужна организация. Социальный вопрос обладает своеобразными свойствами; подобно мимозе, он испуганно отступает назад пред грубыми насильственными руками. Продолжительный социальный мир, нераздельная политическая правительственная власть, прочный, доверчивый союз рабочих классов с этой властью, внимательные предварительные исследования и работы, учреждения, основанные на ряде глубоких комбинаций и устроенные в мирное время с энергией и порядком—вот какие условия необходимы для решения социального вопроса. Они одинаково исключают дряблую государственную власть, беспокойное рабочее население и «Карлсбадские постановления». Если консерватизм заключается в сохранении сгнившего старья (называется ли оно либеральным или нет), тогда нет ничего менее консервативного, чем социальный вопрос. Если же консерватизм заключается в усилении монархической государственной власти, в мирной реформаторской работе, в примирении социальных классов под эгидой и по норме лучезарного suum cuique,—тогда нет ничего консервативнее, чем социальный вопрос.

БИБЛИОГРАФИЯ КО ВТОРОМУ ОТДЕЛУ

СОЧИНЕНИЯ РОДБЕРТУСА

(в хронологическом порядке)

1. Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände, 1842.
2. Die preussische Geldkrisis, 1845.
3. Für den Kredit der Grundbesitzer. Eine Bitte an die Reichstände, 1847.
4. Mein e rhältnis in dem Konflikt zwischen Krone und Volk. An meine Wähler, 1849.
5. Soziale Briefe an von Kirchman:
   1 Brief. Die soziale Bedeutung, 1850.
6. 2 Brief. Kirchmans soziale Theorie und die meinige, 1851.
7. 3 Brief. Wiederlegung der Ricardoschen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorien (II и III письма вышли вторым изданием в 1875 г. под названием: „Zur Beleuchtung der sozialen Frage“, I).
8. Die Handelskrisen und die Hipothekennot der Grundbesitzer, 1858.
9. Erklärung seit deutsch. An *Mazzini. Was sonst? Vier mit v. Berg* und *L. Lucher herausgegebene Flugblätter*, 1861.
10. Offener Brief an das Komitee des deutschen Arbeitervereins zu Leipzig, 1863.
11. Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes, I B. Die Ursachen der Not; II B. Zur Abhilfe, 1868—1869.
12. Der Normalarbeitstag, 1871.
13. Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Altertums:
   I Zur Geschichte der agrarischen Entwiklung Roms unter den Kaisern, в „Jahrbücher für Nationalökonomie“ за 1864 г.
14. II Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, там же за 1865 и 1867 г.г.
15. III „Zur Frage des Sachwerts des Geldes im Altertume“, там же за 1870 г.
16. Ein Problem für die Freunde der Ricardoschen Grundrententheorie, там же за 1870 г.
17. Was waren Mediastini, там же за 1873 г.
18. Bedenken gegen den von den Topographen Roms angenommenen Frukt der Aurelianischen Mauer, там же за 1874 г.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА

19. Briefe von Lassalle an Rodbertus, 1878.
20. Das Kapital. Vierter sozialer Brief an von Kirchman, 1884.
21. Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Teil II. Nebst einem älteren Aufsatz über die Forderungen der arbeitenden Klassen und einem Sendschreiben an den Londoner Arbeiterkongress, 1885.
22. Herman Wagner—Aus Rodbertus Nachlass, 1886.
23. Briefe Rodbertus an A. Wagner, mitgeteilt in der „Zeitschrift für ges. Staatswissenschaften, 1878, под заглавием: „Einiges von und über Rodbertus-Jagezow von A. Wagner".
24. Briefe Rodbertus an J. Zeller, там же, 1879.
25. Briefe und kürzere Publikationen Rodbertus und auch ein von Rodbertus mit Wagner und K. Mayer auf dem 6 Kongress deutscher Landwirte eingebrachter Antrag, in K. Mayers—-Emanzipationskampf des 4 Standes.
26. Briefe und Sozialpolitische Aufsätze, herausgeg. von K. Mayer, 1880.
27. J. Zeller—Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände (содержит также „I Социальное письмо к ф.-Кирхману" и „Нормальный рабочий день") 1875 и 1876.
28. M. Quarek—Zwei verschollene staatswirtschaftliche Abhandlungen, (enthält: Rodbertus Bemerkungen zu dem Berichte über die Gründung einer Invaliden und Alterversorgungsanstalt für Arbeiter und die Abhandlung—„Zum Normalarbeitstag"), 1885.
29. Moritz Wirth—Neue Ausgabe der 1875 erschienenen Schrift „Zur Beleuchtung der sozialen Frage", 1890.
30. Moritz Wirth—Kleine Schriften von Rodbertus, 1890.
31. Mayer K.—Zwei Briefe von Rodbertus („Neue Zeit", 1894—1895).

СОЧИНЕНИЯ РОДБЕРТУСА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.

1. Исследование в области национальной экономии классической древности, 4 вып., перевод под ред. пр. Тарасова, Ярославль, 1887.
2. Нормальный рабочий день, перевод Герценштейна в „Юридическом Вестнике", за 1891 г. № 1.
3. К освещению и устранению нужды в кредите, испытываемой в настоящее время земельными поместьями, ч. I, приложение к журналу „Голос Землевладельца" за 1892 г.
4. Избранные места из Родбертуса, перевод А. К-ва, изд. Солдатенкова (уничтожено цензурой).
5. К освещению социального вопроса, II и III письма к ф.-Кирхману, перевод пр. Соболева, 1905 г.
6. I Социальное письмо к ф.-Кирхману, перевод Давыдова, 1906 г.
7. Капитал. IV Социальное письмо к ф.-Кирхману, перевод Давыдова, 1906 г.
8. Теория ренты и исследование о капитале, сокращенный перевод и введение А. Кауфмана, 1908 г.

ЛИТЕРАТУРА О РОДБЕРТУСЕ (В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ)

На иностранном языке:

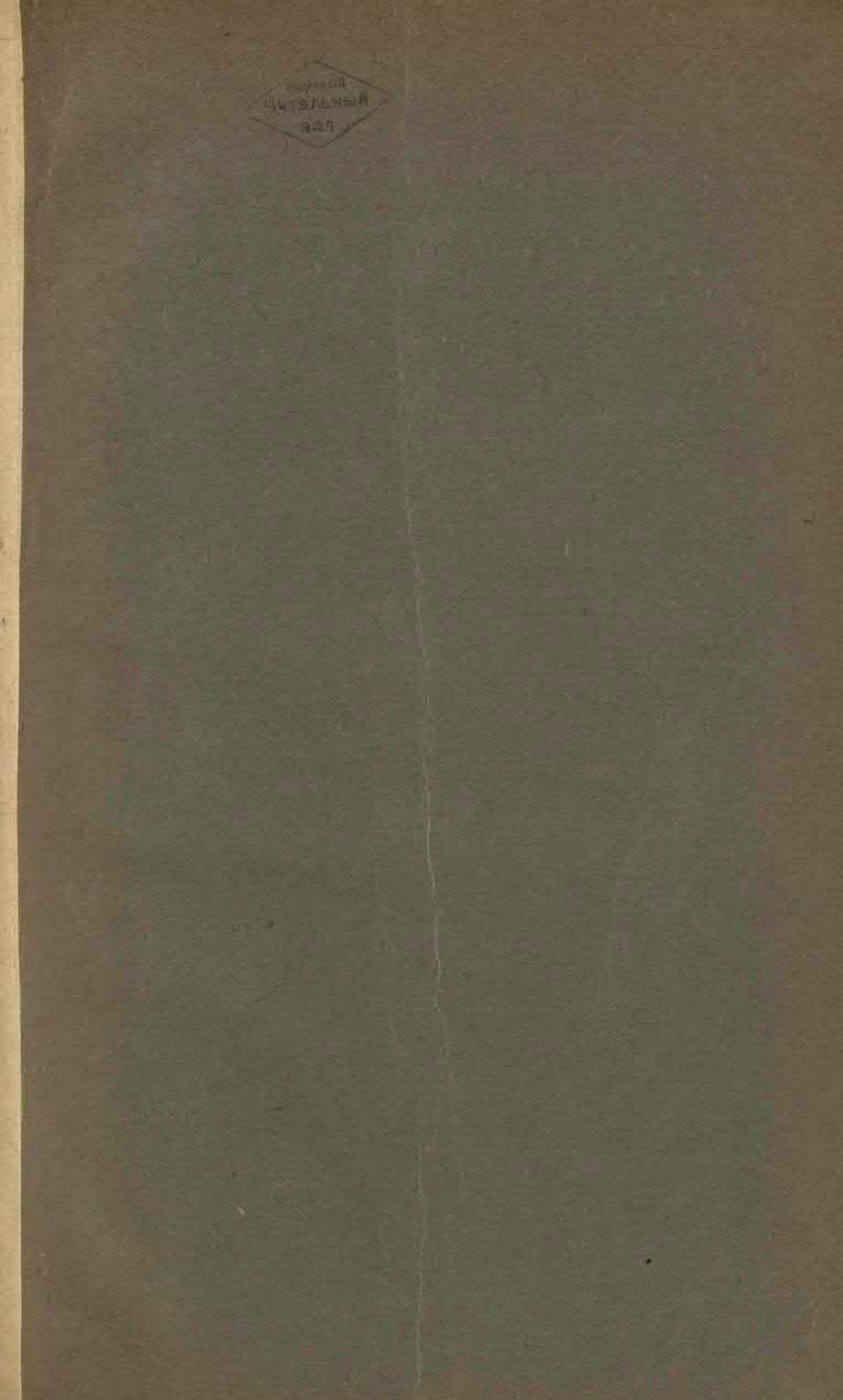
1. G. Adler — Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus, 1883.
2. Andler — Les origines du Socialisme d'Etat en Allemagne, 1897.
3. Bahr — Rodbertus Theorie der Absatzkrisen, 1884.
4. Bradke Elisabeth — Die Gesellschaftslehre von Karl Rodbertus-Jagezow, „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 50 B. 1922.
5. J. Conrad — Das Rentenprinzip nach Rodbertus, в „Jahrbücher für Nationalökonomien und Statistik", B. XIV.
6. J. Conrad — Die neuste Literatur über landwirtschaftliches Kreditwesen, там же, XI.
7. Diehl — Proudhon, seine Lehre und sein Leben.
8. Diehl — „Rodbertus", Artikel in „Handwörterbuch d. Staatwirt"...
9. Dietzel — Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seiner Lehre, 1886—1887.
10. Dietzel — Das „Problem" des literat. Nachlasses von Rodbertus, в „Jahrbücher für Nationalökonomien und Statistik", 1886.
11. Dietzel — K. Rodbertus, в „Preussische Jahrbücher", 1885.
12. Dietzel — Beiträge zur Geschichte des Sozialismus und Kommunismus, в „Zeitschrift für Liter. und Geschichte des Staatswissen.", 1893.
13. Emelle — Der Sozialismus Rodbertus-Jagezow, das Manchestertum und der Staatssozialismus, 1885.
14. Engels — Marx und Rodbertus, „Neue Zeit" 1885.
15. Engels — Vorwort zum II Bande des „Kapital".
16. Engels — Vorwort zur Uebersetzung von Marx — „La misère de la philosophie".
17. Herkner — Die Arbeiterfrage, II B.
18. Jentsch — Karl Rodbertus, 1899.
19. Knies — Der Kredit, 1879.
20. Kozak — Rodbertus-Jagezows sozialökonomische Ansichten, 1882.
21. Lexis — Zur Kritik der Rodbertusschen Theorien, „Jahrbüch. für Nationalök. und Stat.", 1884.
22. Mehring — Zur neuern Rodbertus-Literatur. „Neue Zeit" Jahrgang XII/2.
23. Peters — Ein Betrag zur Lohnreform unter Zugründlegung der sozialökonomischen Ansichten von Rodbertus-Jagezow, 1884.
24. Ruhkopf — Karl Rodbertus' Theorie von den Handelkrisen, 1892.
25. Schippel — Besprechung des 4 sozial. Briefs, in der „Zeitschrift für der Staatswirt.", 1885.
26. Schippel — Die Rodbertussche Grundrententheorie und die Werttheorie Ricardos, in „Staatswirt. Abhandlungen", 1882.
27. Schramm — Rodbertus, Marx, Lassale, 1889.

28. Wermert — Pro societate, II. Zur Würdigung des Rodbertus und seines Staatssozialismus, 1897.
29. Wirth Moritz — Bismark, Wagner, Rodbertus, 1885.
30. Zuns — Einiges über Rodbertus, I „Das Rodbertussche Grundrentenproblem", II „Zur Kritik der Kreditnot", 1883.

На русском языке и переведенная на русский язык:

1. Бем-Баверк — Капитал и прибыль.
2. Бернадский — Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка, 1911 г.
3. Гревс — Очерки по истории римского землевладения, 1898 г.
4. Ден — К учению о ценности, 3 очерка, 1895 г.
5. Гуго и Штейман — Справочная книга социалиста.
6. Железнов — Главные направления в разработке теории заработной платы, 1904 г.
7. Зибер — Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования, II т. сочинений Зибера.
8. Кареев — Новая история, т. V.
9. Кулишер — Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе, 2 т., 1906—1908 г.
10—18. Курсы по истории политической экономии и социализма (Диля, Жида и Риста, Зомбарта, Косса, Левитского, Ляценко, Миклашевского, Туган-Барановского и Чупрова).
18—25. Курсы политической экономии (Железнова, Иванюкова, Платтера, Скворцова. Туган-Барановского, Филипповича и Эфруси).
26. Лескюр — Общие и периодические кризисы.
27. Маслов — Аграрный вопрос в России, 2 т.
28. Маркс — Капитал, 3 т.
29. Маркс — Теории прибавочной ценности, т. II, часть I.
30. Менгер — Право на полный продукт труда.
31. Меринг — История германской социал-демократии.
32. Осадчий — Общественный быт и проекты его улучшения в XIX столетии, 1902 г.
33. Плеханов — Экономическая теория К. Робертуса-Ягецова (в сборн. „За двадцать лет").
34. Солнцев — Заработная плата как проблема распределения, 1911 г.
35. Туган-Барановский — Современный социализм в своем историческом развитии, 1906.
36. Франк — Теория ценности Маркса и ее значение.
37. Чичерин — История политических учений, т. V.
38. Энгельс — Предисловие к II т. „Капитала".
39. Энгельс — Предисловие к „Нищете философии" Маркса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Читальный
зал

2 р. 25 к.